

Валерий Писигин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Польша 1989

— Владислав Фрасынюк —

— Яцек Куронь —

— Адам Михник —

— Кароль Модзелевский —

Варшава — Вроцлав, сентябрь 1989 г.

Москва

2014

В.Ф.Писигин

Политические беседы: Польша 1989. —М.: 2014.

Редактор С.А.Брезицкая

© В.Ф.Писигин, 2014

*Посвящается Каролю Модзелевскому,
одному из вдохновителей и
организаторов демократических реформ
в Польше и Восточной Европе*

*Если в сердце таишь ты о вольности грезы,
Нам в беседе словами легко пренебречь:
Я пойму твои вздохи, а ты — мои слезы
И мне руку пожмешь — это польская речь.*

Адам Мицкевич князю Голицыну, 1828

Предисловие к современному изданию

Предлагаемая небольшая по объёму книга — не воспоминания о недавнем прошлом, а скорее напоминание о нём. Напоминание о важных событиях, о ключевых деятелях этих событий и о нашем многострадальном западном соседе — Польше, первой из стран Восточной Европы освободившейся от тоталитарного коммунистического режима и тем самым поведшей за собой остальные страны Варшавского договора.

Конечно же, эта книга — напоминание и о себе, и о таких же, как я, самонадеянных молодых советских мечтателях, надеявшихся дожить до того славного дня, когда и наша страна — Союз Советских Социалистических Республик — станет свободной, открытой, неагрессивной и неопасной для окружающего мира, а Советское государство, так называемая *Родина-мать*, уберет наконец со своего периметра колючую проволоку, отцепит штык, отбросит ружье и повернётся добрым лицом к своему несчастному, измученному народу.

О той, известной сегодня всякому просвещенному человеку, простой истине, что сочетание Советского государства со всеми перечисленными добродетелями, иногда называемыми *общечеловеческими ценностями*, невозможно в принципе, — мы, тогдашние активисты из провинции, не догадывались даже во сне. Так что эта книга ещё и напоминание о той грустной

иллюзии, которая овладевала нами накануне исчезновения СССР с политической карты мира.

Я никогда не был, тем более не являюсь сейчас специалистом по Польше, не знаю толком ни её истории, ни культуры, ни традиций, ни быта. Польша меня интересовала не больше, чем другие социалистические страны, если вообще интересовала... Адам Мицкевич, Фредерик Шопен, пленение Василия Шуйского, поляки в Кремле, плюс к этому — Збигнев Цибульский, «Червоны Гитары», «Скальды», заумный Чеслав Немен, а ещё раньше, со школьной скамьи, — близкие юному сердцу «Четыре танкиста и собака» с белокурым Янеком и запоминающейся песней *Deszcze Niespokojne* в начале и конце каждой серии... Вот и вся моя Польша! Вот и весь наш католический сосед в моём представлении, хотя среди ближайших предков моих были и поляки.

Всё переменилось в самом конце семидесятых, когда до моего неокрепшего слуха и архаичного сознания стали доноситься туманные и разрозненные отклики о польских социальных потрясениях и всплыло слово «Солидарность». И это привычное, даже затасканное абстрактное словцо, заимствованное, казалось, из совдеповского агитпропа, вдруг зазвучало не в обыденном контексте пустых и бессмысленных первомайских демонстраций, а буквально — как некий высокий соединяющий революционный символ!

Таким образом для меня и для таких, как я, донёсшееся из радиоприемника сквозь заглушающие шумы слово «Солидарность» обрело новый смысл, по сути, оно стало совершенно новым *словом-призывом* — живым, отважным и в конце концов победным сигналом, возвращающим нам достоинство, надежду и веру, придающим силы и укрепляющим дух...

Как мне верно оценить и чем отблагодарить за это Польшу и поляков?!

И тогда мой слух стал жадно ловить всякую информацию о польских событиях, а таковая исходила только из двух источников. Первый — телевидение и пресса — читай: советская пропаганда; второй — западные радиостанции, слушать которые приходилось в основном ночами, да и то не каждой, потому что все эти передачи глушились. Помню, я собирал вырезки из центральных газет, читал и анализировал их вместе с моими друзьями-единомышленниками, а затем складывал их в отдельную папку, которая утолщалась день ото дня. Кое-что записывал в блокнот, прослушивая «Голос Америки», Би-Би-Си, «Радио "Свобода"», «Немецкую Волну»...

И вот, посреди эфирного скрежета и шума, хорошо известного моему и более старшему поколению, до меня стали доходить имена, и первое среди них — Лех Валенса...

Кто это? что он? каков ростом? какова его внешность? какой у него голос и какой слог? И если Валенса — всего только рабочий из судостроительной верфи, то как смог он стать центральной фигурой общепольского сопротивления? Как он смог стать угрозой для всемогущей коммунистической власти — не только польской, но и нашей, советской? Как смог этот многолетний электрик из Гданьска противостоять бесчувственной и безжалостной Системе, а в скором будущем стать могильщиком компартии и всего строя, который изначально позиционировал себя как *«строй трудящихся»*?

Даже без ответа на эти вопросы — само общепольское рабочее движение с независимым профсоюзом во главе давало нам очевидный и ключевой для осознания вывод: ПОРП (Польская объединенная рабочая партия) никакой «рабочей

партией» на самом деле не является, как не является таковой и наша собственная КПСС! Никакая пропаганда, никакое очернительство и ложь не могли противостоять тому факту, что в центре сопротивления польскому тоталитарному режиму стоит рабочий, поддерживаемый миллионами поляков!

Уже одно это обстоятельство расшатывало устои всего так называемого социалистического лагеря, и это лучше всего понимали партийные идеологи в Советском Союзе. Поэтому в советской прессе было наложено строгое табу на всякое упоминание о Лехе Валенсе, тем более о его рабочих корнях. Если же имя его и упоминалось, то лишь с тем, чтобы лишний раз донести до советских людей, что за спиной малограмотного тщеславного и запутавшегося лидера стоят некие тёмные силы в лице тайных прозападных советников, которыми, в свою очередь, управляют из-за океана коварные антикоммунисты вроде Збигнева Бжезинского.¹

И действительно, из западных радиостанций стали доноситься разрозненные сведения о советниках «Солидарности», об идеологах движения, о загадочных интеллектуалах из европейских университетов и о молодых активистах из Вроцлава, Варшавы, Кракова, Лодзи, Гданьска, Щецина... Будучи в то время дежурным слесарем ТЭЦ КамАЗа, я лучше других понимал, что за спиной моего польского коллеги–электрика непременно должен кто-то стоять.

Так я впервые услышал имена Яцека Куроня, Лешека Колаковского, Адама Михника, Кароля Модзелевского, Бронислава Геремека, Збигнева Бюяка... И эти имена вызывали всё новые и новые вопросы: кто они? какие они? откуда взялись? что ими в действительности движет? какие книги они читали? каковы их устремления и каковы политические взгляды?..

Боже, каким было бы моё счастье, если бы я с ними тогда встретился!..

Обращаю внимание, что вопросы эти задавались не на московских или ленинградских кухнях, не в интеллигентских академических кругах, где распространялся самиздат, куда окольными путями доходили издаваемые на Западе книги и брошюры и где имели место живые слухи, доносившиеся из Варшавы. Ничего обо всём этом ни я, ни мои друзья-единомышленники в то время не ведали. Не только никакого диссидентского влияния мы не испытывали, но даже и назначения самого слова «диссидент», кажется, не знали. И поскольку мы были в полной мере отчуждены от остального мира, это наше печальное состояние достойно скорее сочувствия, чем упрёков, хотя невежество, что бы ни было его причиной, не аргумент, тем более — не алиби.

* * *

Польские события, деятельность независимого профсоюза «Солидарность», выдвижение из рабочей среды харизматического лидера Леха Валенсы, массовые протесты и вслед за тем введение военного положения и расправа над участниками и лидерами «Солидарности», их арест и заключение в тюрьму — всё это привело нас в движение... После бесчисленного количества частных консультаций, переговоров и встреч со своими товарищами, в феврале 1982 года в далёких от Польши Набережных Челнах, молодом городе с суперзаводом по производству большегрузных автомобилей, мы организовали дискуссионный политический клуб, ставивший своей целью ни

много ни мало как преобразование общества и построение демократического государства.

В этой книге не место истории создания политического клуба, впоследствии носившего имя Николая Ивановича Бухарина, но без упоминания о Политклубе не обойтись, так как только благодаря этому странному неформальному образованию, а также совсем уж невероятному случаю (его вполне можно назвать фантастическим!), я смог побывать в Польше и встретиться там с кумирами своей политической молодости. Так что несколько страниц Политклубу мы всё же посвятим.

Дискуссионный клуб — как форму, объединяющую единомышленников, — предложил нам один из пионеров советской управленческой науки — Валентин Шулимович Рапопорт (1931–1995). Это был очень романтический и деятельный человек, познания и опыт которого ни я, ни мои друзья, конечно, не могли тогда вполне оценить. Зато он очень быстро оценил нас, увидев в молодом поколении комсомольцев КамАЗа некую новую волну, могущую пробить брешь в беспросветном и безвыходном коридоре под названием СССР. В.Ш.Рапопорт согласился стать наставником политклуба, а я, начинающий лидер, стал его *политорганизатором*: эту странную должность также придумал Рапопорт, перед памятью которого я склоняю голову. Председателем политклуба, причем не только по долгу службы, но и по зову души, стал тогдашний первый секретарь горкома комсомола Ринат Каримов.² По сути, своей должностью он прикрывал политклуб от нападков со стороны партийных и комсомольских бюрократов.

Время для образования неформального, но легального дискуссионного клуба было не самым удачным: только-только начался 1982 год, и никак не умиравший Л.И.Брежнев уже ка-

зался всем нам вечно живым... Не исключено, что дискуссионный политический клуб смог состояться только в условиях не совсем обычной социальной среды, а именно — в огромном новом городе при гигантском современном производстве. Таковым и являлся город Набережные Челны, представлявший собой средоточие съехавшейся отовсюду разноплеменной и разношёрстной молодёжи, как рабочей так и инженерной, с концентрацией множества частных и общих проблем, требующих немедленного их решения, иначе предприятие-гигант попросту не состоится. Ради последнего местные партийные власти были вынуждены терпеть многое, в том числе и молодежный дискуссионный клуб с дежурным слесарем во главе. К тому же на нашем «знамени» были начертаны безобидные ленинские лозунги, а в учителях наших, кроме самого Владимира Ильича, числились в то блаженное время лишь Маркс с Энгельсом да ещё Плеханов. Ну что с нами поделаешь? ³

«Зло творило добро, другого добра мы не знали, кто вышел из этого пекла живым, глядит на себя и плачет», — эта строка из стихотворения «Шестидесятники» Александра Гельмана вполне подходит и к нам, поколению их детей...⁴

Затем настало жёсткое, но недолгое время Юрия Андропова. Для нас оно, впрочем, жёстким не стало, так как поднятая Андроповым борьба с бюрократизмом и прочими «негативными явлениями» использовалась нами на все сто. Что касается борьбы с антисоветчиками, то мы и от неё нисколько не страдали, всерьёз полагая, что таковыми являются партийные и комсомольские бюрократы, засевшие в райкомах и горкомах, в то время как мы, подлинные комсомольские активисты, есть передовой отряд борьбы с ними... Помню, кажется, в «Литературной газете» в то время была опубликована большая

статья Гейдара Алиева (1923–2003), призывавшего бороться с бюрократизмом и казнокрадством. Этот верный андроповец, входивший в то время в политическое руководство страной, даже оправдывал небезызвестного Юрия Деточкина, героя популярного кинофильма «Берегись автомобиля». Можно смеяться, но для нас это был и сигнал, и оружие в борьбе с местными бюрократами, и, кстати, защита от них же... Наш наставник В.Ш.Рапопорт даже предлагал нам, разумеется в защитных целях, назваться *алиевцами*, но смерть Андропова и восшествие столь же больного и престарелого Черненко несколько сместили внутривполитические векторы: энергию борьбы с бюрократизмом, казнокрадством и разгильдяйством канализировали на какие-то другие временные пороки, сейчас уже не вспомню какие...

К этому забавному времени относится и появление книги Вадима Трубникова «Крах "Операции Полония"».

Как было указано в аннотации, книга *«посвящена самому драматическому периоду в жизни ПНР — событиям 1980—1981 гг., во время которых контрреволюционные группировки в союзе с международным империализмом предприняли попытку свержения народной власти. В книге раскрываются сложные перипетии борьбы польских коммунистов, других социалистических сил против контрреволюции. Книга базируется на богатом фактическом материале»*.⁵

Вот это было то что надо! А уж извлечению *того, что надо*, из всего, что только попадалось под руку, нас в нашем отечестве научили сполна. Книга Трубникова на какое-то время стала одной из наших настольных книг, потому что давала представление о том, что на самом деле происходило в Польше, хотя ретивый её автор, конечно, затевал прямо противополо-

ложное. С той поры Яцек Куронь, Адам Михник и особенно Кароль Модзелевский стали моими недосягаемыми и непостижимыми героями. Это был 1983 или 1984 год, и я знал, что все трое были арестованы после введения в Польше военного положения и томятся в тюрьме.

Ну а потом подросла *перестройка*, и мы обрели нового, на удивление молодого (всего-то 54 года!) лидера, позволявшего нам делать если не всё, то многое. Мы обсуждали передовицы «Правды» и «Известий», читали *комсомолку*, «Литературную газету», но самым авторитетным и изучаемым стал для нас издаваемый в Новосибирске журнал *ЭКО (Российский экономический журнал)*. С подачи Рапопорта статьи А.Г.Аганбегяна, Т.И.Заславской, Г.Х.Попова, Б.П.Курашвили и других прогрессивных авторов мы обсуждали на своих заседаниях... Кроме того, в узком кругу мы читали Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина и других вождей большевизма, выступления и печатные труды которых переписывали от руки из старых книг, стенографических отчетов пленумов и съездов партии и из периодики прошлых лет, подолгу засиживаясь в библиотеке Казанского университета или в Научной библиотеке Политехнического музея в Москве, куда я специально для этой цели записался. Благодаря этим чтениям мы пересматривали и отечественную историю...

С 1983 года я и мои друзья-соратники периодически появлялись в Москве, где устанавливали связи с единомышленниками, а также встречались с нашими тогдашними учителями, неизменными авторами статей в *ЭКО*, — Борисом Павловичем Курашвили (1925–1998), Гавриилом Харитоновичем Поповым, Татьяной Ивановной Заславской (1927–2013), другими властителями наших тогдашних дум, а также с прогрессивными жур-

налистами, такими, например, как Александр Радов и Юрий Щекочихин (1950–2003).

Далее был Николай Бухарин с его невероятным влиянием на нас, борьба за его реабилитацию и — ключевой момент — знакомство и дружба с Анной Михайловной Лариной-Бухариной (1914–1996), вдовой Николая Ивановича.

Анна Михайловна открыла нам свой дом и познакомила с целым рядом своих друзей и приятелей, среди которых были Михаил Яковлевич Гефтер (1918–1995), Юрий Федорович Карякин (1930–2011), «левый» итальянский журналист Джульетто Кьеза, биограф Бухарина американский историк и советолог Стивен Коэн, журналист, историк и переводчица из Франции Вероник Гаррос (Veronique Garros, 1958–2013)... Потом были встречи с Леном Вячеславовичем Карпинским (1929–1995), Егором Владимировичем Яковлевым (1930–2005), Николаем Петровичем Шмелёвым (1936–2014), Александром Исааковичем Гельманом, Отто Рудольфовичем Лацисом (1934–2005), Александром Михайловичем (Алесем) Адамóвичем (1927–1994), Святославом Николаевичем Фёдоровым (1927–2000), Евгением Аршаковичем Амбарцумовым (1929–2010), Юрием Николаевичем Афанасьевым и многими другими передовыми деятелями, которых тогда было принято называть *«прорабами перестройки»*...

Ситуация с оформлением в СССР демократического слоя, способного материализовать идеи рыночной экономики, сдвинулась с принятием Закона о кооперации в СССР, который я и по сей день могу назвать историческим, а одного из авторов этого закона — академика ВАСХНИЛ Владимира Александровича Тихонова (1927–1994) — одной из ключевых фигур нарождавшегося демократического движения.⁶

В августе 1988 года в Набережных Челнах состоялась конференция кооператоров, съехавшихся в этот город со всей страны, и была учреждена Межрегиональная Кооперативная Федерация (МКФ), получившая общесоюзный статус. С подачи одного из пионеров кооперативного движения, талантливого предпринимателя-самородка Леонида Григорьевича Онушко, меня, после жесточайшей дискуссии, избрали президентом новорожденной организации, полагая, что я и политклуб сможем обеспечить политическую защиту новому движению, а также найдем формулу развития кооперации в провинции. Уже в ноябре наше объединение насчитывало более десяти тысяч кооперативов из шестидесяти городов СССР: от Владивостока до Калининграда. При этом в МКФ были представлены девять из пятнадцати союзных республик. Финансовой основой и инструментарием организации стал задуманный и созданный Онушко один из первых кооперативных банков — «Континент», располагавшийся в Набережных Челнах.⁷

Осенью 1988 года был учрежден Фонд им.Н.И.Бухарина, сопредседателями которого стали мы с Анной Михайловной Лариной-Бухариной. Кроме прочего, фонд награждал премиями лучших представителей отечественной и зарубежной экономической мысли, а также практиков-новаторов, отличившихся в продвижении рыночной экономики в СССР. Среди лауреатов премий фонда — О.Р.Лацис, В.А.Тихонов, историк и политолог Стивен Коэн, знаменитый артельщик и золотодобытчик Вадим Иванович Туманов, новатор сельского хозяйства Иван Никифорович Худенко (1918–1974) (ему премия была присуждена посмертно). Одним из лауреатов стал и молодой тогда журналист и экономист Егор Тимурович Гайдар (1956–2009), отличившийся несколькими глубокими статьями в защи-

ту предпринимателей, а также важными политэкономическими прогнозами. Он, кстати, в своё время приезжал к нам в Набережные Челны, чтобы выступить перед кооператорами на специальном семинаре.

Помощь нашему движению пытался оказать и А.Д.Сахаров (1921–1989). Помню, где-то в конце 1988 года Лен Карпинский передал мне номер телефона бостонской гостиницы и сказал, что Сахаров ждет моего звонка. В назначенный час я позвонил из Набережных Челнов в Америку (что само по себе было для меня ново!) и проговорил с Андреем Дмитриевичем не менее сорока минут! Сахаров настойчиво хотел связать нас с какими-то крупными канадскими бизнесменами, с которыми он уже вроде бы договорился о сотрудничестве, и те согласились помогать нашему становлению... Всё это было очень трогательно, даже забавно, и я до сих пор храню листочек с телефонным номером бостонского отеля и фамилией какого-то канадского миллионера, рекомендованного Сахаровым. И конечно же, в моей памяти запечатлелся мягкий, сбивчивый, картавый и немного торопливый голос Андрея Дмитриевича, которого время от времени дополняла Елена Георгиевна Боннэр (1923–2011), забиравшая у мужа трубку, чтобы пояснить, что именно он хотел мне сказать...

Разумеется, из этой затеи ничего не могло получиться, потому что никто во всём мире не знал, чем и как нам помочь, но сам факт — примечателен: величайший ученый, гуманист и общественный деятель, понимая всю значимость нарождающегося кооперативного движения для становления демократии в России, как мог, пытался помогать этому процессу.

Одним словом, к сентябрю 1989 года, когда я отправился в Польшу, моя политическая деятельность была на своём пике.

Я чувствовал себя невероятно сильным, бесконечно правым и ежечасно находил подтверждения своей правоте. Спорить со мной в те дни было непросто, если вообще возможно: моим аргументом была строго отлаженная, иерархически отстроенная и полностью независимая политэкономическая структура, на знамени которой было начертано имя популярнейшего в те годы любимца партии, подкрепляемое невероятно обаянием и недюжинной волей его вдовы. Мне казалось, что выработанная нами концепция по оформлению в СССР демократического слоя, способного в ближайшее время организовать в стране новую демократическую власть, которая в свою очередь трансформирует традиционное авторитарное российское государство, — верная и единственно правильная в такой многосложной стране, как СССР. Отсюда — очевидная самоуверенность и самонадеянность (*я знаю не только то, что надо делать, но и как надо делать!*) в разговорах с более старшими, опытными и несопоставимо более образованными, чем я, лидерами польской революции, прошедшими через эти и прочие схожие иллюзии ещё лет за двадцать до нашей встречи.

И уж тем более я не думал и не гадал осенью 1989 года, что спустя всего два или три года ничего не останется и от моих собственных иллюзий, как не останется следа от всей моей бурной политической деятельности...

* * *

В один из обеденных перерывов в 1982 или в 1983 году я обратил внимание на не совсем обычного, явно нового на ТЭЦ КамАЗа молодого человека, стоявшего в очереди в буфет. Необычным было не столько то, что одет он был в цивильный

тёмный костюм при галстукe и обут в безупречно начищенные туфли, сколько то, что, стоя в очереди, он читал книгу. Ситуацию оттеняло то, что его окружали работяги — вроде меня в предельно грязной робе. Видимо в пику читающему, они громко о чем-то рассуждали, смеялись, при этом толкались... Он же был невозмутим, ни на кого и ни на что не обращал внимание, молча стоял и читал. Для места и времени это было более чем нестандартно. Это было вызовом. Но молодой человек, на это указывало его плотное телосложение и перебитый нос, был явно спортсменом, и скорее всего боксером, поэтому вызов его был принят за манерность...

Как выяснилось, молодым человеком был Владимир Будневич, инженер, недавно устроившийся на предприятие. Мы познакомились, когда он подошел ко мне во время очередного мероприятия, на котором я «крутил» какую-то модную музыку. Переговорив, я пригласил его в клуб любителей музыки в ДК КамАЗа... Дело в том, что, помимо политклуба (по вторникам), я вёл ещё и музыкальный клуб (по понедельникам), который собирал в основном набережночелнинских любителей рока. Чтобы подчеркнуть свою невинность, мы слушали еще и классику и даже фольклор... С тех пор Володя исправно посещал клуб любителей музыки, а ещё через какое-то время стал активным участником наших дискуссий в политклубе. Поскольку, ко всему прочему, мы работали на одном предприятии, то мы стали приятелями. Он был женат, имел сына, я неоднократно бывал у него в гостях в его трехкомнатной квартире... Владимир был на несколько лет старше меня, его высшее образование и социальный статус — инженер — были несопоставимы с моими, но мы всегда находили общие темы и общий язык.

Весной, кажется, 1984 года в один из приездов в Москву меня каким-то образом занесло на Выставку достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ). Это было в первый и в последний раз, потому что никаких дел у меня там не было ни до ни после описываемого события. И вот, проходя скорым шагом в бесчисленной толпе, масштабы которой может представить только тот, кто хоть раз побывал на этой самой ВДНХ, я краем глаза заметил в десяти шагах от себя моего челнинского приятеля и коллегу по политклубу, уверенно идущего мимо... Нашему взаимному удивлению не было предела. Вот ведь как бывает! И мы, конечно, отметили исключительную маловероятность подобной встречи в многомиллионном городе, прежде чем зашли в какое-то кафе... Я рассказал о своих московских похождениях, о найденных книгах по истории страны и партии, о встречах в Музее Ленина, о каких-то дискуссиях, ещё о чем-то, после чего спросил Володю: что же его привело в Москву?

Он погрузстнел, сказал, что приехал в столицу к родственникам, чтобы восстановить с ними связь, а заодно разузнать о судьбе своего брата по отцу. При этом Владимир достал из кармана небольшой свёрток и уже из этого свёртка извлёк старый исписанный блокнот.

— Вот, видишь, рукой отца, который уже давно умер, написано мне завещание: во что бы то ни стало разыскать старшего брата и восстановить с ним отношения.

После этого Володя достал фотокарточку, на которой запечатлены его отец и очень красивый кучерявый юноша со светящейся улыбкой.

— Это вот отец с моим братом Кириллом...

— Ну и как? Получается его разыскать? — спросил я.

— Да нет. Он давно живет в Польше, и родственники сказали, что сейчас он сидит в тюрьме как политический активист и один из лидеров «Солидарности»... Арестовали сразу после введения военного положения, и сидеть, говорят, будет долго, если вообще когда-нибудь выйдет...

— Один из лидеров «Солидарности»? — переспросил я.

— Да. Так сказала сестра.

— Но как его фамилия? — напрягся я.

— Модзелевский, — спокойно ответил Володя.

Я потерял дар речи и почти лишился сознания. Я почти умер...

И даже сейчас, спустя тридцать лет, я не могу спокойно пережить воспоминание о том мгновении, когда услышал ответ Володи. Вот уже несколько лет моим приятелем, членом нашего политклуба и моим единомышленником является брат того, кем я бредил и кого считал ключевой фигурой польских... да что там — европейских революционных событий! Оказалось, что тот далекий, недоступный и недостижимый деятель в лице своего брата находится совсем рядом. Он почти здесь!

— Кароль Модзелевский твой брат?! — медленно, как в кино, еще раз переспросил я.

— Кирилл, — спокойно поправил меня Владимир. — Отец называл его Кириллом... Видишь, вот в блокноте его рукой написано!..

По возвращении в Набережные Челны — который тогда, если кто-то ещё это помнит, назывался Брежнев, — мы много и не единожды разговаривали с Владимиром о его, как оказалось, знаменитом брате... Володя показал мне две или три фотографии Кирилла, которые хранились в его семейном архиве,

а я рассказывал ему всё, что только знал о Кароле Модзелевском, выдающемся деятеле польского демократического движения, одном из лидеров независимого профсоюза «Солидарность». И конечно, мы мечтали о будущей встрече, думали, что бы сделать, чтобы таковая состоялась, и строили всевозможные планы, включая откровенно авантюрные. Например, мы готовы были предложить свои услуги агентам отечественной контрразведки, чтобы они заслали Вовку к его «антисоветскому» родственнику с каким-нибудь спецзаданием, и тогда он, оказавшись за рубежом, сбежит и останется там, чтобы уже самому разыскивать брата. И Володя, кстати, был готов на всё, чтобы только выполнить завет отца, да только где же было нам найти этих агентов...

В конце концов мы поняли, что завещанная встреча братьев на нынешнем этапе невозможна и её придется отложить до лучших времен...

Но как получилось, что родившийся в Москве Кирилл Будневич стал однажды поляком Каролом Модзелевским?

* * *

Кароль родился 23 октября 1937 года в Москве в молодой семье будущего офицера Александра Будневича и Натальи Вильтер. Уже в следующем месяце отец новорожденного был арестован, и та же участь постигла бы его мать, за которой уже пришли, но почему-то Система дала сбой, и Наталью оставили на свободе. В срочном порядке она переписала фамилию своему месячному сыну, и тот стал Кириллом Вильтером.

«Мать, может быть, не хотела, чтобы я считался сыном врага народа, она дала мне фамилию не отцовскую, а

свою. А потом мне переделали фамилию на Модзелевский. И даже имя переменяли. Так что я теперь не Кирилл, а Кароль, Карл. Во всяком случае, для меня ни Россия, ни Советский Союз от роду не были чужды», – вспоминает Кароль Модзелевский в одном из недавно опубликованных интервью.⁸

Вообще, чтобы проследить за судьбой Кароля Модзелевского и вернее представлять его необычайно сложный жизненный путь, а также неразрывную связь с Россией, важно привести рассказ Кароля о самых ранних годах его жизни:

«Мой биологический отец в это время учился на последнем курсе бронетанкового училища в Москве, был почти офицером. Его арестовали во время массовых чисток после дела Тухачевского в декабре 1937-го. Мне было три недели, когда его взяли. Так что биологического отца я не видел.

Видел я дядю Зига — Зигмунта Модзелевского (Zygmunt Modzelewski, 1900–1954), моего отчима. Но тоже не сразу. Он вышел с Лубянки в июле 1939-го. Родился он в Ченстохове (Czestochowa). Происхождение у него было совершенно "правильное", как в учебнике, — рабочее, в семье железнодорожника он был восьмым ребенком. Он был способным, ему дали возможность окончить среднюю школу. Следует отметить, что это было доступно не всем. Потом, уже в независимой Польше, он поступил в университет в Кракове. Впрочем, как я недавно узнал (ему удалось это скрыть, и даже моя мама этого не знала), студентом он добровольцем воевал в 1920 году. Но не на советской, а на польской стороне. Как только демобилизовался из армии, то вместо того, чтобы продолжать учебу в Ягеллонском университете, ушел в подпольную коммунистическую деятельность. В подпольной коммунистической партии он был "окренговцем" от шахтерского округа Силезии — Домбровско-

го бассейна. Если переводить на советские категории, это соответствовало посту секретаря обкома. Один раз его арестовали, он убежал... Другой раз его арестовали — он снова бежал... После двух побегов его разыскивали. Партия решила перебросить его во Францию, чтобы он там работал. Во Франции была довольно мощная польская рабочая эмиграция, особенно из шахтеров, так что не случайно, что его выбрали на эту работу. С 1925 до 1937 год он был во Франции...

В 1937-м он был довольно видным деятелем, членом ЦК французской компартии и руководил польской секцией в ФКП. Его вызвали в Москву. Он уже знал, что это будет не очень весёлое путешествие, но полагал, что, даже если его посадят, когда он приедет, ему ничего не смогут предъявить: ведь он ни в чем не виноват. Так это и вышло. По случайности и его упрямству. Его посадили в октябре 1937-го, вскоре после приезда в Москву. Но не захотели его просто перед особым совещанием поставить — он же был выдающийся деятель, — хотели сделать открытый показательный процесс или присоединить его к какому-то большому процессу, который бы легитимизировал роспуск польской компартии. Но он не хотел сознаться, что он агент французской и японской разведки. Его пытали, в ледяной камере бросали, разные вещи делали, но он заупрямился и пережил Ежова. После падения Ежова он попал в бериевскую передышку. И в июле 1939 года его выпустили, сняв все обвинения, возвратили ему билет французской компартии, польской уже не было. В ВКП(б) он не захотел, гражданство советское тоже не взял, но всё-таки остался на свободе и был признанным участником польской политической эмиграции в Москве. Он стал организатором *Союза польских патриотов*, а потом одним из организаторов армии Берлинга; хотя он вышел из

армии, в которой воевал против Красной армии, старшиной, но тут сразу стал капитаном.

Когда он вышел из тюрьмы, то был почти доходягой. И московские поляки поместили его к моей маме, потому что у неё кровать была свободная после ареста моего отца и самая большая комната в коммунальной квартире. Все нам завидовали: в комнате жили только я, бабушка и мама. А мой дедушка уже сидел: он был меньшевик, но я об этом долго не знал. Так что мама моя занялась этим полудоходягой Модзелевским. Она его как-то подняла, и потом это так и осталось».⁹

В первый год войны Наталья и Зигмунт пристроили Кирилла в детский дом, располагавшийся близ деревни Безглядово, Нижегородской (тогда Горьковской) области, на живописном берегу Ветлуги.

«Это был детдом для детей иностранных товарищей, которые как раз в это время считались "товарищами", а не "врагами народа". Детдом был хороший, потому что голода в нём не было. Воспитание у нас было, конечно, советское. Меня туда привезли в ноябре или декабре 1941 года, когда немцы подходили к Москве. Родители поехали в эвакуацию в Энгельс, но меня не тащили с собой, а просто поместили туда. У детей там матери были довольно часто русские, а отцы — главным образом иностранные коммунисты. Но всем нам говорили, что Советский Союз — наша родина, а мы, конечно, воплощение великорусского величия. Так что я в некоторой степени в раннем детстве был воспитан в духе великорусского национализма».¹⁰

После войны отчим Кароля перёшел на дипломатическую работу, был назначен послом Польской Народной Республики в Москве, затем стал заместителем министра ино-

странных дел, а с февраля 1947 по март 1951 года Зигмунт Модзелевский служил министром иностранных дел Польши. Он также был влиятельным членом ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Так что до определенного возраста Кароль Модзелевский рос в семье одного из высших руководящих сановников страны...¹¹

Теперь, когда нам хотя бы что-то известно о происхождении Кароля Модзелевского, вернёмся ко временам *перестройки*, в промышленный город Набережные Челны, в котором вовсю бурлила перестроечная активность и функционировал Политклуб имени Н.И.Бухарина, активным членом которого был сводный брат Кароля — Владимир Будневич.

* * *

В конце 1988 года или даже в самом начале 1989-го мы проводили конференцию кооператоров, которую обычно совмещали с очередной бухаринской конференцией, и к нам в Набережные Челны съезжались кооператоры и молодые политики со всей страны. Это были довольно массовые и представительные мероприятия, о которых писала пресса, в том числе центральная. Приезжали к нам и известные деятели из Москвы: историки, социологи, экономисты, литераторы и, конечно, журналисты, в том числе иностранные. Одним из таковых был Бернар Геттá (Bernard Guetta), собственный корреспондент французской *Le Monde*, с которым мы поддерживали отношения через Вероник Гаррос, работавшую в то время его помощницей. Геттá был известным и влиятельным корреспондентом, одним из тех, кто формировал образ *перестройки* и её лидера Михаила Горбачева в массовом сознании Запада. Этот обая-

тельный и даже веселый человек испытывал неподдельный интерес ко всему новому, что происходило в СССР, и с любопытством приглядывался к тому, чем занимаемся мы в Набережных Челнах...

В один из вечеров, за ужином на моей кухне, зашёл разговор о Польше, и Бернар стал рассказывать о своей работе в Варшаве во время важных исторических событий в этой стране. Как водится, зазвучали известные имена. Я спросил о Лехе Валенсе, и Бернар Гетта восторженно говорил о нём как о феноменальном политике... *«Абсолютно гениальный политик!»* — сказал он о Валенсе... И тогда я спросил, не знает ли он Модзелевского, на что мой гость, не задумываясь и, как всегда, улыбаясь, ответил, что, конечно, знает, более того — Кароль его друг... И тотчас начал рассказывать о Модзелевском, о его огромной роли в польских реформах, но я его остановил.

— А ты знаешь, что у Кирилла (я его так и назвал) есть брат, родной, по отцу?

— Да, он мне рассказывал, что у него в России где-то живет брат, — ответил Бернар, вопросительно глядя на меня.

— А знаешь ли, что этот брат живет в Набережных Челнах и он — член нашего Политклуба имени Бухарина?

Бернар откинулся на спинку стула и округлил глаза.

— Не может быть! — произнес он, при этом он по-прежнему улыбался.

— Да мы сейчас же ему позвоним, — сказал я и направился к телефону, но Бернар меня остановил.

— Такое не может быть! — повторил он, и только теперь его улыбка исчезла.

Тогда я показал ему фотографию, на которой были Александр Будневич и его старший сын Кирилл, кудрявый улыбающийся красивый юноша...

Бернар взял фото обеими руками, склонился над ним, присмотрелся, затем, растекаясь улыбкой, ме-е-е-едленно приподнял голову и, обводя взором сидящих за столом, тихо произнес:

— Это Кароль!

Следующим утром он уже звонил во Вроцлав, а спустя ещё несколько часов «самый серый кардинал польской контрреволюции» разговаривал по телефону со своим сводным братом Владимиром Будневичем... Это был их первый разговор.

* * *

Затем были еще звонки, разговоры братьев, договоренности о встрече, и в марте 1989 года мне пришло от Кароля официальное приглашение приехать в Польшу, а к нему — письмо:

Вроцлав, 10/III/89

Дорогой Валерий Фридрихович!

Посылаю вам официально оформленное приглашение, на основании которого вы должны получить заграничный паспорт на поездку в Польшу. Такое же приглашение посылаю одновременно Володе. Ему я напишу отдельно, а вам я очень благодарен; без вас мы бы, наверное, не отыскали друг друга.

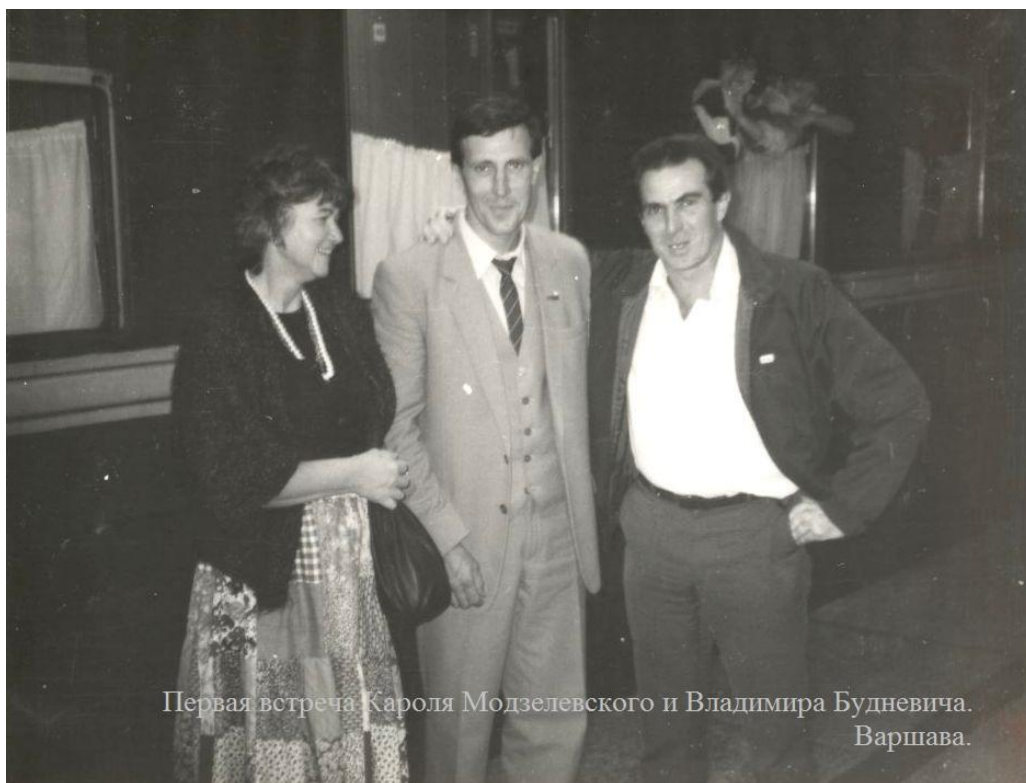
Надеюсь вскоре повидаться.

Крепко жму руку — Кароль Модзелевский.

Очевидно, Кароль хотел, чтобы я, как соединивший их и как друг Владимира, приехал вместе с ним. И сам Володя без меня отказывался ехать. Ну а для меня, в то время законченного политика, приглашение Кароля Модзелевского приехать в Польшу было даром Божиим — не меньше...

Мы, конечно, долго готовились, собирались духом и наконец, в самом конце августа, с Белорусского вокзала отправились в Варшаву...

Встреча никогда прежде не встречавшихся уже взрослых братьев произошла на Варшавском вокзале. Владимир и Кароль обнялись. Я сделал несколько фотоснимков...

За десять дней нашего пребывания в Польше Кароль, кажется, ни на минуту не оставлял нас. Он занимался нами, но, как я только сейчас догадываюсь, больше всего он занимался мной, потому что я просил, я требовал, я умолял его рассказывать мне обо всём, что происходило в то время в Польше, брать меня с собой на все мероприятия, а главное — организовать мне встречи с Яцеком Куронем и Адамом Михником, которые, наряду с самим Модзелевским, интересовали меня больше других. Собственно, другие меня интересовали постольку-поскольку...

Вообще, меня не интересовало в Польше ничто, кроме политики, политики и еще раз политики. Я не видел и не хотел видеть ничего другого. Ни история, ни архитектура, ни культура Польши меня в те дни не волновали, и я совершенно равнодушно прошел мимо них, не останавливаясь и не замечая. Даже польская Церковь и трагическая судьба ксендза Ежи Попелушко (1947–1984) меня волновали только в связи с их включенностью в политические процессы... Единственное «отклонение» — посещение мемориала на том месте, где когда-то размещалось Варшавское гетто, да и то это было мною сделано по настоянию и от имени М.Я.Гефтера и Вероник Гаррос, которые взяли с меня слово, что я непременно там побываю и поклонюсь от их имени жертвам восстания...

Не знаю, что убедило Кароля выполнить все мои просьбы и мольбы и даже сверх того. Возможно, он увидел во мне вчерашнего или даже позавчерашнего себя; может, ему надо было показать своим друзьям и коллегам новый и диковинный продукт горбачевской *перестройки*; а может, он таким образом благодарил меня за то, что я свёл его с единокровным братом... Но сейчас, когда я внимательно перечитываю (и пе-

рслушиваю!) записи всех наших разговоров, мне кажется, что я и в самом деле вызвал у Кароля живой интерес, и он не без любопытства наблюдал за мной, а некоторые из вопросов, которые я, не стесняясь, задавал его многолетним коллегам и товарищам по борьбе, он бы, наверное, задал и сам. То было для Польши и для победившей «Солидарности» труднейшее время выбора. И если раньше перед идеологами и лидерами движения стоял выбор — «Куда идти?», то сейчас, как раз в те сентябрьские дни 1989 года, вставал вопрос более сложный: «Как идти?» И вот здесь позиции вчерашних единомышленников разошлись.

Сенатор и историк Кароль Модзелевский имел совершенно иное видение перехода к рынку, чем, например, его многолетний друг и соратник Яцек Куронь, как, впрочем, и многие другие лидеры «Солидарности», включая только что назначенного премьера Тадеуша Мазовецкого (Tadeusz Mazowiecki, 1927–2013), от которого Кароль в те дни попросту скрывался.¹² Возможно, моими вопросами и моим оппонированием лидерам «Солидарности», с которыми я встречался, Кароль в какой-то степени ещё и ещё раз доводил и свою точку зрения на польские экономические реформы. Ведь он был переводчиком всех моих встреч, всегда находился рядом, да что там — он был соучастником, так как нередко вставлял реплики, а то и прямо переговаривался с моими собеседниками...

Как бы то ни было, Кароль выполнил и даже перевыполнил всё, о чем я его просил. Он водил меня и своего брата на разные встречи и закрытые мероприятия, знакомил с действующими лицами польской политики и посвящал в её таинства. Мы побывали в Сейме, где я разговаривал с некоторыми политиками, задавал вопросы, рассказывал о процессах, про-

исходивших в СССР, о развитии кооперации и политических движениях того времени. Несколько дней мы провели во Вроцлаве, где Кароль проживал с женой. Во Вроцлаве состоялась памятная встреча с Владиславом Фрасынюком, местным лидером «Солидарности», о котором, признаюсь, я ничего до самой встречи не знал. Кароль же убеждал, что это очень крупная фигура в профсоюзном движении, его надежда, и предрекал Фрасынюку большое политическое будущее. К тому же Модзелевский считал необходимой мою встречу с Владиславом: мы с ним принадлежали к одному поколению, и Кароль считал важным нас свести...

Потом мы вернулись в Варшаву — город, в котором прошла юность Кароля, где он вырос, вошел в политику. Там же, в большой квартире в самом центре, проживала его мама — Наталья Ильинична Модзелевская-Вильтер, милая, обаятельная пожилая женщина, переводчица русской литературы на польский и обратно.¹³ Варшава не произвела на меня никакого впечатления, к тому же обстановка в городе была таковой, что хотелось поскорее оттуда убраться. Поляки просыпались и первым делом спешили узнать, что с ценами: за ночь они подрастали так, что люди приходили в ужас. Тогда я ничего не знал о таком понятии, как гиперинфляция, и, глядя на поляков, да и на самого Кароля и его жену, им не завидовал и своей стране не желал такого в страшном сне. Никакие, даже самые короткие, планы не работали. Цены взлетали стремительно, а у большей части людей не было ни накоплений, ни запасов, и психологически они не были готовы к такому ходу событий. Признаюсь, мне было страшно на них смотреть, а также мне было неловко перед Каролем, потому что у нас с Володей ни-

каких денег не было вовсе, в то время как нас надо было как-то и чем-то кормить...

Увы, я тогда ничего не записывал, не вёл дневник, не собирал местную прессу, ничего не старался запомнить... Меня совсем не интересовали частности, меня волновали вопросы общие, глобальные, всепольские, за ответом на которые я и приехал. Но не сомневаюсь, что в Польше о тех серых сентябрьских днях написано многое и многими... Я же сделал для себя один-единственный вывод: так не должно быть у нас! Увиденное в Варшаве еще больше убедило меня в правильности того, что делаем мы с моими коллегами по Политклубу имени Бухарина, обеспечивая политическую защиту кооператорам, арендаторам и всем свободным предпринимателям как нарождающемуся новому слою, должному обеспечить необратимость рыночных реформ. Никаких «прыжков», никаких «скачков» и сомнительных экспериментов «с понедельника на вторник», никаких вообще резких движений, что касается перехода к рынку, к освобождению цен и так далее, потому что гиперинфляция — это конец демократическим реформам, это уничтожение малого и среднего бизнеса, а в СССР это немедленное возрождение и укрепление иждивенческой коммунистической идеологии. Этот вывод я сделал, ещё не покинув Польши, ещё даже до встречи с Яцеком Куронем и Адамом Михником, что, кажется, явно чувствуется в разговоре с ними, особенно с Куронем.

В Польшу тогда съехалось множество западных специалистов, в кавычках и без. С одним из них меня свел Кароль, и мы долго разговаривали, благо он немного говорил по-русски. Это был какой-то видный и уже немолодой экономист, кажется из Лондона, по фамилии Брюс, если мне не изменяет память.

Судя по тому, как с ним обходились, он был довольно важной персоной. Помню, он все время сетовал на то, что в Польше ничего никто не делает: нет ни экономической программы, ни плана действий, ни даже разговоров на этот счет. Я рассказывал Брюсу о своей концепции, и это его очень увлекало, особенно его интересовало развитие кооперации и кооперативных банков в СССР. Я, помню, предложил ему и Каролю Модзелевскому свою помощь — не как экономиста, разумеется, я в экономике мало смыслю, — я предлагал им свои связи в Москве и, между прочим, рекомендовал Егора Гайдара, своего тогдашнего приятеля из журнала «Коммунист», которому мы с Анной Михайловной Лариной незадолго до того вручили бухаринскую премию. *«Никогда о нём не слышал»*, — сказал Брюс. *«Ещё услышите»*, — заверил его я, назвав Гайдара *«восходящей звездой отечественной экономической мысли»*. Я и впрямь так считал и, быть может, продолжал бы считать до сих пор, если бы у Гайдара всё ограничилось одной только *«экономической мыслью»*... Помню, Брюс сказал, что в Польше нужна фигура помасштабнее, поскольку уж слишком ситуация запущенная...

...Согласитесь, что ситуация эта спустя десятилетия выглядит забавной, потому что, случись подобное, даже не знаю, кого бы я в большей мере выручил — Польшу или Россию?.. Ну да что там теперь...

Прежде чем возвратиться в Набережные Челны, я несколько дней пробыл в Москве, обходя своих друзей и приятелей с рассказом о том, что я видел и слышал в Польше. А.М.Ларина, М.Я.Гефтер, О.Р.Лацис, Л.В.Карпинский — всех очень интересовало всё, что там происходило. Конечно, если

бы тогда в Варшаве и Вроцлаве побывал я нынешний, меня бы интересовало совсем иное и вопросы мои тоже были бы другими, возможно более серьезными и глубокими. А может, и нет. У каждого времени свои вопросы. Как, впрочем, и ответы.

Уже к концу 1989 года я собрал все свои материалы, как мог, отредактировал их, размножил на пишущей машинке и «издал» в количестве пяти или шести экземпляров, незамысловато назвав получившуюся книгу *«Политические беседы»*. Каждая из этих бесед была вскоре опубликована в периодической печати, но сама прошитая нитками книжица так и осталась в моих архивах, и я к ней никогда не возвращался. Даже забыл, что таковая существует, хотя саму поездку в Польшу и встречи с моими собеседниками в памяти хранил всегда.¹⁴

Почему же я вдруг вспомнил о своём «польском самиздате», решив его опубликовать?

Дело в том, что не так давно мне попало большое интервью Кароля Модзелевского, записанное им в мае 2011 года и опубликованное в журнале «Новая Польша». Рассказанное Каролем показалось мне настолько живым и захватывающим, что буквально всколыхнуло меня, воскресив в памяти мою поездку в Польшу и всё, что ей предшествовало. Но ведь если это интересно мне, то наверняка это окажется интересным кому-то ещё; а если интересным — то, быть может, и полезным?.. Может, не сегодня и даже не завтра, а когда-нибудь...

Вот, пожалуй, и все мотивы, подвигшие меня вернуться к событиям четвертьвековой давности.

беседа первая

Владіслав Фрасынюк

Кароль Модзелевский о Фрасынюке:

Владислав родился в 1954 году, кажется во Вроцлаве, в рабочей семье. По окончании автотехникума работал водителем городского транспорта, автобуса, во Вроцлаве. Он рано включается в революционную деятельность (как похожи биографии революционеров!) и в августе 1980 года в возрасте 26 лет становится членом Межзаводского забастовочного комитета, входит в состав его президиума. В начале марта 1981 года, после того как прежний председатель Межзаводского забастовочного комитета «Солидарности» подал в отставку, Владислав был избран председателем «Солидарности» во Вроцлаве и во всей нижней Силезии. Это очень большой регион, и Фрасынюк становится значительной фигурой в движении, по своему масштабу сравним со Збигневом Буяком (Zbigniew Bujaк), лидером варшавской «Солидарности».

После съезда «Солидарности» в октябре 1981 года Фрасынюк стал членом президиума Краевой комиссии.

Во время введения в Польше военного положения 13 декабря 1981 года, Фрасынюк успел скрыться, вовремя сев на поезд из Познани во Вроцлав.¹⁵ С тех пор он активнейший деятель подполья, где создает действующие структуры. Он является организатором всеобщей забастовки во Вроцлаве, которая длилась 4 или 5 дней. Он находится постоянно среди рабочих, которым всякий раз удается укрыть своего молодого лидера. Много раз он подвергался непосредственной опасности во время штурмов заводов с помощью танков войсками МВД.

О его неувязимости во Вроцлаве ходят легенды. Всё же он был арестован в октябре 1982 года, накануне формальной делегализации профсоюзов парламентом, и был приговорен к 6 годам заключения. Освобождён по июльской амнистии 1984 года, затем, в феврале 1985 года, вновь арестован и во время очень скандального процесса вместе с Адамом Михником и Богданом Лисом (Bogdan Jerzy Lis, 1952) осужден на три с половиной года.

Вновь освобожден по амнистии в сентябре 1986 года, когда стал меняться политический курс.

Фрасынюк всегда считался харизматическим лидером вроцлавской и нижнесилезской «Солидарности» и таковым остается по сей день. Он стал также членом Исполнительной общепольской Краевой комиссии «Солидарности».

На июньских 1989 года выборах решил не выставлять свою кандидатуру в государственные органы, считая, как и Лех Валенса, профсоюзную деятельность внепарламентской.¹⁶

* * *

Встреча с Владиславом Фрасынюком проходила 1-го сентября 1989 года во Вроцлаве в штаб-квартире областного комитета «Солидарности».

Валерий Писигин. Владислав, вам тридцать пять лет, вы уже давно возглавляете региональный комитет «Солидарности», тем не менее я рискну причислить вас к новому поколению лидеров польского рабочего движения. Необходимость прихода нового поколения в политику ощущается и у нас. Об этом часто говорят в нашей стране. Нам очень интересен ваш польский опыт. Откуда пришло ваше поколение?

Владислав Фрасынюк. Я отношусь к поколению августа 1980 года. Это та молодежь, которая в семидесятых годах заканчивала средние школы. Мы хорошо помним и 68-й, и 70-й годы, но, будучи детьми, мы не могли участвовать в событиях того времени и воспринимали их как приключение.¹⁷

Сам я происхожу из настоящей рабочей семьи, вырос в рабочем квартале. Для меня семидесятый год оказался переломным, так как в моей семье и вообще вокруг все говорили о событиях того времени, о переменах в политике, о замене Гомулки Гереком.¹⁸

В 1976 году, когда по стране прокатились мощные выступления рабочих, когда был настоящий бунт в Радоме и забастовки во Вроцлаве, я находился на службе в армии. Там я пережил период мобилизации армии для включения в ход событий. Я помню, что среди нас это привело к дискредитации политического руководства, хотя армейские политработники убеждали нас на всякий случай в обратном.

У меня среднее техническое образование. Вначале я работал водителем автобуса во Вроцлаве. В 1980 году, когда дело дошло до забастовок, в руководители забастовочных комитетов стали выбирать молодых людей, и это было характерным для Польши вообще. Конечно, избирали не просто молодых, а таких, у которых уже был за плечами опыт политической борьбы и которых старшее поколение считало профессионально пригодными к политической деятельности. Разумеется, надо было пользоваться авторитетом среди рабочих.

В.П. А какое значение для вас и вашего поколения имело старшее поколение, гоodyщееся «в отцы», и были ли контакты с поколением еще более старшим? Каким образом они влияли на ваше формирование?

В.Ф. Во время забастовок многие из нас впервые узнали, что такое быть в оппозиции. Одним из самых значительных

событий и достижений 1980 года была консолидация всех общественных сил, в том числе интеллигенции, особенно из её академических кругов, с рабочими. Это очень сильно влияло на молодых людей, включая меня. Примерно 80 процентов возглавлявших забастовки были люди моего возраста. Поэтому для нас был очень важен контакт со старшим поколением, уже давно находившимся в оппозиции. От них можно было узнать правду об альтернативных движениях в стране, а также подлинную историю Польши.

Тогда же я узнал, что у каждого поколения есть свой багаж, который отягощает, мешает действовать. Самые старшие, участвовавшие в забастовках, всё время нас пугали своими воспоминаниями о голоде и лишениях; среднее поколение, то есть пятидесятилетние, пугали нас, рассказывая о событиях июня 1956 года: госбезопасность, допросы, побои...¹⁹ Были и представители поколения помоложе, которые участвовали в событиях семидесятого года и играли в них значительную роль, и они также рассказывали о побоях в милиции, о репрессиях. Все они уже не хотели рисковать и вновь выходить на передовую линию борьбы.

У моего поколения также имеется свой груз, свой балласт, который мешает нам в свободе действия. Этот груз мы обрели во время шестнадцатимесячного легального действия профсоюза, а также в подполье и тюрьмах.²⁰ Этот балласт нам мешает, и я выступаю за то, чтобы смены поколений происходили чаще.

В.П. А молодое поколение приходит в ваше движение?

В.Ф. В последние годы, особенно в годы военного положения, молодежь не очень стремилась к независимой политической деятельности. И хотя сейчас уже всё легально, «Солидарность» по-прежнему ассоциируется с тем временем — с подпольем, с тюрьмами, с увольнениями с работы, с газами и

дубинками. Молодежь считает, что им гораздо легче убежать за границу, чем брать на себя ответственность и рисковать в борьбе за перемены в своей стране.

В.П. Но ситуация меняется. Сейчас, судя по тому, что говорят и пишут в нашей стране, «Солидарность» обрела своего премьера, подавляющее число мест в сенате, то есть попросту пришла к власти. Вы сейчас работаете в совершенно новых условиях. О вас пишут уже без того налёта неприязни и недоверия. У вас легальная печать, множество сочувствующих, причем не только в Польше.

В.Ф. А вы заметили радость по этому поводу на улицах?

В.П. В Варшаве — нет.

В.Ф. Люди, конечно, рады новому правительству, готовы поддерживать его, даже готовы воздерживаться от забастовок и собственноручно тушить их. Но вообще, у людей уже нет сил для веселья и энтузиазма.

В.П. Да, такие же проблемы стоят и перед нами, но их разрешение мне видится в устранении иждивенческой психологии у людей. Огосударствление общества, создание рабских условий существования порождают и рабскую психологию, доминантой которой является слово «Дай!». Я уже успел слышать это слово в Польше. Как и у нас, здесь говорят: «Дают то-то и то-то», — например, «дают» спички, мясо или одежду и так далее... Устранение иждивенческой психологии, в свою очередь, возможно только с обретением статуса свободного производителя, предпринимателя...

В.Ф. У нас несколько иное положение. У нас имелось шестнадцать месяцев свободы. Тогда люди очень активно включились в движение, в борьбу, в общественную деятельность. Тогда не было ни апатии, ни ожидания подачек «сверху». Люди почувствовали себя хозяевами на своих предприятиях. Они стали заботиться о модернизации производств, на ко-

торых трудились, искать возможности для рентабельности, что было бы выгодно и им самим, и государству. У людей было огромное чувство силы — и вдруг... 13 декабря! (*Введение военного положения — В.П.*) Оказалось, что всё это можно разом перечеркнуть, что милиция и армия могут остановить и повернуть вспять развитие общества, что, казалось бы, мощный десятимиллионный профсоюз — на деле совсем беззащитный.

Люди, конечно, знают, что никто свободы им не даст, что никто не модернизирует предприятия, никто, кроме них, не устранил господство номенклатуры. Но они не верят, что даже наличие наших товарищей в сейме или в сенате, принятие ими самых умных законов, что даже если у трудящихся появится возможность влиять на то, что происходит на госпредприятиях, и даже если Коммунистическая партия перестанет существовать, — люди всё равно не убеждены в том, что армия и милиция вновь не смогут это перечеркнуть.

В.П. Да, я это понимаю. Но не говорит ли о серьезных ошибках то, что десятимиллионный профсоюз, с такой активностью рабочего класса и вообще трудящихся, с поддержкой интеллигенции, общественности Польши, церкви, — оказался столь бессильным? Может, эти ошибки кроются в ошибочном понимании вопроса о власти, в современном понимании этого вопроса?

Если рабочие считают, что в их руках находятся предприятия, потому что они добились права избирать своих представителей в дирекцию и профком, если они могут избирать начальников цехов и отделов, если они добились того, что и профсоюзы в их руках и являются независимыми, свободными, самоуправляемыми, — то достаточно ли всего этого, чтобы действительно считаться хозяевами предприятий?

В.Ф. О, это вопрос на длинную дискуссию...

В 1980 и 1981 годах мы были в совершенно иных условиях, нежели теперь. Я думаю, единственной ошибкой, которую мы совершили, было чрезвычайно сильное убеждение в том, что в ПОРП (*Польская объединенная рабочая партия — В.П.*) произошло необратимое отделение аппарата от остальной партийной массы. Это убеждение основывалось на том, что в ПОРП стали возникать параллельные структуры, что многие члены ПОРП присоединялись к заводским комитетам и совместно с профсоюзами организовывали забастовки. Было убеждение, что эти процессы никто не сможет обратить. Но введение военного положения показало обратное.

У людей сегодня твердое убеждение, что свобода и энтузиазм на предприятиях — это еще далеко не всё. Должны быть правовые и прежде всего политические гарантии. У нас в последние годы уже мало кто сомневается в приоритете политических гарантий над правовыми и экономическими. Люди считают, что даже наш премьер, Тадеуш Мазовецкий, никакая не гарантия. Гарантией может служить только полное отделение армии и милиции от политики, вывод их из подчинения номенклатуре. Вот почему, когда какой-нибудь офицер или член ПОРП говорит, что армия не должна иметь своих представителей в сейме, что задача армии и милиции — служить своему народу, такие заявления волнуют людей больше, чем экономические законы.

В.П. Вы хотите, чтобы в стране Польша право было на стороне общества и чтобы солдаты и милиция никогда не использовались правительством для подавления выступлений трудящихся. Но вы ведь понимаете, что такие вопросы невозможно решить в сенате, сейме, правительстве... Это было бы большой иллюзией.

У нас, в Советском Союзе, сейчас также много разговоров о создании так называемого «правового государства». Это

довольно модные разговоры, и ими заняты многие интеллектуалы. Но я и мои товарищи считаем, что государство не может быть *неправовым*, ибо оно само — как институт — возникло для поддержания тех или иных норм права, им же предложенных, провозглашенных, внедренных... А право — это, в свою очередь, соотношение сил, то есть отражение этого соотношения в данной стране в данное историческое время. Хотите изменить право — измените соотношение сил. Тогда в соответствии с изменившимися нормами права изменится и государство. Изменение соотношения сил — это перераспределение собственности в пользу общества. Сеймы, сенаты, парламенты — важнейший, но всё же вспомогательный элемент, средство для такого перераспределения. Если вы своей борьбой перераспределили места в правительстве в свою сторону, то ведь это ещё не все. Далёко не все!..²¹

В связи с этим меня интересует деятельность трудящихся Вроцлава, помимо митингов и забастовок, выборов *хорошего* человека в сенат и такого же *хорошего* в лидеры «Солидарности». Но входит ли в такую деятельность работа по переходу в новые экономические отношения, работа по созданию альтернативной экономики, с тем чтобы люди имели выбор? Ведётся ли работа по политизации — то есть политическому обоснованию этой экономики? Так как, на мой взгляд, только мощный политэкономический блок сможет и у вас, и у нас принудить государство выполнять справедливые для общества законы, заставит государство быть ответственным перед обществом.²²

В.Ф. У нас долгое время идет борьба за то, чтобы предприятия стали собственностью трудящихся, то есть тех, кто на них работает. Чтобы на тех из них, которые рентабельны, можно было развивать кооперацию или акционерные общества. В программе нашего профсоюза очень сильно подчеркнуты обобществление и кооперативизация предприятий. Более того,

несколько лет правящая партия через средства массовой информации призывает нас к обогащению, к открытию кооперативов, частных предприятий, предлагает для этого кредиты, выгодную налоговую политику и так далее, — но ничего из этого не получается.

В.П. Почему?!

В.Ф. Потому что остаются прежними экономические механизмы. Остаются старые кадры, система корпоративных связей, номенклатурные отношения... У нас есть законы, которые позволили ли бы кооперативам в Польше стать действительно кооперативами. У нас существует система, при которой кооперативы подчинены областному управлению, а в масштабе государства существует центральное объединение кооперативов. Ряд кооперативов объявили, что не будут подчиняться центру, согласно, впрочем, существующим законам, но они быстро обанкротились. Им мафия из центра ограничила доступ к ресурсам, кредитам, выгодным контрактам...

В.П. Да, мне всё это тоже знакомо...²³ Но я хочу сказать вот что. У меня создалось впечатление, ещё дома, а здесь оно укрепилось, что движение «Солидарность», у руля которого стояло старшее поколение, продолжает опираться целиком на политическую сторону вопроса, не беспокоясь особенно за экономическую. В итоге, придя к власти формально, на деле «Солидарность» оказалась у пропасти.

В.Ф. Мы понимаем, что если так останется, то проиграют все. И Мазовецкий, и Валенса — все проиграют... И Польша, и Венгрия — все, пытающиеся изменить существующую систему. Потому что это страна рабов. Потому что у нас в высших учебных заведениях выпускают *старших экономистов*, а не просто экономистов. Потому что при экономических гарантиях нет гарантий политических. Люди западного капитала считают невыгодным инвестировать в Польшу. Они предлагают таких,

как я, и таких, как ты, взять на содержание, подобно своим безработным, и обучать их, как дестабилизировать социализм. Они ведь не могут заниматься благотворительностью. Они говорят, что если они вносят доллары, то должны иметь с этого прибыль. А какие мы можем дать им гарантии?

В.П. Они не только поэтому не инвестируют сюда. Они не вкладывают, понимая, что любой капитал будет здесь сожран за десять минут. Может быть, Запад и инвестировал бы в альтернативную экономику, укрепляя базу для создания гражданского общества, но такой организованной политэкономической силы, может, в Польше нет?

В.Ф. У нас альтернативной экономики гораздо больше, чем у вас, в Советском Союзе. Взять хотя бы крестьянское индивидуальное хозяйство. Оппозиционные экономисты давно нам говорили: «Оставьте политику, оставьте профсоюзы, сосредоточьтесь на альтернативной экономике...» Кто их первым поддержал? Партия! Они говорили нам: «Вот вам либеральная политика, развивайте альтернативную экономику, но никаких независимых профсоюзов! Пожалуйста! — говорили они. — Мы вам поможем...»

В.П. Но если руководство ПОРП, стоя перед трудностями, ввязывалось в сотрудничество, то, со своей стороны, может, было целесообразно пойти с ним на компромисс? Сегодня положение одно, а завтра оно изменится. Важен ведь не приоритет одного над другим, важен результат — сильная и стабильная Польша. У нас создалось положение, при котором интересы политического руководства — не всего, конечно, — совпадают с интересами широких слоёв трудящихся. Горбачёв призывает к развитию многоукладной экономики, но всегда говорит о руководящей роли партии; Рыжков (*тогдашний премьер-министр* — *В.П.*) ругает кооператоров, но выступает за развитие кооперативных банков. Если мы им скажем: «Ника-

ких компромиссов!» — откажемся от совместных действий, считая их только бюрократами и тому подобное, то будем дураками.

В.Ф. Мы тоже так считали. Но теперь иллюзий в таком сотрудничестве у нас нет. Я согласен с тобой на все сто. Но всё сложнее. Мы готовим людей, рабочих, к самоуправлению, к независимой деятельности. Государство говорило, что заинтересовано в развитии частной инициативы, в развитии кооперации, так как это стабилизирует общество, ситуацию в стране. Они рассчитывали, что люди пойдут на это и перестанут интересоваться политикой и властью. Но происходило как раз обратное. Люди брали магазины, рестораны, брали в аренду небольшие фабрики. При этом они обогащались, банкротились и так далее. В случае банкротства — поддерживали оппозицию. Обогатившись — уже меняли свою точку зрения.²⁴ Все это зависело от постоянно меняющейся в пользу государства налоговой политики. Наконец все поняли, что *без перемены всей политической системы никакая стабильная экономическая деятельность невозможна.*

Я принадлежу к тем, кто любит приключения. Иначе я бы давно ушел из «Солидарности». Но что касается нынешнего положения, то я считаю, что рано брать в руки правительство. Нужно подождать, надо подготовить сознание поляков, кадры. Надо подготовить к этому Запад, его общественное мнение, подготовить независимые общественные банки, подготовить квалифицированных менеджеров...

В.П. Подготовить СССР, по-моему, самое главное...

В.Ф. ...Ну, это мы не можем.

В.П. Это мы должны делать вместе.

В.Ф. (*смеётся*). Разве что вместе. Но мы так мало знаем о Советском Союзе... Я считаю, что у правительства Мазовецкого нет шансов на экономические перемены, на преодоление у

людей социальной апатии и неверия в будущее, на прыжок в то, что ты называешь «альтернативной экономикой». Потому что это правительство отражает сегодняшнее соотношение политических сил, и решения этого правительства будут просто вектором этого соотношения.

В.П. Владислав, а где хранятся финансы «Солидарности»?

В.Ф. Часть в государственных банках. Часть в наших подземных сейфах.

В.П. То есть это не совсем деньги... Я хотел сказать, это не совсем *капитал*, точнее, не ваш *капитал*. Тот, что в банке,— работает не на «Солидарность», которая в этом случае является лишь формальным владельцем денег...

Кароль Модзелевский. За три дня до введения военного положения, в декабре 1981 года, у нас это был единственный район, где деньги успели «вынуть» из государственного банка и спрятать. Мы не думали, что дело дойдет до введения военного положения, но предполагали резкое обострение обстановки. В этом случае было мало шансов, что деньги нам отдадут, тем более, что позволят их обращать. Так что мы решили иметь их вне банка. Тогда их было восемьдесят миллионов злотых в год, и тогда это еще были деньги. Я помню, что была инфляция, и наш банкир Юзеф Пиниор (Józef Piniór), сейчас он председатель Польской социалистической партии революционных демократов (ППСРД), решил инвестировать и купил за семь миллионов злотых, кажется, теплицу. Это у нас очень прибыльное дело. Но об этих планах догадались органы и всё конфисковали. Так что как раз вкладывать деньги в дело очень опасно. Мы их потеряли. Правда, теперь их нам вернули.

В.П. А реально ли сегодня деньги «Солидарности» положить в альтернативный банк, скажем, в кооперативный? Имеется ли такой банк?

В.Ф. Мы думаем об этом.

В.П. Кроме того, банк замечателен еще и другим. Это совершенно уникальный механизм для экономической связки как отдельных людей, так и целых слоёв. «Солидарность» могла бы воспользоваться этим механизмом, объединив таким образом демократические слои, поддерживающие её. Вкладчики всегда заинтересованы в сохранении стабильности, ну и, конечно, в сохранении банка, в котором хранят деньги. Экономическая связка не слабее идеологической. Кроме того, банк — это и кредитор: как коммерческое предприятие, он может содействовать развитию социальных, научных и иных программ.

В.Ф. Но не должно быть никаких иллюзий относительно того, что один декрет президента не сможет всё это нейтрализовать, и тогда банк окажется закрытым.

В.П. Это окажется делом сложным, если банк вберёт в себя не просто вклады отдельных людей, но и целых слоёв, то есть затронет интересы очень многих, всю систему, с которой так или иначе связан банк. И надо стремиться как можно скорее сделать эту систему как можно более широкой. Это поважнее, чем сотрудничество с Западом. Это первостепенная задача банка, обслуживающего политическую структуру. Банк нужен как ёмкость для фундамента гражданского общества, как механизм для «перекачки» капитала, как связующая ткань демократических сил. Поскольку такие банки есть в СССР, то, наверное, можно было бы сотрудничать. Будущее Польши, вы же понимаете, во многом зависит от политической конъюнктуры в нашей стране, а она, в свою очередь, зависит от оформления у нас демократического слоя, способного материализовать идеи рыночной экономики, идеи *перестройки*. Словом, если нам вместе выходить из кризиса, то надо искать пути.²⁵

У нас на КамАЗе, а это крупнейший автомобильный завод, происходят тоже очень важные процессы, во главе кото-

рых всё чаще выступают сами рабочие. Они хотят перейти на аренду, выступают за самоуправление, самофинансирование, они создают свои рабочие комитеты, причём под эгидой профсоюзов. И им очень важен опыт «Солидарности», с тем чтобы учесть ошибки и унаследовать достижения. Они заинтересованы в сотрудничестве.²⁶

В.Ф. Есть у нас такая пословица в Польше: *возле богатого и бедный сыт*. Если ты говоришь о некоторых политических связях, то ты меня убедил; если насчет экономических — то нет. У нас тоже идёт процесс, когда рабочие хотят выкупать акции предприятий. За это идёт сильная борьба. В сейме и в сенате работает специальная комиссия, чтобы контролировать акционерные общества, которые создаются сейчас. Мы в нашей области, например, поддерживаем рабочих одного предприятия, чтобы там могло возникнуть подлинно акционерное общество. Это предприятие обещает стать прибыльным, так как предполагается на нём выпуск видеоприставок европейского уровня. Власти всё это долгое время блокировали. Они почувствовали, что такие предприятия угрожают их привилегиям, так как трудящиеся этого завода выкупили тридцать восемь процентов акций и потребовали своего, соответствующего этим процентам, участия в руководстве предприятием. В то время как власти соглашались только на двадцать процентов акций для рабочих, и чтобы только десять из них было представлено в управляющем совете. Это что, по-твоему, *альтернативная экономика*? Они вкладывают минимальные средства в экономику Польши. Им незачем обновлять фонды: через несколько лет они, нажившись, всё оставят и займутся чем-нибудь другим. А это предприятие будет уничтожено, истощено, его оставят рабочие.

Девяносто процентов машинного парка в Польше — декапитализировано. Например, у нас есть большой завод, кото-

рый производит электровозы для всех социалистических стран. Но они — банкроты! Никто не может купить эти электровозы. У железных дорог нет средств, чтобы их купить. Как быть рабочим этого предприятия?

Я всё это тебе говорю, чтобы ты видел, что мы тоже знаем о том пути, о котором ты говоришь.

В.П. Когда я говорю о «перекачке», то имею в виду, что этот капитал должен быть политизирован, то есть он должен сразу иметь свою политическую защиту, которую ему обеспечивают существующие политические структуры. В данном случае — профсоюз «Солидарность». Если «Солидарность» оставила эту сторону своей деятельности, увлекаясь борьбой «за власть», то произошло то, что и должно было произойти. Мы говорим: *капитал в условиях государства, не ограниченно-го нормами права, очень уязвим как со стороны государства, стремящегося его присвоить, так и со стороны дельцов, стремящихся его в короткое время раздуть и растащить*. Очень часто интересы тех и других совпадают. Появляется узаконенная, так сказать государственная, мафия.

В.Ф. Мы этим пренебрегали. Во-первых, и наше, и ваше общество слишком бедное, чтобы делать серьёзные инвестиции. Кроме того, дело не в том, что мы прозевали шанс, который нам дало государство. Просто государство обанкротилось до такой степени, что не в состоянии обеспечить привилегиями свою номенклатуру. Вот они и говорят: «Берите, пожалуйста, предприятия в аренду, развивайте кооперацию».²⁷ А на деле — это легализация того, что раньше существовало в подполье. У нас теперь очень странный профсоюз. Мы должны защищать интересы трудящихся, а с другой стороны, мы сильно включились в экономическую деятельность. Мы говорим о кооперации, аренде, акциях, но рабочие на предприятиях могут от этого только потерять, многие из тех людей, которых профсоюз

должен защищать, могут вообще оказаться безработными. Поэтому мы должны быть готовы предоставить кредиты тем, кто желает вести самостоятельно свое дело.²⁸

В.Ф. У вас существуют забастовочные фонды?

В.Ф. Забастовочные фонды в Польше всегда в подполье. Люди убеждены, что так лучше, у них имеется опыт. Многие деятели моего поколения, я уже говорил об этом, имеют свой груз, который мешает им идти вперед. Лики святых, икона Божией Матери, камеры, тюрьмы, цветы... «Директора — на тачку!» «Секретаря парткома — на тачку!» И — «Давай! Давай! Ура! Bravo!» ...Понимаешь?!

Теперь другая ситуация. Мы надеемся, что и экономическая жизнь пойдет по-другому. Это надо быстро менять. Конечно, банки и то, о чём ты говоришь, — тоже способ создавать независимую экономическую деятельность, строить гражданское общество, но гарантией независимости общества, в этом мы убедились дорогой ценой, может служить только пистолет, приставленный к виску государства. Только так его и можно принуждать. Но только чтобы крови не допустить. То есть держать так, чтобы не привело к взрыву.

Есть люди в сенате и в сейме, которые считают, что гарантией могут служить принятые ими законы. Я считаю, что гарантией может служить только общество, организованное в силу. И у нас, и у вас, в Советском Союзе, ничего не изменят ни пятьдесят, ни тысяча кооперативов.

В.П. То есть речь идет о договоре между обществом и государством, причём нет равновесия, оно отрицается, а есть пистолет у виска государства.

В.Ф. Конечно, надо развивать альтернативную экономику, банки. Мы, вероятно, в будущем сможем сотрудничать, но не надо думать, что в этом рычаг революции. Такого единственного рычага нет. Я думаю, что в главном мы согласны: надо

строить новую экономику. Входить в старый бардак — совершенно бесполезно, это ничего не изменит. Поэтому и я, и Кароль (Модзелевский) не питаем иллюзий, что Тадеуш Мазовецкий станет чудотворцем. Но мы должны принять меры, чтобы падение этого правительства не привело к еще большей апатии и разочарованию, чтобы не были уничтожены все авторитеты и чтобы не было ситуации, когда психологически «Солидарность» получит нокаут.

В.П. А ведь именно это и угрожает.

В.Ф. Да, это угрожает, и это громадная угроза.

В.П. Тебе было бы интересно побывать у нас, в СССР, но не в Москве, а в провинции. Например, на КамАЗе. Знаешь такие машины?

В.Ф. Да, мне интересно побывать у вас, но от камазов я не в восторге.

В.П. Да, я тоже.

С Владиславом Фрасынюком и Каролем Модзелевским. Вроцлав.

беседа вторая Яцек Куронь

Краткая биография, составленная на основе рассказа Кароля Модзелевского:

Яцек Куронь родился 3 марта 1934 года во Львове. Он сын члена Польской социалистической партии, которая затем слилась с ПОРП. Семья Куроня — с традициями польского рабочего движения. Молодым парнем Яцек пошел работать в комсомол и был там, как говорится, аппаратчиком среднего уровня. Вскоре его оттуда выгнали, как, впрочем, и из партии, в которую он успел вступить. Затем Куронь поступил в институт, обучился на историка и вновь вступил в ПОРП, убедив в такой необходимости и Кароля Модзелевского, своего нового друга, вместе с которым он с тех пор ведёт борьбу за реформы в Польше.

Яцек Куронь принимал активное участие в организации студенческого движения в октябре 1956 года. Он был видным деятелем скаутинга — молодежной легальной организации, играл в этой организации важную роль и противостоял тем довоенным деятелям скаутинга, которые стремились придать этой организации независимый от партии характер, за что Яцека Куроня теперь упрекают.²⁹

Вместе с Модзелевским Куронь является организатором в 1962 году дискуссионного студенческого клуба в университете Варшавы. Таких крупных молодежных студенческих клу-

бов было несколько. Были также «Кривой Круг» — элитарный клуб молодых интеллектуалов, «Клуб искателей противоречий» — организованный позже, при участии Адама Михника.

Куронь и Модзелевский написали в 1964 году знаменитое «Открытое письмо к партии», которое вызвало в то время широкий резонанс. В 1965 году оба были осуждены на три года. Вышли в мае 1967 года, но опять осуждены за участие в мартовских событиях 1968 года. Просидев в заключении три с половиной года и выйдя на свободу в сентябре 1971 года, Яцек Куронь стал одним из основателей и, по словам Модзелевского, главным лидером КОС-КОРа (Комитет защиты рабочих — Komitet Obrony Robotników), а затем одним из видных советников Краевой комиссии «Солидарности».

Куронь был интернирован 13 декабря 1980 года с введением в Польше военного положения. В августе 1981 года переведен в тюрьму, в которой находился до августа 1984 года, когда его освободили по амнистии.

Характеризуя Куроня и Модзелевского, автор книги «Крах "Операции Полония"» Вадим Трубников писал:

«В силу неумного тщеславия и стремления покрасоваться, Куронь, со своими бонапартистскими замашками, всегда был больше на виду, хотя основной фигурой в этом "тандеме", как показали дальнейшие события, был Модзелевский. "Первым в ряду самых ярых врагов реального социализма в Польше, — писала в 1983 году Варшавская газета "Жолнеж Вольности", — стоит Кароль Модзелевский, наиболее тесно связанный с враждебными диверсионными вражескими центрами"». (Трубников, В.П. Крах «Операции Полония». — М.: АПН. 1983. С.31.)

По рассказу Модзелевского, они с Куронем впервые прочитали эту книгу во время многочасовой поездки в поезде, причём читали, покатываясь со смеху...

Куронь — один из ближайших советников Леха Валенсы. Его кандидатура рассматривалась при назначении премьер-министра Польши. В правительстве Тадеуша Мазовецкого ему предложен пост министра труда и социального обеспечения.³⁰

* * *

Впервые я встретился с Яцеком Куронем 30 августа. Он расспрашивал о моих делах и внимательно слушал меня, что для него непривычно, так как этот деятель привык, чтобы больше слушали его. Серьёзной беседы в тот день не получилось, поскольку Куронь не вполне владеет русским, и мы перенесли встречу на несколько дней (на 2 сентября), когда больше времени будет у Кароля Модзелевского.

Куронь произвёл на меня двойное впечатление. Поразила в его суждениях невероятная лёгкость, даже более того. А ведь речь идет о судьбе народа. Его народа! Вместе с тем, в Куроне есть та необузданность и политический темперамент, без которых едва ли какое-то дело сдвинулось бы с места. Модзелевский говорил, что Куронь чрезвычайно богат на идеи и проекты. По словам Кароля, девять из десяти таких проектов — сумасбродные, но один всегда может оказаться гениальным. *«Это очень полезный деятель, — утверждал Модзелевский, — но возле него всегда должен кто-нибудь быть...»*

Куронь показался мне очень весёлым и гостеприимным человеком. Наша беседа состоялась у него дома, в Варшаве. При этом присутствовали Кароль Модзелевский, выполнявший роль переводчика, Збигнев Буяк — лидер варшавской «Соли-

дарности» — и Хенрик Вуец (Henryk Wujec), также один из активных деятелей независимого профсоюза.

Уже во время нашего разговора подошёл — как всегда, весёлый и перевозбуждённый — Адам Михник. В таком представительном составе я и разговаривал с Яцеком Куронем, и за нашей беседой все присутствовавшие, как мне показалось, с любопытством наблюдали.³¹

* * *

Валерий Писигин. Пан Яцек, меня очень волнует вопрос о поколениях. Я стараюсь этот вопрос задавать всем. У нас в стране произошел разрыв поколений, каждое поколение имеет присущие только ему черты и очень неохотно идет на сближение с другими поколениями. Более того, существуют совершенно замкнутые миры поколений. Это очень опасно, и нас тревожит это состояние. А как обстоит дело у вас и как вы относитесь к этой проблеме?

Яцек Куронь. Я не чувствую разницы поколений. Во время избирательной кампании моими помощниками были молодые люди, начиная со средней школы, а также студенты, и никакой проблемы в разнице поколений я не чувствовал.

В.П. Но на днях я разговаривал с представителем более молодого, чем ваше, поколения руководителей «Солидарности», я имею в виду Владислава Фрасынюка, и он говорит, что различия между поколениями всё же имеются. Более старшие, в сравнении с вами, боятся войны, голода, тюрем... Пятидесятiletние боятся сталинского террора... Это их удерживает от активных действий... Словом, каждое поколение, по словам Фрасынюка, «имеет свой груз, свой багаж, который его отягощает и мешает действовать в духе нового времени».

Я.К. Я согласен, что у каждого человека есть свои тяжести, которые мешают нормально жить, но я не отношу это на счёт поколений. Можно, конечно, сказать, что существует разница между теми, кто пришел действовать до первой «Солидарности», и теми, кто пришёл после, причём несмотря на разницу в возрасте. Но военное положение стёрло эту грань. Сейчас появилось новое поколение, которое тоже пришло в движение. И в этом смысле можно говорить о поколениях. Но это дело не биологического возраста. Можно говорить о тех, кто пережил войну, кто принимал в ней участие. Можно говорить о тех, кто был арестован в сталинское время. Например, все те, которые пережили аресты в сталинские времена, они всегда отвечают на вопросы. Правду говорить, обманывать — но обязательно отвечать. Им в голову не приходит, что можно отказаться отвечать, потому что их бы тогда за это убили... Но так делить поколения, как предлагаешь ты, — нельзя...

Правда, моя точка зрения может оказаться необъективной, так как я говорю о людях активных, связанных борьбой, и здесь может быть всё иначе, чем у тех, кто бездействует. Может, для обывателей это различие поколений значит гораздо больше. Меня всегда смешит, когда приходят молодые и говорят, что они по-другому видят мир. Я думаю, это способ прибавить себе значения, важности, дескать, он *«представитель молодежи»*, значит, ему есть кого *«представлять»*. Если бы ты сказал молодёжи из «Солидарности», что они — представители молодого поколения (*при этом Куронь указал на Збигнева Буяка*), они бы померли от смеха... (*Буяк засмеялся.*)³²

В.П. Теперь вот о чём... У нас в стране чрезвычайно мало известно о том, что происходит у вас в Польше. Понятно, что наши средства массовой информации не очень беспокоятся о том, чтобы мы знали правду. До нас доносятся какие-то отзвуки, какие-то слухи и так далее, но полноценной картины лично

у меня нет. Мы не знаем истинного положения вещей, а это чрезвычайно важно, потому что от успеха у вас зависит положение дел у нас, в то же время нам очень важен ваш опыт. Но вот мы обратили внимание на известное заявление Адама Михника: «Президент — ваш, премьер — наш!» (*То есть премьер и правительство — от оппозиции, а президент — от правящей партии — В.П.*) Это напомнило нам заявление одного человека примерно вашего возраста: «*Есть такая партия!*» (*Общий смех.*)

Модзелевский (*смеётся*). Тот был моложе... Немного, но моложе...

В.П. Да, лет сорок — сорок пять ему, кажется, было...

Я.К. Ну а мне пятьдесят пять...

В.П. (*ко всем*). Только что он говорил, что не обращает внимание на возраст и для него нет разницы в поколениях!

Модзелевский (*обращается к Куроню*). Мне еще нет пятидесяти двух, а тебе на три с половиной больше! (*Смеются.*)

В.П. Так вот... Чтобы делать такие заявления — надо обладать большой ответственностью. Мне кажется, что за это заявление ухватились наиболее умные и толковые ваши противники, которые просчитывают ситуацию, прекрасно понимая: чей бы ни был премьер и чьё бы ни было правительство, в ближайшее время в Польше нет группы или группировки, вооруженной серьезной экономической программой, опирающейся на мощные демократические слои, для того чтобы вытащить Польшу из вот этого глубокого кризиса. Поэтому они с удовольствием приняли этот ваш тезис, эту формулу, Ярузельский (*Wojciech Witold Jaruzelski*) выставил свою кандидатуру в президенты, хотя в начале отказывался от этого, а другой лидер, Лех Валенса, догадавшись, что всё это грозит серьезными потрясениями, уехал в Гданьск, сосредоточившись на работе в этом районе, оставив ситуацию на Тадеуша Мазовецкого и на

тех, кто его поддерживает. Это, как вы понимаете, мое личное предположение, оно может быть ошибочным... Но что вы думаете об этом?

Я.К. Я не согласен с такой интерпретацией. Что касается коммунистов и Валенсы, то это не так. Но это и не существенно в данный момент. Существенен вопрос: *есть ли программа?*

Я хочу объявить: «Да, есть!» И кажется, что она всем известна. Её не смогли реализовать партийные реформаторы, потому что они связаны с номенклатурой, социальной опорой этого строя. Что касается Мазовецкого, то, вообще, вопрос программы такой: все знают, *что* надо сделать, что надо перейти к рыночной экономике, провести радикальную реформу собственности. Но такую реформу собственности нельзя сделать без рыночной экономики, и наоборот. У нас есть такие, которые говорят: «Надо сделать прыжок!» Они хотят одним «прыжком», с четверга на пятницу, всё решить, всё сделать. Но есть люди, которые предлагают решать проблемы поэтапно. Те и другие имеют программы. Сейчас у Мазовецкого имеются две возможности. Первая — его правительству удастся решить эти программы; вторая — его правительство сорвётся, падёт в результате социальных потрясений, которые его сломают. Но в целом это ничего не изменит, так как свою историческую задачу правительство Мазовецкого в обоих случаях выполнит.

Позавчера у нас был разговор с одним из важнейших персонажей партийного руководства, которому я предложил в случае падения правительства Мазовецкого создать коалицию из «Солидарности» и ПОРП. Он мне ответил, что ПОРП — это уже прошлое. Партия разваливается, потому что это партия номенклатуры. И они бегут сейчас, как крысы с тонущего корабля. Конечно, если Мазовецкому ничего не удастся сделать и всё лопнет, сильно пострадает авторитет «Солидарности», будет рост общественной дезорганизации, а значит, возрастет уг-

роза применения насилия. Но в любом случае никто уже здесь коммунизма не восстановит. Коммунисты это знали с самого начала. Сейчас, после 4-го июня, я с ними разговаривал по вопросу «*ваш президент — наш премьер*». Они говорили: «Это заманчивое предложение, но партия у нас распадается». Они это предвидели, и вот теперь это происходит.³³

В.П. У меня возникло впечатление, ещё в Советском Союзе, — причём с того момента, как я начал пристально следить за событиями в Польше, а здесь оно только укрепилось, — что, при феноменальных победах политических, при удаче в организации серьезных политических структур, — произошёл огромный перекося в области новых производственных отношений, то есть проблема в недооценке экономизации своей политики. Получилось, что политической победе не соответствуют экономические преобразования, проводимые «Солидарностью». Нет достаточно мощной экономической базы, опираясь на которую можно было бы делать дальнейшие шаги. Нет тесной связи вашего политического движения с альтернативной экономикой Польши. Я не обнаружил в разговорах заботы о накоплении *общественного капитала* как экономической базы для оформления гражданского общества.³⁴ Такой капитал, альтернативный государственному монополизму, существует у вас только в сельском хозяйстве... Что вы на это скажете?

Я.К. Вы, конечно, правы. Но всё это невозможно построить при номенклатуре. И мы включаемся здесь в довольно трудную для меня дискуссию, потому что вы — марксист, и мы будем вести наш разговор с двух разных берегов океана...

Идея, которую вы предлагаете, — а я прочитал ваши бумаги — благородна, но всё это неизбежно развалится при нынешней ситуации. Это может существовать только в условиях сильного рыночного окружения. Ну и нечего тут мудрить! Надо капитализм строить! И только потом мы уже сможем гово-

речь о том, чтобы рабочий стал субъектом труда. Только потом... Маркс, я не помню уже в каком случае, говорил, что может сложиться ситуация, при которой общество скатится назад, в докапиталистические отношения, то есть оно не доросло до сознания частной собственности. Вот мы в таком положении, когда нам надо всё это пройти.

В.П. Я понимаю, о чем вы говорите...

Я.К. Так ведь это надо осознать, построить надо сначала рынок на капиталистических началах, а после мы будем говорить о том, что на Западе называется «самоуправлением».

В.П. То есть речь идёт о том, что, «перескочив» через неразвитые до конца капиталистические отношения, точнее — отбросив их, мы провозгласили некие «новые» отношения, тем самым отбросив себя назад. Но вот теперь наконец-то мы «доросли» до частной собственности, и задача теперь, чтобы через неё идти дальше вперёд... Я правильно понял?

Я.К. Да, совершенно правильно.

В.П. Тогда у меня ещё один вопрос. Можно ли сказать, что экономика Польши контролируется сегодня тоталитарным государством?

Я.К. Нет. Она сегодня уже не контролируется никем. Номенклатура существует сегодня не как сила государства, а как мафия...

В.П. Но ведь она так существует давно...

Я.К. Да. Но она теперь существует без государства. Она дезорганизована. Неслучайно, что в партийном руководстве и в партактивах обкомов они так слабы, что не могут организовать себя против партийных либералов, которые немногочисленны. Это разные мафии, и они мало общего имеют между собой, и они слабы как политическая сила. Если мы теперь проведём выборы в местное самоуправление, то мы их разобьем к ё...й матери...

Модзелевский. Я ищу какое-нибудь слово, соответствующее матерному выражению, но не нахожу...

В.П. Я найду такое слово... Русский язык богат на такие слова... (*Смех.*) Но вот в чём проблема. Оказывается, к великому сожалению для политиков, после захвата зимних, смольных и тому подобных цитаделей власти люди не перестают хотеть пить, есть, одеваться, обуваться... Меня интересует: какие слои в Польше работают в альтернативной экономике, в новых общественных отношениях, идет ли перераспределение собственности, ибо что же такое «взять власть»?

Я.К. Ты имеешь в виду альтернативное экономическое хозяйство или альтернативное экономическое мышление?

В.П. Я имею в виду и то, и другое.

Я.К. Альтернативное хозяйство у нас существует.

В.П. Я это вижу. Но я не вижу у этого хозяйства *политической надстройки*.

Я.К. «Политическая надстройка» — это мышление и высказывание рыночно ориентированных экономистов-теоретиков. Даже политическое движение такое есть...

В.П. Всё же я очень хочу задать вопрос. Вернуться к вопросу о *взятии власти*. При этом вы можете называть меня марксистом или еще кем-либо, хотя я «писигинист». (*Всеобщий смех.*) Власть взять, по-вашему, это перераспределить собственность? И пан Куронь...

Я.К. Первый наш шаг: мы продаем государственное. Из народного хозяйства будет выделена часть производственная — конечно, без шахт, железных дорог, — и эту работу возглавит ликвидационная комиссия. Всё это будет продаваться.

В.П. А кто всё это купит?

Я.К. Некоторые объекты купят немедленно. Небольшие производства. Торговую сеть. Надо будет выпустить акции на нормальный рынок.

В.П. А есть этот «нормальный» рынок?

Я.К. Если он хочет мне доказать (*обращается к Модзелевскому*), что мы не знаем, как это сделать, значит, он прав, потому что никто этого не знает, поскольку никто никогда этого не делал. Это революция, делаемая антиреволюционерами. Нет выхода. Надо же обратить назад то, что здесь сделали... Знаешь, что такое социализм? Это самый длинный, самый болезненный путь от капитализма к капитализму!

В.П. Я слышал такой юмор. Он у нас также популярен.

Я.К. Мы не знаем, как сделать это. Но мы будем делать. Я не ручаюсь. Может, нам не удастся из этого выйти...

Модзелевский (*смеется и обращается к Куроню*). Ты уж точно в следующий раз не выйдешь.

Я.К. А кто ж меня тогда посадит? Просто победивший народ меня гильотинирует. Это возможно.

В.П. У меня нет времени рассказывать вам о своей концепции, о своём пути, и это, вероятно, здесь мало кого заинтересует. У вас свой путь....

Я.К. Это не наш путь... Это просто попытка перехода к рыночному хозяйству. Нет другого пути!

В.П. Никто этого не отрицает. Мы тоже стоим перед вопросом перехода к рыночной экономике. Но мы выступаем за гармонию этого перехода. А вот один молодой человек, один из лидеров «Солидарности», я имею в виду Владислава Фрасынюка из Вроцлава, с которым я долго беседовал и который тесно связан с рабочими массами, — он говорит: «*Правительству веры нет. Партии веры нет*». Он рассказывал, что прежде правительство предлагало бросить политику и заняться экономикой. Они предлагали взять в аренду фабрики, заводы, предлагали развивать кооперацию, для этого снижали налоги, давали кредиты, но от этого «Солидарность» отказывалась, не шла на компромиссы. Фрасынюк сказал, что государство толь-

ко тогда будет «хорошим», когда к его виску будет приставлен пистолет. Только на таком языке можно «сотрудничать» с государством... Но, согласитесь, это уже не государство. Государством становится уже тот, в чьих руках пистолет. Я вспоминаю мысль нашего философа Бердяева: *«Поистине, государство менее деспотично, чем общество, возомнившее себя государством»*.

То, что вы сейчас говорите, — это отрицание гармонии при переходе к рыночным отношениям. Это действительно революция наоборот, это контрреволюция. Она столь же разрушительна, и даже более того. Вы ослабили всё, сделали всё «свободным» в надежде, что рынок создастся как-нибудь сам собой... Я считаю, что это чрезвычайно опасный путь. Потому что он может привести к большим потрясениям в Польше. И может быть, что к этим потрясениям номенклатура готова больше, чем вы.

Я.К. По-моему, ты прав на сто процентов, а может, на девяносто. Но то, что те структуры, с которыми мы боремся, подготовлены лучше нас, — это неправда. Они тоже не подготовлены. Никто не подготовлен.

В.П. Но у них есть Большой Друг.

Я.К. Но у этого Большого Друга достаточно своих хлопот, я думаю...

В.П. Хлопотой больше — хлопотой меньше...

Я.К. *(обращается к Модзелевскому и остальным присутствующим)*. То, что он нам тут рассказывает, так быстро здесь рассыпалось. У него возникнут скоро такие же вопросы по отношению к Советскому Союзу, очень скоро, несмотря на то что у него имеется эта самая «программа гармоничного перехода». Я долгие годы тоже был сторонником гармоничного перехода, вместе с нашим товарищем Рышардом Бугаем (Ryszard Bugaj), с которым я соглашаюсь до сих пор. Это был

очень интересный проект, но сейчас он рассыпался на мелкие кусочки, и его нельзя больше склеить. Этот спор мы ведём многие и многие годы. Мне кажется, что прежде всего из-за общественных ожиданий нам ждать больше нельзя. Если бы мы умели дать народу хлеб и мясо, то можно было бы не делать никакого прыжка. Но мы не можем этого дать, и никто сейчас этого дать не может. Вместо хлеба и мяса, надо дать прыжок...³⁵

В.П. Но всё же меня удивляет... Ведь существует ситуация в стране, такая обстановка, при которой интересы самого высшего руководства и широких слоёв общества — совпадают. В этом случае правительство предлагает не политические, а экономические свободы. Они предлагают развивать кооперацию, предлагают аренду, разрешают создавать кооперативные банки... Почему этим не пользуется «Солидарность»?

Я.К. Я с этого начал. Потому что то, о чем говоришь ты, может действовать только в рыночном окружении. Это «квадратура круга», как у нас говорят. Посмотри на Югославию. Они прошли этот круг, а почему у них остались проблемы? Потому что у них есть рынок без собственности.

В.П. Может, целесообразно посмотреть, чего не сделали и что сделали югославы. У нас сейчас очень активно развивается кооперация, конечно, не без преград, но все же. Развиваются кооперативные банки, идет накопление общественного капитала, идет то, что мы называем «перекачкой» этого капитала и государственного сектора... Сейчас развивается аренда крупных промышленных предприятий...

Я.К. Всё это существует у вас?

В.П. Да! Да!

Модзелевский. Он не верит...

Я.К. Как без рынка могут существовать банки?

В.П. Рынок в Советском Союзе существовал всегда... Но он был подпольным...

Я.К. Разговор между нами... такой... Представь, что я твой брат, старше на пять лет. Не в возрасте дело, просто мы это уже прошли. Это всё сказки.

В.П. Время покажет.

Я.К. *(говорит по-русски, смеётся).* Да, время покажет!

В.П. Ну, я желаю вам успехов, несмотря ни на что... *(Все смеются, особенно громко Михник.)*

Я.К. *(по-русски).* «Несмотря ни на что...» И я буду очень рад, если вам будет сопутствовать успех. Очень-очень буду рад... *(Смеётся. Все смеются, Михник заливается смехом.)*³⁶

Збигнев Буяк, Валерий Писигин, Адам Михник, Кароль Модзелевский и Яцек Куронь.
2 сентября 1989. Варшава.

беседа третья

Адам Мúхник

Краткая биография Михника, составленная на основе рассказа Кароля Модзелевского:

Адам Михник родился 17 октября 1947 года. Он сын деятеля Коммунистической партии Западной Украины. После войны отец Михника не являлся особенно высоким сановником, он был редактором профсоюзной газеты, а затем одним из редакторов польского издания трудов Карла Маркса в издательстве «Книга и знание», где работал до пенсии. Мать Адама была историком, она является автором учебника «История Польши».

Адам был организатором политклуба школьной молодежи в первой половине шестидесятых годов. Это был довольно элитарный клуб, работавший под патронатом комсомола, который в Польше назывался Союзом социалистической молодежи. В комсомоле, однако, Михник побывать не успел, так как, когда он поступал в университет, «бунтарскую» молодежь в комсомол уже не брали.

В 18 лет, когда он был студентом, Михника арестовали по делу Куроня и Модзелевского, подозревая наличие у него экземпляров «Письма к ПОРП». Письмо, однако, найти не удалось, и Михник был освобожден после шестинедельного заключения. Дважды Адам был поражен в правах студента. Первый раз за организацию акций протеста против ареста Куроня и

Модзелевского, а второй — за организацию в октябре 1966 года большого собрания с участием Лешека Колаковского (Leszek Kołakowski, 1927–2009)³⁷, который в то время был профессором Варшавского университета: собрание было посвящено десятой годовщине октябрьских событий 1956 года.

В защиту Михника выступили студенты и научные работники Варшавского университета, собравшие более тысячи подписей. Это сыграло свою роль, и Михник был оставлен в университете. Всё же в марте 1968 года его изгнали из университета, что послужило непосредственной причиной созыва большого митинга во дворе Варшавского университета. Так начались известные мартовские забастовки и демонстрации студентов. Начались, конечно, с разгона этого митинга милицией и войсками МВД.

Михник получил три года тюрьмы, но отсидел полтора, поскольку был амнистирован. После выхода из тюрьмы Адам Михник работал на заводе по производству электронных ламп: завод имени Розы Люксембург в Варшаве. Проработал он там около полутора лет и был уволен за причастность к забастовкам, связанным с поддержкой выступлений рабочих в Прибалтике.

После некоторых послаблений, связанных с приходом Эдварда Герека, Михнику позволили окончить университет в Познани. Адам становится активным членом КОРа, затем советником «Солидарности». В 1977 году Михник и Куронь были ненадолго арестованы. После освобождения — вновь активная деятельность в оппозиции.

С введением военного положения — интернирован, а в августе 1981 года переведен в тюрьму. Освобожден по амнистии 1984 года. Затем вновь арестован: на этот раз вместе с Владиславом Фрасыньюком, по Гданьскому делу в 1985 году, и

осужден на три года. Но вскоре был освобожден по амнистии 1986 года.

В настоящее время Адам Михник — советник Леха Валенсы и Краевой исполнительной комиссии «Солидарности». Кроме того, он главный редактор влиятельнейшей «Gazeta Wyborcza» в Варшаве, а также депутат Сейма.³⁸

* * *

Впервые с Адамом Михником я встретился летом 1989 года во время его приезда в Москву на кинофестиваль. Встреча произошла на квартире известного драматурга Александра Гельмана, куда Михник пришел вместе с Анджеем Вайдой (Andrzej Wajda). «Раньше мы были уголовниками, — сказал, здороваясь, Михник, — а сейчас мы правительство!»

Это прозвучало очень необычно и неожиданно. Меня также удивило то, что он знает о существовании Политклуба имени Бухарина и даже упомянул название статьи в «Советской культуре», где рассказывалось о нашем политклубе. Это, конечно, меня поразило.³⁹

Наша вторая встреча произошла 4 сентября на варшавской квартире Адама. Михник произвел очень сильное впечатление. Несмотря на то что он сильно заикается, когда волнуется, его приятно слушать. Он невероятно притягателен, всегда слышит собеседника. У него потрясающая жажда знаний, и он, это заметно, буквально страдает от того, что не может объять необъятное. Он готов читать, кажется, всё и всегда. Интерес к России и вообще к СССР — огромен. Он знает нашу страну и в этом отношении отличается от других моих собеседников. С ним легче говорить о событиях внутри нашей страны. Михник не экономист, но его образ мыслей позволяет интуитивно понимать проблемы экономики. Его мышление — сугубо поли-

тическое. Он и есть настоящий политик. Сейчас в Польше его время. Но надолго ли? Я также убеждён в том, что Михник играет очень большую роль в налаживании доверия поляков к русским. Познания нашей истории и нашей культуры помогают ему в этом. Ну а что же об Адаме Михнике писали в СССР?

Вот что:

«Михник — давний коллега Куроня и Модзелевского на анти-социалистическом поприще (был особенно активен во время анти-социалистических выступлений в Варшаве в марте 1968 года) — одна из самых зловещих фигур в истории польской контрреволюции. Человек действия и значительной энергии, питаемый ненавистью к социализму, он был не столь искусный оратор-демагог, как Куронь, и не мастер изоцирэнной интриги, как Модзелевский. Преимущественное амплуа Михника — организаторская деятельность. Он был сторонником любых, самых низких методов в борьбе с социализмом, вплоть до развязывания в подходящий момент открытого террора. Во время своих неоднократных поездок в Италию Михник досконально изучал «опыт» так называемых «красных бригад». Был тесно связан с Мартой Петрусевич, которую хорошо знал ещё в Варшаве (в 1983 г. Петрусевич была привлечена к ответственности итальянскими органами правосудия за связь с «красными бригадами»). В период событий 1980–1981 гг. был одним из ведущих советников «Солидарности». (Трубников, «Крах "Операции Полония"», с.23.)

В отличие от Кароля Модзелевского и Яцека Куроня, Михник хоть и слышал об этой книге, но не читал её, что удивительно. Когда я прочёл ему эти строки, он залился смехом, едва удерживаясь в кресле. После этого он попросту забрал у меня исчёрканный карандашом мой экземпляр.

* * *

Валерий Писигин. Александр Гельман рассказывал, что вы интересуетесь русской культурой, русской историей, искусством, и сегодня это действительно важно в Польше, потому что всё равно нам вместе предстоит выкарабкаться из той ситуации, в которой мы сейчас находимся. Либо мы вместе выйдем из этого, либо наоборот, и сегодня верно говорят, что неудача реформ в Польше покажет неудачу всех реформ в странах социалистического лагеря. И напротив: в случае удачи в Польше это будет сильная опора нам в наших действиях...

В то же время здесь, в Польше, насколько мне известно, без особых симпатий, мягко говоря, относятся к Советскому Союзу, к тому, что там происходит...

Адам Михник. Я думаю, что у тебя просто нет возможности сравнивать с тем, что было раньше. *(Смеется.)* Теперь, можно сказать, у нас любовь. Любовь!

В.П. Это, конечно, благодаря тому, что у нас произошли перемены...

А.М. Конечно. Это абсолютно! Абсолютно!.. Например, вчера я был на собрании в Силезии, у шахтёров, поскольку я их представитель в сейме. И мне задавали много вопросов о моей поездке в Москву и о моих впечатлениях о Советском Союзе. Я впервые увидел, что в этих вопросах не было антирусского, антисоветского настроения. Было очень большое любопытство. И это было нечто новое, потому что ещё весной, во время выборов, такие настроения были. Сегодня такие перемены происходят, и появилась первая возможность, чтобы изменить саму базу взаимоотношений между нашими народами. Впервые у нас нет такого жесткого антисоветизма. Очень интересно, что же будет дальше? Наверное, никто не знает, потому что две-

три статьи, например, в «Известиях» могут всё испортить и перечеркнуть.

В.П. Вы читаете наши газеты, журналы?..

А.М. Все! Все!.. Я тебе покажу, что я сегодня принес...
(Вышел в другую комнату, чтобы принести свежую прессу.)

Писигин (Модзелевскому). Я удивился, потому что когда мы только познакомились, в Москве у Александра Гельмана, и я представился, сказал, что из Политклуба имени Бухарина, то он сказал, что знает об этом, что он читал статью «В бывшем городе Брежнев»...

Модзелевский. В «Советской культуре»?

В.П. Точно!.. В «Советской культуре»...⁴⁰

Адам Михник (принес ворох свежей прессы). Я знаю очень многих русских интеллектуалов, благодаря тому что читаю газеты и журналы... (Показывает «Литературную газету», «Советскую культуру», «Октябрь», «Вопросы литературы».) ...И прогрессивные, и националистические тоже, и «Наш современник», и... что ещё... вот «Молодая гвардия»...

В.П. «Советская Россия»?

А.М. Нет, потому что просто *это* уже не могу читать... Ну, если там только что-то интересное...

В.П. Газета, которую вы возглавляете, является чьим органом?

А.М. Теоретически — ничьим. Она независима. Но практически — это орган «Солидарности». Но только практически! Теоретически у меня нет никакой инстанции, которая бы могла мне сказать: пиши так, а не эдак... Мои друзья могут мне сказать на собрании: «Почему ты это напечатал, ведь это ложь, это бред?!» Вот такое возможно.

В.П. Мне неудобно спрашивать у редактора о влиянии его газеты...

А.М. (после некоторой паузы). Это успех! Нашу газету все читают.

В.П. И какой тираж?

А.М. Полмиллиона! Но это, конечно, не ваши тиражи...

В.П. В разговоре с лидерами «Солидарности» я приводил ваши известные слова, они и в нашей советской печати приводились, я имею в виду: *«Президент — ваш, премьер — наш!»* Я сразу вспомнил слова Ленина в критический момент... Когда Церетели с трибуны говорил о том, что в России нет политической силы, могущей взять власть, он встал и сказал: *«Есть такая партия!»*

А.М. (смеется). Да!.. Спасибо за сравнение...

В.П. Подождите, потому что я ещё вот что хочу сказать... Так вот, Ленин фактически заявил, что готов взять власть, то есть брал на себя огромную ответственность... Однако в разговоре с лидерами «Солидарности», с экономистами мне показалось, что серьезной экономической базы для такого заявления, для того, чтобы взять власть, у «Солидарности» ещё нет. Вы ещё не жалеете о сказанном?

А.М. Если бы не было такой базы, то не было бы нашего премьера. У нас только сейчас, наконец, и начинаются хлопоты. Потому что до сих пор мы только могли призывать: *«Бастуйте!»* А это был тупик, так как, я уверен, никакое коммунистическое правительство ничего сделать в Польше уже не сможет. В этом смысле я настоящий ленинец! Он любил цитировать известные слова Наполеона: *«Надо сначала ввязаться в битву, а там будет видно!»*

Я думаю, что наш народ должен пройти через этот опыт, даже если мы разобьёмся. То есть ситуация просто беспрецедентная, и поэтому трудно что-либо предсказывать. Мне так видится это положение. Единственный способ осуществить демократические преобразования в Польше — это контракт

реформаторского крыла в лагере власти с прагматическим крылом в оппозиции. Если этот контракт не оправдывает себя и у него не будет успеха, в Польше может воцариться анархия или военное положение либо националистическая диктатура.

В.П. Я тут разговаривал с одним западным экономистом — с Брюсом из Оксфорда, — который поражен тем, что при катастрофическом положении дел в экономике Польши никто ничего не делает, чтобы найти выход из этого положения... Вы ещё не подошли, когда я с Куронем об этом говорил, — так вот Куронь считает, что надо всё оставить как есть, а рынок сам возникнет, выстроятся отношения и так далее... Я же считаю, что это политика безответственная, что сегодня надо думать о каком-то срочном выходе из положения. Люди поддержали оппозицию, в результате «Солидарность» получила своего премьера, места в сенате, и теперь люди ждут перемен. Но через три месяца «Солидарность», не дав не только перемен, но даже и надежд на них, перестанет пользоваться поддержкой народа...

А.М. Я думаю, что нам надо подождать эти три месяца. У меня нет никакого доверия к экономистам. Ни к польским, ни к западным, ни к советским. Я думаю, что точка зрения экономиста для этой ситуации недостаточна. Потому что, и здесь я вновь выступаю как *ленинец*, ключ от ситуации — в политике. Да, это политика! И ещё я думаю, и это важно сказать, что всё равно ничего хорошего из этого не получится. Потому что никто в целом мире не знает, какой имеется выход из этого безвыходного положения. Просто никто не знает! Ни у вас, ни в Китае, ни в Венгрии, ни в Югославии — нигде... Но я думаю, что все эти медленные методы ничего не дали. И у нас теперь просто нет времени. Просто нет времени, чтобы ещё ждать. И нам надо идти на радикальную рыночную перемену, и это надо делать немедленно. Потому что через три месяца это уже мо-

жет быть поздно. Я боюсь, что наш новый премьер — человек очень осторожный, а нам сейчас нужны люди с риском и отвагой.⁴¹

В.П. Да, положение действительно незавидное, но мало кому можно сегодня завидовать, потому что в Советском Союзе, например, добавляются ещё и национальные проблемы.

А.М. Да! Да! И я боюсь, что ваши лидеры...

(Ответ Михника повис в воздухе, так как в это самое время домой вернулись его жена с маленьким сыном. Последовали приветствия, традиционные в таких случаях реплики, беседа наша прервалась на некоторое время, а когда возобновилась, то я, к сожалению, не догадался вернуть разговор к прерванной теме и, вместо этого, завел речь о другом.)

В.П. Если исходить из вот этой самой характеристики, которую вам дали в книге «Крах "Операции Полония"», там какая-то правда есть?

А.М. *(смеется)*. Я лучший демагог, чем Куронь, лучший интриган, чем он *(указывает на Кароля Модзелевского)*, но я самый худший организатор в мире! *(Все смеются.)*

В.П. Я так понимаю, что все главные редактора газет — плохие организаторы. Бухарин, когда проиграл Сталину борьбу, тоже говорил о себе, что он самый плохой организатор в России.

А.М. А что, Бухарин действительно боролся со Сталиным?

В.П. Дело в том, что он боролся не просто со Сталиным. Бухарин боролся с философией военного коммунизма...

А.М. А Троцкий?

В.П. Троцкий боролся со Сталиным и его аппаратом.

А.М. Может, это и хорошо, что он не победил.

Модзелевский *(смеётся)*. Если бы он победил, то он бы нам всем показал...

В.П. Ну мы не можем судить человека за то, что он не сделал; во-вторых, вы что, хотите сказать, что Сталин — это ещё не так страшно?

А.М. (смеется). Ну нет, конечно. Это, может, плохая шутка, но я не люблю Троцкого как идеолога. Конечно, он не был таким злодеем, как Сталин. Тот был просто убийцей, бандитом, это бесспорно. Но способ мышления Троцкого — это квинтэссенция тоталитаризма: максимализм, радикализм, жестокость... И он писал правду, когда сообщал, что он *настоящий большевик*. Но, конечно, он был деятелем очень крупного масштаба: может быть, большего, чем Бухарин.

В.П. Смотря что подразумевать под масштабом. Я считаю, что Бухарин ещё не завершил своё историческое действие. Я в этом убежден. Для России, по крайней мере.

А.М. Я думаю, что вы его немножечко идеализируете. Бухарин, конечно, имел в свое время существенную правоту, но в истории, как известно, недостаточно быть правым, чтобы победить. А теперь новый исторический процесс, и мне кажется, что Россия сегодня уже пошла дальше, чем возвращение к идеям Бухарина...

В.П. Безусловно!

А.М. И Селюнин пошёл дальше, и Шмелёв, и Гавриил Попов...⁴²

В.П. Я это понимаю и потому не делаю из Бухарина икону...

А.М. Надеюсь...

В.П. ...и отношусь к нему достаточно критично... Но главное — он у нас персонифицированное выражение альтернативного пути.

А.М. Но я думаю, что уже нет. Конечно, реабилитация Бухарина была очень важным фактом, поскольку это была как бы интерпретация новой точки зрения на историю русской ре-

волюции. Это был путь к тому, чтобы устранить ложь из истории Коммунистической партии.

В.П. В нашей политической истории имена политиков значат нечто большее, чем только фамилия и историческая правда. Как правило, реабилитация политиков — это признание их исторической правоты. Реабилитация Бухарина — вскрытие целого пласта в политике и экономике, снятие запрета на переход к рыночным отношениям...

А.М. Я с этим согласен. Но вопрос Клямкина: «*Эта ли дорога ведет к храму?*» — это уже не путь Бухарина. Вопрос Клямкина — самый существенный. Я, правда, не согласен с его ответом...⁴³

В.П. Игорь Клямкин очень хороший публицист. Но публицисты — это одно, экономисты серьезные — это другое, а политические действия — это третье... Сейчас многие пишут. Интеллектуалы, писатели... Наша концепция — это гармоничный переход к рынку на основе развития кооперации, аренды, частной инициативы. Мы за политизацию этого процесса, за единство политики и экономики, за их гармоничное развитие. На базе этого мы можем построить гражданское общество.

А.М. Да, это очень важно, потому что других возможностей восстановить гражданское общество в России нет. Если Яцек (Куронь) тебе возражал, так он совершенно не знает русской реальности. Там у вас совершенно другое положение, чем в Польше. Механическое сравнение ситуации в России и в Польше — это ошибка. В Польше сейчас конец коммунизма. Ярузельский решается отдать правительство Мазовецкому. А Горбачев кому может отдать? В России нет никого для диалога. Коммунисты сами этого добились... А что ты можешь сказать о строительстве у вас партий, о строительстве политической инфраструктуры?

В.П. Мы вот на что посмотрели... Идут политические процессы, в основном в Москве, создаются народные фронты, всевозможные политические организации, партии, но мы их не считаем серьезными, потому что серьезные организации можно строить, только опираясь на демократический слой...

А.М. Но это тоже неправильно! Неправильно, потому что *всё* теперь серьёзно. Нельзя сказать, что только один путь правилен. Все пути, которые ведут к восстановлению гражданского общества, нужны. И ты тоже не считай, что твой путь — единственно правильный. У нас есть на этот счет польский опыт. Долгое время мы думали, что КОР — это единственно верный путь, а все остальные ошибочные. Оказалось, что если бы был только КОР и ничего больше, то ничего не получилось бы. Без Костёла, без государственных университетов, без некоторых движений внутри Коммунистической партии не было бы такого пространства свободы, которое сегодня существует в Польше. Потому что все движения составляют субъекты общественной жизни.

В.П. Я, конечно, не считаю все эти движения неважными, упаси Бог! Но все дело в том, что мы видим свой путь в том, чтобы вести *перекачку* капитала из-под влияния государства... При моноэкономике не может быть никакой речи о демократии. Может быть речь только о либерализации, большей или меньшей...

Модзелевский. Это естественно...

В.П. ...Когда мы открываем кооперативные банки и развиваем кооперацию и арендные отношения, то мы все это называем *альтернативной экономикой*...

А.М. Демократия есть там, где есть средний класс, и вы занимаетесь строительством среднего класса.

В.П. Вы говорите, что у вас есть польский опыт. Теперь у нас он тоже есть. Особенно после того, как я здесь побывал. Я обнаружил здесь большой перекося в сторону политических побед и обнаружил отсутствие альтернативной экономики... Хотя наши страны очень разные... Так вот, мы с первых своих шагов следим, чтобы экономический базис был в гармонии с политической надстройкой... И будем шаг за шагом захватывать, захватывать, захватывать...

А.М. Никогда здесь не будет гармонии. Всегда будут конфликты. Вы это можете сейчас делать, потому что ещё раньше что-то началось в области политики.

В.П. Но когда возникнут серьезные противоречия, у нас уже будут какие-то силы...

А.М. Я согласен...

беседа четвёртая

Кароль Модзелевский

Краткая биография. Родился 23 ноября 1937 года в Советском Союзе. После того как его родители — Александр Будневич и Наталья Вильтер — расстались, он с матерью переехал в Польшу. Его отчим Зигмунт Модзелевский занимал высокий пост в министерстве иностранных дел Польши. Наталья Модзелевская — талантливый литератор, автор многих переводов литературной классики с польского на русский и наоборот.

Кароль с молодых лет окунается в оппозиционную борьбу, не забывая при этом о своём основном призвании — изучении истории Средних веков.

Неоднократно арестовывался. Провел в тюрьме общим сроком более восьми с половиной лет. В настоящее время сенатор от города Вроцлав, в котором проживает вместе с женой Ольгой.

Кароль Модзелевский никогда не занимал высоких постов в структурах «Солидарности», не стремится занять их и сейчас, после прихода к власти правительства Тадеуша Мазовецкого, однако влияние его на ход событий в Польше велико. Он авторитетный член парламентского клуба «Солидарности». Модзелевский блестящий оратор и редкостный мыслитель. Остальные характеристики, а также вехи его биографии

можно узнать из приведенной ниже беседы с ним, состоявшейся в Варшаве 4 сентября 1989 года.

Но прежде — несколько выдержек из уже не раз цитированной книги Вадима Трубникова:

«Эти "деятели" — Куронь и Модзелевский — давно уже шли рука об руку. И тот и другой в своё время были членами ПОРП. Свою "особую позицию" они продемонстрировали ещё во время событий 1956 г. В 1961–1962 гг. Модзелевский установил в Италии тесные связи (первые контакты ещё в 1957 году) с одним из лидеров западноевропейских троцкистов Л.Мафтани.

После возвращения из Италии Модзелевский привлёк к троцкистской деятельности Куроня. Тогда же они вместе с профессором философии Л.Колаковским (позже эмигрировал в Англию и стал одним из идеологов польской "тихой" контрреволюции) организовали в Варшавском университете дискуссионный молодёжный клуб "Кривой круг", где пропагандировали троцкистские и анархо-синдикалистские идеи.

В середине шестидесятых Куронь, Модзелевский и Колаковский были исключены из ПОРП (Куронь — второй раз; впервые — в 1953 году).

Модзелевский был главным организатором скандального "празднования" в 1967 г. группой сионистов в Варшаве "победы Израиля" в войне против арабов. В силу неумного тщеславия и стремления покрасоваться, Куронь со своими бонапартистскими замашками всегда был больше на виду, хотя основной фигурой в этом "тандеме", как показали дальнейшие события, был Модзелевский.

"Первым в ряду самых ярых врагов реального социализма в Польше,— писала в 1983 г. варшавская газета "Жолнеж Вольности",— стоит Кароль Модзелевский, наиболее тесно связанный с враждебными диверсионно-вражескими

центрами". Уже в самом начале 70-х годов оба фактически отошли от троцкизма, объявив себя "социал-демократами", однако оставили в своём идеологическом арсенале некоторые постулаты троцкистского IV Интернационала». («Крах "Операции Полония"», С.16.)

* * *

Валерий Писигин. О вашей деятельности я слышал главным образом из книги «Крах "Операции Полония"» Вадима Трубникова, вышедшей у нас в 1985 году уже вторым изданием. Из этой книги я знаю, что ваша деятельность растянулась на многие годы и начало её относится ещё к пятидесятым — началу шестидесятых. Мне интересно, какую роль играли вы в те годы? Можно ли сказать, что эта деятельность связана с эпохой хрущевской *оттепели*? И ещё меня очень интересует, каково влияние идей Льва Троцкого на формирование вашего мировоззрения как молодого революционера?

Кароль Модзелевский: Насчет книги Трубникова могу сказать, что никому бы её не рекомендовал, потому что там много неправды, хотя нам читать её было весело. Насчет нашей молодости — моей и Куроня, потому что тогда мы были тесно связаны, — и не только нашей, а, я бы сказал, вообще молодого поколения из среды той польской интеллигенции, которая либо была связана с коммунизмом уже давно, либо пошла строить новый порядок в Польше, и таких было много, после войны... Об этом теперь часто забывают, но, по-моему, большинство польской интеллигенции, особенно творческой, одобряло коммунизм и социализм. Никаких особенных различий тут не делалось: коммунизм — как движение, социализм — как строй. Эта интеллигенция поддерживала так называе-

мый «авангард» и была, можно сказать, соучастником всего того, что тогда происходило в Польше, в том числе и соучастником сталинизма, конечно. В этом смысле то, что произошло с этими кругами польской интеллигенции в 1956 году, советскому читателю должно быть понятно по собственному опыту.⁴⁴ Мой случай в некотором роде исключение, потому что у меня коммунистическое воспитание было домашним...

В.П. Вы имеете в виду отца?

К.М. Да... И вот это воспитание научило меня всерьез воспринимать основные лозунги коммунистической идеологии, а значит, и сопоставлять их с жизнью. И меня, как, впрочем, и других, которые поверили в эти лозунги и сопоставляли их с реальной жизнью, как раз и называли *ревизионистами*. Поскольку я видел огромное различие, контраст между реальностью и идеалом, которому меня учили, то это вызвало желание изменить существующее положение, устранить всё, что противоречило этому идеалу. В партийных кругах всё это на официальном уровне воспринималось как *ересь*. ...В церкви когда-то были такие, которые считали себя умниками, а на самом деле хотели изменить интерпретацию Священного Писания... Сейчас бы *ревизионизмом* я назвал критику реальной социалистической действительности, потому что она противоречит социалистическому или коммунистическому идеалу. И вот, исходя из этой формулы, может быть, самым крайним, даже экстремистским в Польше было то, что мы в 1964 году написали вместе с Яцеком Куронем документ, который опубликовали как «*Открытое письмо к партии*».

Это, действительно, была и критика чрезвычайно резкая, и программа экстремистская. Впрочем, всё это можно отнести на счёт нашей молодости: мне тогда было двадцать шесть лет. Мне теперь просто не нравится то, что мы тогда написали. У меня сегодня даже есть чувство смущения, когда я говорю или

вспоминаю об этом документе, который мне даже трудно прочитать заново. Мне неприятно в этом сознаваться, ведь это существенный момент моего прошлого.

Но вот что произошло потом. Экстремистским в документе было то, что мы провозглашали революцию, насильственное свержение существующего в Польше строя, который мы охарактеризовали как «угнетателя рабочего класса». Здесь были схожи точки зрения и с Милованом Джиласом (1911–1995), может быть, и с Троцким, но всё же больше с Джиласом.⁴⁵ Мы провозглашали борьбу за революцию рабочего класса, которую возглавляют Советы, и здесь, конечно, были смешаны элементы общедемократической платформы — плюрализм, многопартийность, независимые профсоюзы с правом на забастовки — с коммунистического рода утопией: государство рабочих Советов и прочее...⁴⁶

Кроме революционного, мы не видели других способов. Всё другое, на наш взгляд, было невозможно, а этот путь — неизбежен. Это была программа, которая ни в коей мере не считалась с политической реальностью. Это, вообще-то, и не была, строго говоря, политическая программа, скорее, это была идейная платформа. Это была «лебединая песня» нашего *ревизионизма*, потому что критика системы с позиций её же идеологии была настолько доведена до крайности, что за этим надо было уже отрезать пуповину. То есть дальше с этих позиций критиковать уже было нельзя... Это может многим не понравиться в Советском Союзе, потому что у вас немало людей, которые сейчас думают так, как мы думали тогда...⁴⁷

Всё это было размножено на пишущей машинке в четырнадцати экземплярах, но уже время было такое, что у нас, как и у вас, это считалось тяжёлым преступлением. Нас очень скоро арестовали, мы получили по три с половиной года. Это был 1965 год.⁴⁸

Вышли мы на свободу 3 августа 1967 года... То есть в то время, когда, по Трубникову, я «организовал ликование еврейских националистов в Варшаве», я находился в тюрьме...

В.П. У нас люди, сидевшие по десять и более лет в сталинских тюрьмах, умудрялись прямо оттуда «руководить» подпольными контрреволюционными организациями... Так что ничего нового в этом нет.

К.М. (смеется). Да. Так вот, после этого я себя коммунистом уже не считал, и это было очень важное изменение, потому что здесь мы обрезали ту самую пуповину и сказали, что дело не в извращениях и не в противоречиях между идеологией и практикой. Напротив: есть даже некоторая последовательность между чертами идеологии и практикой, которая во имя неё проводится в жизнь. Так что надо не критиковать эту систему, а устранить её... И моя, и Куроня точка зрения переменилась в том смысле, что мы из *еретиков* стали *неверующими*. При этом мы были более склонны учитывать политическую реальность. Особенно после чехословацких событий 1968 года. Мы уже были гораздо менее склонны к революционным мероприятиям и к революционному мировоззрению и подыскивали эволюционные формы вроде введения сначала некоторых гражданских демократических свобод в существующую действительность, в существующую систему.

Эта идея эволюционных перемен в *коровское* время — значит, в середине семидесятых годов — уже торжествовала. Впрочем, я к КОРу не принадлежал, потому что я не профессиональный политик и не профессиональный деятель, а профессиональный медиевист. Я общественной деятельностью занимался только тогда, когда считал, что нет никакой возможности от неё уклониться. Это всегда мне очень мешало в моей профессиональной деятельности, у которой, как у всякого медиевиста, публика небольшая, но все же это выбранная мною

профессия, и я хочу иметь возможность ею заниматься. Так вот, в семидесятые годы я не был членом КОРа...

В.П. А можно несколько подробнее о Комитете обороны рабочих — КОРе?

К.М. Да, про КОР надо сказать, это важно, как об эволюции польской оппозиции, и он, по-моему, особенно исковерканным образом был представлен в тогдашней советской печати, и Трубниковым, конечно, тоже.⁴⁹

Философия КОРа была неревOLUTIONной, очень практической, можно сказать, внеидеологической, то есть в его деятельности не было никакой идеологической последовательной системы. Зато это была философия связи со всеми другими демократическими движениями на основе общечеловеческих и моральных ценностей. Это была философия самоорганизации общества, без апелляции к руководству, без обращений к Коммунистической партии с просьбой наладить жизнь. Это было время Эдварда Герека... К слову сказать, я не люблю присоединяться к брани в его адрес, хотя в экономическом смысле его политика потерпела полное поражение в конце концов. Это была всё ещё очень консервативная политика, хотя и без мракобесия, которое было свойственно позднему периоду правления Гомулки... Так вот, *кóровцы* не обращались к руководству партии, к властям, они обращались к людям, к разным социальным слоям, — я здесь не хочу употреблять великое слово *народ*, — с тем чтобы люди сами поднимались на защиту своих элементарных гражданских прав...

А дело началось с выступлений рабочих в 1976 году, думаю, что тебе это известно, и ты можешь сам рассказать об этом своим читателям...⁵⁰

Словом, в КОРе уже не было следа от *ревизионизма*, хотя внутри КОРа были бывшие *ревизионисты*, такие как Куронь и

Михник. Были и другие: например, такой известный ксендз Ян Зея (Jan Zieja, 1897–1991), связанный с подпольной антифашистской деятельностью во время немецкой оккупации, можно сказать, герой подполья; был Ян Юзеф Липский (Jan Józef Lipski, 1926–1991), с которым ты беседовал в Сенате и который никогда не отличался симпатиями к коммунизму, потому что он убежденный социал-демократ шведского, можно сказать, направления; были там интеллектуалы, актеры, люди, которых привело в КОР чувство морального долга. То есть КОР — это была элитарная форма, но она пробуждала активность у людей. Конечно, ошибочно считать, будто активность КОРа привела в движение огромную массу рабочих. Но философия КОРа оказалась близка активистам рабочего движения. Впрочем, некоторые из них, такие как Анджей Гвязда (Andrzej Gwiazda) и сам Валенса, были связаны с КОРОм еще до появления «Солидарности».⁵¹

В.П. Философия КОРа не включала каких-то экономических программ?

К.М. Нет, потому что это не была философия управления страной. Это была философия организации общественных сил — главным образом рабочих, интеллигенции и крестьян — на защиту своих прав. И уже потом выдвигался лозунг экономической реформы, перехода к рыночной экономике, но это была не конкретная программа. И потом уже, в начале восьмидесятых годов, очень популярна была идея рабочего самоуправления на государственных предприятиях. Но это все уже было по ходу развития событий...

1980 год ознаменовался массовыми рабочими выступлениями. Освобождение общества от тоталитаризма привело к формированию мощного независимого профсоюзного движения. Всё, что было оппозиционно в Польше, приняло четкие очертания именно как рабочее движение. В то же время было

конкретизировано всё то, что уже существовало в зародыше *кóровского* движения, а именно — концепция компромисса с коммунистами. Коммунисты — это сила, которая руководит страной. Учитывая политические реалии, мы, как новое рабочее движение, не были намерены брать власть. Таковой была философия «Солидарности». Мы считали, что, в соответствии с политической реальностью, власть должна оставаться у коммунистов. Тем более что Москва признавала только такую власть и считала, что только коммунисты могут быть гарантией того, что Польша не отойдет в сторону, что державные интересы Советского Союза в Польше не будут ущемлены. В этом смысле у коммунистов, как у руководителей страны, не было альтернативы. Но мы считали, что если у коммунистов должна остаться власть, то это больше не может быть абсолютная власть. Она должна быть ограниченной и подвержена контролю.

Эта формулировка сохранялась актуальной буквально до сегодняшнего, а скорее, до вчерашнего дня для мышления главных руководящих кругов «Солидарности», и она была актуальной для большинства членов «Солидарности». Не для всех, конечно, потому что это было стихийным явлением.

Надо понимать, что профсоюз — это масса людей. Громадная масса! В нём было девять с половиной миллионов членов, а строили его по крайней мере миллион из них. Строили собственноручно во времена шестнадцатимесячной *оттепели*. Поэтому авторских прав на то, что кто-то построил такой профсоюз, ни у кого нет и быть не может. И руководить этими профсоюзами было не так просто. Это меньше всего похоже на шахматную доску, на которой умный шахматист переставляет шахматные фигурки. Это — кипящая активностью общественная реальность, которая не менее существенна, чем геополитика.

литические реальности — например, интересы Советского Союза и понимание этих интересов тогдашним или сегодняшним кремлевским руководством. К счастью, разница — громадная, к нашему счастью и, я думаю, к вашему тоже. Это, можно сказать, геополитическая реальность.

Но активное, бурлящее массовое движение — это ведь тоже реальность. Если, например, — а такое случалось — руководители «Солидарности» по каким-то политическим или тактическим соображениям сделали ход — я уже пользуюсь шахматной терминологией, — который был непонятен и противоречил желаниям миллионов или сотен тысяч активистов «Солидарности», которые прежде их поддерживали, — то в этом случае руководители попросту теряли контроль над профсоюзом. Ведь никаких нормальных демократических механизмов — с постановлениями, голосованиями, отзывами депутатов, новыми выборами и тому подобным — не существовало. Просто на фабриках, заводах в регионах местные отделения начинали самостоятельное движение, часто хаотичное, неуправляемое, усиливая тем самым конфликты. В конце концов профсоюз эти конфликты как-то сдерживал, но ценой большого риска и за большую политическую плату. И поэтому если надо было проводить умеренную политику, — а надо было! — то следовало эту политику обсудить со всеми заинтересованными сторонами, у которых было реальное влияние, хотя они и не были членами центрального руководства «Солидарности».

Таков был тогда облик этого профсоюза, и поэтому давление радикально настроенных сотен тысяч людей очень сильно влияло на действия руководства профсоюза. Кроме того, надо сказать, что коммунистическое руководство в это время считало *гданьские соглашения* — я цитирую одного из этих руководителей, фамилию которого не могу назвать, потому что

этот разговор был частным, — «брестским миром».⁵² Советскому человеку нет никакой нужды объяснять, что это такое. То есть надо подождать, считали они, соотношение сил изменится, и тогда...

Концепции были разные среди руководящих кругов коммунистов. Была и такая, её носителем был сегодняшний заместитель председателя Сейма со стороны партии Тадеуш Фишбах (Tadeusz Fiszbach), и таких было не так уж мало. А он в то время был руководителем Гданьского обкома. Такие деятели считали, что профсоюз «Солидарность» это постоянный фактор польской жизни и компартия должна научиться с ним сожительствовать, а значит, должна измениться и сама, потому что уже невозможно дальнейшее тоталитарное управление страной. То есть партия должна была произвести такие необходимые реформы, которые позволяли бы ей сотрудничать с «Солидарностью», и чтобы это сотрудничество не доводило дело до конфликтов, которые разрушают страну. Или чтобы эти конфликты устранялись законными и наиболее безопасными для общества способами.

Но такая точка зрения не была поддержана большинством руководства ПОРП, и она не одержала победу на IX съезде компартии. Победу одержал «центр»: Ярузельский, Раковский, прежде всего тогдашний генеральный секретарь Каня (Stanisław Kania), которые старались довести до такого положения, чтобы можно было «Солидарность» обуздать, надеть на неё ошейник, подвергнуть пресловутой «руководящей роли партии», что никак не удавалось. Впрочем, это не удавалось не только по отношению к «Солидарности», но и по отношению к другим организациям, таким как Союз журналистов, Союз писателей и другие, которые стали самостоятельными. Любопытно, что Братковский (Stefan Bratkowski), тогдашний председатель Союза журналистов — впрочем, сегодня он тоже предсе-

датель, — в то время был активным членом партии... Была и крайне реакционная, репрессивная группа в руководстве партии, которая рассчитывала на помощь извне.

Так вот «центр» хотел мирным путем взять контроль над «Солидарностью», с тем чтобы реставрировать старый порядок либо с небольшими переменами, либо довести положение до того, чтобы соотношение сил позволило применить принуждение, но всё же силами самой Польши, без вмешательства извне, без участия войск Варшавского договора. И конечно, это соответствовало, по-моему, интересам брежневского руководства. Потому что нельзя сказать, что Москва стремилась ввести войска ещё и в Польшу, помимо Афганистана. Наверняка они говорили, и это даже известно, польским руководителям: *«Вы справьтесь с этой контрреволюцией своими силами, только поскорее... Товарищи, поскорее!..»* То есть подгоняли наше руководство.

И вот в этом подгоне свою некоторую роль сыграла самая репрессивная фракция внутри политического руководства ПОРП, которая просто слала доносы в Кремль, что *«Каня — это капитулянт!»*, что *«Ярузельский тоже капитулянт!»*, *«Скорее надо прекратить эту контрреволюцию!»* и так далее... Часто они делали даже провокации — *«Вводите сюда войска! Мы вас зовем! Мы будем вместе с вами!»*... То есть это были люди, которые, для того чтобы схватить в свои руки руль управления партией и страной, были готовы к тому, чтобы довести Польшу до крушения и чтобы своих же лучших союзников, кремлевское руководство, втянуть в авантюру, которая бы стоила Советскому Союзу, наверное, не меньше, чем война в Афганистане... Такие люди, впрочем, и сегодня, наверное, есть, только их не видно, они ведут себя тихо, и к ним не так прислушиваются в Москве, будем надеяться....

Так вот, в том, что тогда не дошло до более–менее продолжительного компромисса, что всё дело сорвалось и привело к военному положению, сыграло свою роль то, что руководство не шло ни на какие изменения, уступки и даже стало поворачивать назад. Это вызывало множественные столкновения с «Солидарностью», в которых партия уступала, потому что была слаба. Это придавало «Солидарности» чрезвычайное чувство силы, а кроме того, такая политика радикализировала «Солидарность». Такое положение, конечно, способствовало и конфликтам, и антагонизму в обществе. Кроме того, и это связано с внешними обязательствами ПОРП, долгий компромисс, конечно, был недопустим, так как не устраивал брежневское руководство, которое считало положение в Польше язвой и заразой, которая может отравить весь Советский лагерь, включая и Советский Союз, и потому с этим надо поскорее покончить.⁵³

Поэтому в период крайне консервативной политики брежневской эпохи «Солидарность», можно сказать, не имела шансов. В конце концов Ярузельский и стал тем, кто реализовал желание Кремля справиться с «Солидарностью» собственными силами при помощи введения военного положения.⁵⁴ Одновременно это была и блокировка реформ, на которые пошло государство. То есть руководство партии доводило до конфликта, который делал невозможной политику сотрудничества ПОРП и оппозиции, поскольку такое сотрудничество могло существовать только при политике реформ. При условии *детализации* государства сожительство независимого движения с тоталитарным государством невозможно, потому что государство в таких условиях разлагается, причем очень быстро. При этом, конечно, разлагаются не его репрессивные силы, а разлагаются его функции, связанные с организацией общественного быта. Это мы отчетливо видели в 1980–1981 годах. Но вот усилия государства уничтожить «Солидарность» насильст-

венным путем, с помощью военного положения, — это показалось нам делом совершенно утопичным.

В.П. Это любопытно, так как у нас тоже говорят о возможности вмешательства военных или еще каких-то сил.

К.М. Я уже говорил, что «Солидарность» стала реальностью. Ну а кроме того, в создавшемся в Польше катастрофическом экономическом положении надо было искать выход, а его ведь не могут дать войска. Ярузельский пробовал пойти на экономические изменения в условиях военного положения, но именно эти условия как раз и исключали успех реформ. Поэтому теперь пришлось вернуться даже не к первоначальному пункту, потому что, формально говоря, договор *Круглого стола*, а тем более то, что происходит сейчас после выборов, — это большее, чем «Солидарность» требовала тогда⁵⁵. Это даже больше того, что требовали те, кого мы считали «горячими головами». Но, конечно, сегодняшнее положение — это вопрос отдельный, так как идёт чрезвычайное ускорение хода событий. Очень много угроз, связанных с экономической катастрофой, это уже хуже, чем просто кризис. Это требует уже объяснений не только в тех категориях, которыми я пользовался, рассказывая тебе про «Солидарность» 1980 и 1981 годов...

В.П. Прежде чем вы продолжите, я хотел бы вернуться к той философии, о которой вы говорили, к философии КОРа. Это очень важно для понимания, чего же хотела «Солидарность». Эта философия, как я её понимаю, была основана на политике гражданского мира, стабилизации, объединения всех слоев Польши, и с этим шли лидеры и всё движение, ни от кого не отворачиваясь. Скорее всего, именно ПОРП отвернулась от всех этих соглашений и договоров...

К.М. Я не совсем понимаю терминологию, которой ты пользуешься, она для меня нова, поэтому буду говорить своими словами...

Конечно, поиски соединяющих элементов, которые могли бы соединить разные группировки — и рабочих, и не рабочих, и интеллигенцию, и крестьянство, — то есть того, что ты называешь «гражданским миром», — это для «Солидарности» очень характерно даже до сегодняшнего дня, хотя, к сожалению, это ослабло во время кризиса. Сожалеть можно, но такова действительность.

Вот, например, можно сказать... Надо сказать! Во время последних выборов появились кандидаты из других кругов оппозиции, не от «Солидарности», и, между прочим, так называемые «экономические либералы», которые себя провозглашали кандидатами от «правых» и обвиняли «Солидарность». Обвиняли, потому что термин «левый» и особенно термин «социализм» очень сильно ассоциируются у поляков с действительностью, состояние которой плачевно. Громадное большинство поляков не привыкло противопоставлять какие-либо социалистические идеалы системе, в которой мы живем без энтузиазма лет сорок и которую все называют «социалистической». Правые обвиняли «Солидарность» в том, что это социалистическое движение, потому что оно опирается на рабочих и связано с их интересами, в то время, как по мнению либералов, выход из кризиса — в резком возврате к капиталистическому образу хозяйственной жизни, в котором рабочие не могут быть заинтересованы. Значит, считали они, «Солидарность» это сила социалистическая и к тому же консервативная.

Это, конечно, некоторая риторика, риторика полемическая, обращенная против «Солидарности», связанная с некоторыми правилами и требованиями предвыборной борьбы. Надо сказать, что на выборах такая риторика никакого успеха не обеспечивала, и «Солидарность» победила повсюду. Но у нас во Вроцлаве, например, где я был кандидатом в Сенат, были совершенно свободные выборы, нас было одиннадцать канди-

датов в нашем воеводстве на два места в сенате, среди них был кандидат от либералов, который получил 1,3 процента голосов. Так что нельзя сказать, что «правые» идеи очень популярны, но как будет в будущем — этого мы не знаем, конечно.

В.П. Я вновь хочу вернуться к вопросу о «гражданском мире». Меня очень интересует политика мирного сосуществования всех слоёв и социальных групп. Дело в том, что наши «коммунистические» партии, хотя я их и не считаю коммунистическими, всегда дестабилизировали ситуацию в наших странах, потому что принцип тоталитаризма — это правление в условиях постоянной чрезвычайщины и дестабилизации...

К.М. Это правда. Особенно в экономике.

В.П. ...И они всегда занимались воспроизводством этой чрезвычайщины, всегда играли... Сталин на этом взошел к власти... на противоречиях между социальными слоями, на несовпадении интересов рабочих, крестьян, интеллигенции...

К.М. Но это только в экономической плоскости...

В.П. Это находит своё воплощение и в политической плоскости, потому что когда происходит дестабилизация, вводится чрезвычайное положение, то тогда приходит и черед чрезвычайных мер. «Солидарность» же шла с протянутой для рукопожатия рукой. Само слово *солидарность* олицетворяет то, что нет никакой особенной роли рабочего класса или особенной роли...

К.М. Нет-нет... Про слово *солидарность* я могу рассказать, потому что именно по моему предложению профсоюз взял это название... Не будем вдаваться в детали... Дело в том, что в сентябре 1980 года были две концепции: либо отдельных региональных профсоюзов, либо одного всепольского союза. Но организационный принцип был региональным, так как профсоюзы возникали не по отраслевому принципу, а на основе забастовочных комитетов. Лозунгом бастующих было слово

«Солидарность!». И говорили: «Это забастовка Солидарности!» И даже тот красный графический знак, который сейчас тебе известен, он появился ещё до названия этим именем профсоюза, и бюллетень забастовочный, в Гданьске, который издавался в типографии Гданьского судостроительного завода имени Ленина, он тоже имел название «Солидарность». И вот, подыскивая общее, объединяющее название для всех профсоюзов, которые отделялись от центрального комитета профсоюзов... Не знаю, как у вас такой называется...

В.П. ВЦСПС.

К.М. ...Так вот, они отделялись и называли себя *независимыми* и *самоуправляющимися*, и, чтобы не получилась неразбериха, нужен был организующий символ. И тогда я на том съезде от имени вроцлавской делегации предложил единый общепольский профсоюз, конечно, с очень большой автономией каждого звена, то есть без централизации, но единый, — с названием «Солидарность». Предложение хотя и было моим, но оно просто выросло из события, это было *необходимостью момента*. В этом не было никакой заранее обдуманной философии. Вот ты говорил о какой-то идеологии *солидаризма* и так далее... Просто всё это выросло из движения, можно сказать, стихийно. И название «Солидарность» тоже появилось стихийно, просто я предложил это название, чтобы профсоюз его принял, потому что это название отделяло и обособляло его от других, с которым профсоюз не хочет быть связан... Можно сказать, что впереди была не идеология, а само движение.

В.П. Теперь перейдем к дням военного положения. Как психологически на вас подействовало введение военного положения?..

К.М. На кого?.. На народ?..

В.П. Лично на вас! Вы были готовы к этому?

К.М. (после некоторого замешательства). На этот вопрос очень непросто ответить...

Я лично считал, что дело дойдет до применения силы польскими властями, потому что появились основания опасаться этого. В конце ноября 1980 года правительство вдруг приняло постановление, которое значительно ухудшило бы жизнь в Польше. Причем это было осуществлено во время переговоров с «Солидарностью». Профсоюз не согласился, но нам сказали, что дискутировать нет смысла, так как правительство это приняло как приказ. Этот приказ можно было провести в жизнь либо под прикрытием танков, либо под прикрытием «Солидарности». Но поскольку это было принято без «Солидарности» и с таким показным высокомерием, то было ясно, что под прикрытием танков.

Кроме того, правительство тогда внесло в сейм проект закона о чрезвычайных мерах, который нам стал известен в первые дни декабря и который был умереннее, чем военное положение, но всё же очень сходен с ним. Там были и милитаризация предприятий, и военные суды над штатскими, и все что угодно. Но там это все предусматривалось только на три месяца. Мы хотели как-то подготовиться к этому, предупреждая, что нашим ответом будет генеральная забастовка. И мы это сделали в Радоме на нелегальном совещании руководства профсоюза. Это было заседание президиума профсоюза, с участием президиума Краевой комиссии, с участием председателей региональных комитетов. Это было 3 декабря 1981 года, и я там появился, потому что Фрасынюк, руководитель регионального руководства во Вроцлаве, попросил, чтобы я туда с ним поехал... Я жил уже тогда во Вроцлаве... В Радоме я, между прочим, сказал, что если мы не станем защищаться генеральной забастовкой, то они по нам несомненно ударят, поэтому мы должны им сказать, что это будет их последний бой...

Я имел в виду, что в резолюции нашего собрания мы должны ясно заявить, что в случае введения военного положения, мы тогда это называли «*исключительным положением*», мы ответим генеральной забастовкой.⁵⁶ Ну они из этой фразы изъяли все «лишние» слова, оставили, что «*это будет их последний бой*», и использовали эти слова в своей пропаганде как призыв к свержению власти, а не как призыв к защите профсоюзов, что было на самом деле. Ну это понятно, так как им надо было испугать тех, кто еще сомневался, оправдать или, вернее, облегчить введение военного положения. Его было тем легче вводить, чем меньше люди понимали, в чем дело. Сопротивление зависело от осознания того, что происходит, рабочими, главным образом на предприятиях. Но то, что военное положение будет введено так, как оно было введено, мы не предвидели, и я начал этого опасаться только в последний день, во время дискуссии в Краевой комиссии в Гданьске.⁵⁷

Это было 12 декабря, во второй день работы комиссии в Гданьске, когда я узнал, что оказались отключенными все телефоны. Я тогда сказал, что, может, они ночью все сделать хотят. Что, впрочем, не так удивительно... Но, как говорят в Польше, характера в ногах у меня было недостаточно, и меня поймали в первый же день. Я был интернирован, как это называлось, там провел год, а после этого был вместе с активными деятелями оппозиции переведен в тюрьму. Нас обвинили в том, что во время легальной деятельности профсоюза мы, «в рамках этого профсоюза», свергли существующий строй.

Я просидел под арестом без всякого обвинительного акта вплоть до августа 1984 года, когда был освобожден по амнистии...

В.П. Три с половиной года!..

К.М. Нет, два года и восемь месяцев... Три с половиной года я сидел за мартовские события 1968 года, когда были сту-

денческие волнения и разгром интеллигенции, но про это мы ещё не говорили. Это, впрочем, осуждено теперь партией и так далее, так что нам даже не стоит об этом говорить. То, что написано теперь по этому вопросу в официальном журнале «Политика», журнале господина Раковского, слишком совпадает с тем, что я думаю по этому поводу сейчас и особенно тогда...

В.П. Но сидел-то не Раковский.

К.М. (смеется). Сидел, конечно, не Раковский, который, кстати, был тогда очень критикуем на официальном уровне. Но он сумел свои позиции сохранить... Сидели, конечно, мы с Куронем... Если добавить к этим срокам два года и пять месяцев за ту чепуху (*Открытое письмо к членам ПОРП — В.П.*), которую мы с Куронем написали, то в общей сложности мы сидели с Яцеком где-то восемь с половиной лет, что по советским нормам не так много. По советским нормам это один средний приговор...

В.П. Ну-ну... И люди еще радовались таким приговорам... Как писал Солженицын: давали пять — радовались, что не дали десять; давали десять — радовались, что не дали двадцать пять; приговаривали к двадцати пяти — были счастливы, что не расстреляли...

К.М. Да, но по нашим, польским, нормам это много. И по сегодняшним понятиям, среди оппозиции, мы с Куронем, кажется, рекордсмены.⁵⁸ Но я не люблю этим хвастаться, потому что это все-таки слишком большая потеря времени, а никакого патента на безошибочность в будущем это, конечно, не даёт.

В.П. Да, Кароль, восемь с половиной! Это гигантский срок! Лучшие годы, молодость... Теперь вот о чем я хотел спросить...

Сейчас мы читаем о Польше в нашей прессе более широкую и объективную информацию, а в статье в *комсомолке*, не помню уже за какое число, там вообще написано: мол, вот как

бывает, когда мы лжём, и как мы будем теперь смотреть в глаза полякам! Так вот, в нашей прессе я читаю о Михнике, довольно видной фигуре сегодняшних дней, также и о Куроне... Но Модзелевский просто исчез с высшего политического небосклона. Мы почему-то его в нашей прессе не видим, не слышим, а между тем Модзелевский — сенатор: где-то в «Известиях» промелькнуло... А так, вас почему-то не слышно. С чем это связано?

К.М. Мне нелегко ответить на этот вопрос...

Во-первых, и я тебе об этом уже говорил, я не политик-профессионал, что не значит, что у меня нет понятия в политике, но я не занимаюсь ею непрерывно. Я — медиевист, изучаю историю Средних веков, и это поле деятельности привлекает меня больше. Но есть, конечно, исключительные моменты: это когда меня просто уговорили мои товарищи, чтобы я принял участие в выборной кампании от Вроцлава. Куронь и Михник — мои друзья. Они непрерывно этой деятельностью занимались, кроме того периода, когда сидели. Они были в Варшаве. В центре всех этих событий. У нас были, между прочим, разные точки зрения и во время подпольной деятельности, и сейчас у нас разные точки зрения, но их точка зрения сейчас имеет явный перевес. Мы ссориться по этому поводу, наверное, не будем. И я не только желаю им всего доброго, но и постараюсь помочь.

Вот, например, по поводу формирования правительства у нас было сильное разногласие с Михником. У вас это не слышно, но здесь я печатаюсь. И когда в «Газете Выборчей» была его статья *«Ваш президент — наш премьер»*, то два или три дня спустя в той же газете — Михника газете, между прочим, — была напечатана моя полемика с этой его статьей под названием *«Не будем делать правительство, не будем отсюда ухо-*

дить». Это такая игра слов по-польски. Михник её напечатал, он же её первый прочёл. Там я довольно резко спорю с тем, чтобы правительство, которое на деле является правительством самой широкой коалиции — с видным участием «Солидарности», но с участием коммунистов и разных сил из прежней коалиции, — чтобы его называть нашим правительством, и я был против того, чтобы туда входить. Я всегда считал, что нам лучше оставаться конструктивной парламентской оппозицией. Но победила другая точка зрения, и, поскольку она победила, я постараюсь сделать всё возможное, чтобы оказалось, что я был не прав. Понятно, да?..

И ещё, насчёт *комсомолки* и насчёт Советского Союза, и «как вам глядеть нам в глаза»...

Конечно, есть большая тяжесть прошлого, о чём уже много написано и сказано, но, я думаю, нам надо друг другу в глаза глядеть внимательно, потому что наши судьбы — раньше говорили «судьбы государств», а сейчас я бы сказал «судьбы народов» — связаны между собой, как никогда до сих пор.

Мы, конечно, вполне осознаем, что не было бы у нас всего этого перехода к демократии, не будь *перестройки*. Хотя я не знаю, как у нас все закончится. Это может кончиться крушением. У нас, можно сказать, чрезвычайно взрывчатое экономическое положение. Выдержит всё это народ или нет — не знаю. Сумеет ли мы, политические деятели — потому что ведь я сейчас тоже сенатор, в некотором смысле политический деятель, — сумеем ли мы как-то так действовать, чтобы обеспечить мирный, эволюционный переход от тоталитаризма к демократии? Я этого не могу сказать, да и никто не может этого сказать. Мы еще как-то знаем, *от чего* мы идем, но гораздо хуже знаем, *куда* идём. А может, и вовсе не знаем. Умников много, которые говорят, что они все знают, но им верить не

следует. Но у всех нас есть полное понимание того, что, не будь *перестройки* в Советском Союзе, польские конфликты, которые созревали с не меньшей резкостью, пробовали бы решать совершенно другим путем. И для вас, конечно, не в такой степени важно, что происходит у нас, как нам важно, что происходит у вас. Потому что нам всем ясно, что если *перестройка* падет, то нам не придется искать дорогу в демократию, а придется защищать то, что мы успели достигнуть, и это будет очень трудно.

Но вот если мы падем, то и для *перестройки*, для всех вас, я думаю, будут большие осложнения. Можно сказать, что теперешнее советское руководство — противоположность брежневскому, которое держалось на сохранении *статус-кво*, боялось отойти от него и не смотрело вперед, потому что это было бы для него самоубийством. Политика же нового политического руководства, при всех её зигзагах, это политика поиска возможного безопасного перехода из самоубийственного тупика — тоже в неизвестность. Также как и у нас. И если у нас всё закончится крахом, то мирный путь в будущее в Советском Союзе будет менее вероятен. Я скажу осторожно так: судьба польских реформ — или даже польского эксперимента, как любят говорить те, кто привык считать страну лабораторией, — это чрезвычайно важно, это жизненно важно для народов Советского Союза.

В.П. Я полностью согласен... Если можно, ещё такой вопрос. Вы начали свой путь политического деятеля еще будучи молодым, очень молодым. Вам сейчас уже пятьдесят два. Что бы вы, исходя из собственного уникального опыта, посоветовали молодым, начинающим политикам в Советском Союзе? Тем более что вы скоро туда приедете...

К.М. (*смеется*). Коль скоро я приеду в другую страну, то приеду учиться, а не учить. А вы приезжайте к нам с тем же

намерением, потому что не надо вам слушать наши поучения. Вам надо просто посмотреть наш опыт. А нам надо посмотреть, что происходит у вас, чтобы понимать координаты нашего положения, посмотреть, в чём мы можем помочь вам, потому что, помогая вам, мы помогаем себе. Это ведь ясно.

Меня одно радует... Это не политическое совсем соображение в Польше — скрывать тут нечего, багаж прошлого тяжёлый, — это отношение к русским: к Советскому Союзу как к государству, это понятно само собой, но и к русским вообще. Польша обременена этим негативным багажом, и, по-моему, то, что происходит сегодня и в Польше и в Советском Союзе, изменяет это мировоззрение, меняет точку зрения поляков на русских и вообще на Советский Союз. И меня такие перемены очень радуют и обнадеживают. Меня очень радует, когда мои соотечественники, когда поляки, у которых было очень много травматических заболеваний национального сознания, лечатся; когда среди поляков распространяется более открытый подход к другим народам, это очень важно.

По-моему, эмоциональное отношение к русским, к Советскому Союзу и к другим народам Советского Союза, что очень существенно, меняется в положительную сторону, и для меня это очень важно даже вне всякой политики, потому что, если даже в будущем всё может пойти по-разному, это должно в некоторой степени остаться.

В.П. Наблюдая за вами, слушая вас, а теперь я уже знаю, сколь тяжёлым был ваш путь — пятьдесят два года и восемь с половиной лет тюрьмы, — я вижу, что ваша деятельность была не столько революционера-организатора, сколько интеллектуала, мозга произошедших событий. Соответствует ли действительности вот этот эпитет: *«самый серый кардинал польской контрреволюции»?*

К.М. Интеллектуал — это не обязательно «серый кардинал». Если у нас кого и звали «серыми кардиналами», то советников «Солидарности», а я никогда не был советником. Я был просто деятелем. Меня кооптировали в начале в президиум регионального комитета во Вроцлаве, затем меня избрали пресс-представителем «Солидарности», потом я оставил этот пост, потому что был не согласен с решениями, вернее, с формой принимаемых решений, особенно весной 1981 года, и я вновь ушел в региональную деятельность, где был избранным, но, в общем-то, нормальным профсоюзным деятелем...

Я знаю, что я сильно воздействовал на ход событий в «Солидарности» и в её руководстве, сильнее, чем это могло происходить из формально занимаемых мною должностей. Но я воздействовал, произнося речи на больших собраниях профсоюзных представителей и руководителей, а не закулисным путём. Я не говорю, что закулисный путь в политике подлежит моральному осуждению, и советники представляли собой также важную роль. Они были чутки к тому, что происходило в правительственном лагере, к такой вот кабинетной политике, и это важно, это нельзя упускать из виду. А я был чуток к тому, что не надо забывать разговаривать со всеми профсоюзными деятелями. Так что моё влияние хоть и было довольно сильным, но не на той основе, и если кого-то и можно было называть «серым кардиналом "Солидарности"», то только не меня.

В.П. Последний вопрос, связанный вот со всем этим многолетним политическим поприщем: вы не устали?

К.М. Устал, конечно, устал... (*Замешательство.*)

Я только... Сейчас бы я предпочитал... Я скажу так: у меня есть сознание... это очень личный вопрос... так вот, у меня есть сознание, что я всё время должен что-то спасать... Потому что если я не схвачу, какую-то дыру не заштопаю, то тогда что-

то очень нехорошее произойдет... Ничего не поделаешь, я всегда так делаю...

Но сейчас я хочу написать еще одну книжку. Не про «Солидарность», а про *Варварские правды*... Вы же знаете, что такое *Варварские правды*, вы же историк... Я опубликовал две книги. Это об экономической организации Польского государства в X-XIII веках и о польском крестьянстве в средневековье. Кроме того, опубликовал большую работу по ранней средневековой Италии, тоже посвященную социально-экономическим вопросам. И ещё я хочу поработать со студентами. Меня ведь после 1964 года отодвинули от университетской работы. Я хочу заниматься своей профессиональной работой, она мне больше нравится, чем политика. А пока я занимаюсь тушением пожара... Знаешь, когда дом горит, а пожарных нет, то люди хватают ведра и бегут тушить огонь. Может быть, благодаря опыту, у меня уже есть квалификация пожарного, но я не хочу быть пожарным, я хочу быть историком...

С Каролем Модзелевским у здания Сейма.

Ксендз Ежи Попелушко и судьба Польши

Остаётся ещё один вопрос, который меня волнует вот уже несколько лет, и, находясь в Польше, я не мог обойти его. Речь о трагической судьбе Ежи Попелушко (Jerzy Popiełuszko, 1947–1984), польского католического священника, зверски убитого офицерами госбезопасности в октябре 1984 года.

Советскому человеку это имя мало о чём говорит, ибо, когда весь мир обсуждал судьбу ксендза, наши «средства массовой информации» ограничились комментариями пространного и туманного сообщения Польского агентства печати (ПАП). После прихода политики гласности, к этой теме, насколько мне известно, советская пресса уже не возвращалась. А между тем в самой Польше мученическая смерть ксендза Ежи Попелушко вызвала взрыв народного негодования и море скорби. Похороны убиенного превратились, по словам примаса Польши кардинала Юзефа Глемпа (Józef Glemp, 1929–2013), в *событие историческое*, а могила Ежи стала национальной святыней и местом паломничества миллионов поляков.

К костёлу Святого Станислава Костки (Kościół św. Stanisława Kostki) в Варшаве, где служил и рядом с которым похоронен ксендз Ежи, меня влекло не только любопытство. Нельзя узнать Польшу и невозможно понять поляков без знания того, какую роль в их жизни играет Костёл. На мои вопросы поляки отвечали, что Костёл для них это и вера, и надежда,

и любовь. В трудные минуты, а их в истории Польши было предостаточно, поляки идут в костёл. И там их ждут.

О роли и трагической судьбе ксендза Ежи Попелушко, а также о том, каково положение дел церкви в современной Польше, мне рассказал ксендз костёла Святого Станислава Костки – Антон Левек (Antoni Lewek, 1940–2010). Наша встреча состоялась вечером 2 сентября 1989 года под стенами костела, куда мы пришли сразу после беседы с Яцеком Куроном, который живет неподалеку. Как всегда, моим добрым проводником и переводчиком был Кароль Модзелевский.

* * *

«Из тридцати восьми миллионов поляков девяносто пять процентов — крещённые в католической церкви. По анкетным исследованиям, проводимым государством и также церковью, себя считают атеистами лишь шесть процентов населения. Более девяноста процентов считают себя верующими в бога и посещают церковь. Среди учителей и профессоров университетов более восьмидесяти процентов считают себя верующими. В последнее время в Польше наступило великое церковное оживление, особенно после избрания на папский престол поляка.⁵⁹ Очень много молодёжи учится в духовных семинариях, много людей посещают церковь, это явление, которое заставляет задуматься.

Было время, говорили поляки, когда у Польши ничего не оставалось, кроме Костёла. Именно поэтому шла борьба за влияние на поляков через Костёл. Жертвой такой борьбы и стал католический священник Ежи Попелушко.

Когда в августе 1980 года на металлургическом заводе в Варшаве вспыхнула забастовка в знак солидарности с рабочими Гданьска, десять тысяч рабочих не раздумывали долго, где

именно им искать своего духовного пастыря. Делегация рабочих пошла к примасу Стефану Вышинскому (Stefan Wyszyński, 1901–1981) просить, чтобы к ним пришёл священник, который бы проводил богослужения во время забастовки. И тогда ксендз Ежи согласился и, по просьбе примаса, пошёл на завод и с тех пор стал духовным пастырем этого завода. Ксендз Попелушко проповедовал рабочим церковную социальную доктрину, они здесь встречались (*в костёле св. Станислава Костки — В.П.*), он оказывал огромное влияние на рабочих завода, и все шестнадцать месяцев свободного существования профсоюза "Солидарность" был их духовным пастором.

После введения военного положения 12 декабря 1981 года "Солидарность" была запрещена, но ксендз Ежи Попелушко продолжал свои проповеди. Он же не мог своим прихожанам сказать: "*Расходитесь по домам, вы теперь нелегалы!*" И во время военного положения на его проповеди стекались многие тысячи поляков со всей страны, а особенно массовыми были его богослужения, которые назывались *Msza św. za Ojczyznę* (*Св. Месса за Отчизну*), и это ему ставили в вину.

В последнее воскресенье каждого месяца он появлялся вот здесь, на балконе перед церковью, и тысячи прихожан сюда приходили его слушать. И конечно, власть очень злило то, что такие массы людей приходят на его богослужения. Милиция и внутренние войска каждый раз окружали эту толпу, без всякой нужды. И всё это продолжалось три с половиной года!

Ксендз Ежи Попелушко стал известен во всей Польше, его очень любили, его богослужения были очень популярными, и вот тогда-то и начались его преследования, многочисленные аресты, допросы, нападки в печати... Но он от своих принципов не отступался.⁶⁰

В сентябре 1984 года пресс-представительство правительства опубликовало очернительную статью Яна Рема (Jan

Rem / Jerzy Urban, 1933) (*псевдоним небезызвестного Ежи Урбана — В.П.*), в которой говорилось, что *"ксендз Попелушко устраивает сеансы политической ненависти"*. Это особенно мерзко, потому что в проповедях Ежи Попелушко как раз и не было даже тени ненависти. Потом Урбану ставили в вину, что он этой своей статьёй морально подготовил убийц, хотя он публично в печати пытался оправдать себя, мол, он этого не мог предвидеть.⁶¹ Но ведь дело дошло до убийства, вот этими тремя офицерами госбезопасности...

Поздно вечером 19 октября 1984 года Ежи Попелушко и его друг-водитель возвращались из Быгдоща (Bydgoszcz). В десять часов их остановили в лесу трое офицеров госбезопасности. Вальдемар Хростовский (Waldemar Chrostowski), так звали водителя, не хотел останавливаться, но Попелушко сказал ему: *"Ты же видишь, что это милиционеры, надо остановиться, иначе они за нами будут гнаться"*. И тот остановился...

Они сразу надели на Хростовского наручники, а Ежи избил до бессознательного состояния, после чего затолкали в багажник и повезли добивать.

На огромной скорости, больше ста километров в час, Хростовскому удалось выпрыгнуть из машины. Он знал, что едет на смерть, потому что они ему так и сказали: *"Вальдек, ты едешь в свой последний путь"*.

Вальдек потом рассказывал, что он имел три возможности: либо сидеть тихо и ехать на смерть; или броситься на руль, свернуть его и спровоцировать катастрофу, при которой погибли бы все; либо выпрыгнуть из машины, чтобы оставить хоть какой-то след о том, что произошло.

И тогда он решил выпрыгнуть. Он ждал, когда на дороге появятся хоть какие-то свидетели. И когда мимо проезжал какой-то небольшой фиат, Хростовский выпрыгнул. Он был убежден, что погибнет на месте, но он обязательно хотел оставить

хоть какой-то след, чтобы потом не говорили, будто не было никакого похищения и убийства... И он выпрыгнул!

И это чудо Божие, что с ним ничего не случилось! Он не получил никаких серьезных повреждений. Он был убежден, что погибнет, но мы, как христиане, не можем отрицать того, что здесь была какая-то Божья помощь: в том, что человек уцелел и затем стал свидетелем в суде! А если бы он не уцелел, то, вероятно, мы бы искали Ежи Попелушко и его самого до сегодняшнего дня. И нашлись бы "свидетели", которые сказали бы по телевидению, что видели ксендза Попелушко, например, в Австралии...⁶²

Итак, ксендза Попелушко после жестоких избиений бросили в озеро, предварительно привязав к телу груз. Но благодаря Хростовскому похищение и убийство Попелушко не стало тайной, и вскоре Польша с болью узнала о страшной участи священника. На его похоронах, здесь вот, у костела, где он служил, был примас Вышинский, присутствовали полмиллиона поляков со всей Польши, которые заполнили вот эти улицы, и их скорбь была безмерной...»

Здесь мы прервём на несколько минут рассказ ксендза Антона Левека, с тем чтобы привести драматический отрывок из его брошюры, которую он вручил мне здесь же, у ограды костёла Св. Станислава Костки. По сути — это *Обращение к паломникам у могилы ксендза Ежи Попелушко*, по форме — дневниковые записи, которые вёл ксендз Антон в трагические дни похищения и убийства Ежи.

«20 октября 1984 года. Суббота. Вечером по радио и телевидению объявляют о том, что неизвестные похитили ксендза Ежи Попелушко. Сейчас же на ограде нашего костела появляются транспаранты с надписями: *"Отдайте нам ксендза*

Ежи!" Люди знали, кто его преследовал, кто в его окна бросал взрывчатку. В 22.00 — первое богослужение за ксендза Ежи.

21 октября. Воскресенье. Каждый час Божественная литургия. Тысячные толпы варшавян стекаются к этому костёлу. В 11.00 приезжает Лех Валенса. Присутствует за богослужением. После литургии, дрожащим голосом, с этого места говорит:

"Дорогие соотечественники! Над нашей Родиной нависла серьезная опасность. Я вас прошу, не позволяйте себя спровоцировать на кровопролитие. Умоляю вас, сохраняйте спокойствие и не прекращайте молиться за ксендза Ежи".

И действительно, молитвы продолжались здесь день и ночь. Во всеобщих бдениях принимали участие различные профессиональные группы: металлурги, юристы, работники здравоохранения, учащая молодежь и так далее.

Проходит день за днем. Вечером — молебны. В полночь — всеобщие. Костел переполнен. В 18 часов — молитвы к Божьей Матери. В 19 часов — служба: у алтаря несколько десятков ксендзов; в 21 час — специальная служба, посвященная Божьей Матери; в 24 часа — всеобщая.

В среду прибывает епископ Крашевский. Возглавил служение. В пятницу прибывает сам ксендз Примас с епископом Романюком и тридцатью ксендзами, бывшими однокурсниками Ежи. Напряжение увеличивается. Мы все боялись одного: не объявит ли вдруг ксендз Примас, что ксендз Ежи... уже не вернется?.. Но не сказал.

Второе воскресенье. Тысячные толпы в костеле. Напряжение огромно. Многие не в силах уйти с этого места. Я сам слышал: *"Я останусь здесь до тех пор, пока не вернется ксендз Ежи"*. Некоторые шатались от усталости. Волнение достигало своего апогея.

И вот наступил критический день: 30 октября, вторник.

Дорогие мои, представьте себе: в 19 часов около алтаря двадцать ксендзов. Костел переполнен. Толпы людей перед костелом. Я как раз окончил проповедь. Подходит ксендз Малковский и говорит шепотом: *"Минуту назад по телевидению объявили, что ксендза Ежи нашли в Висле..."* Мои дорогие, у меня опустились руки, я растерялся! Просто не мог представить себе, глядя на разгоряченные лица тысяч верующих, в их полные слез глаза, как можно сообщить им сейчас эту страшную весть. Ведь, наверное, и служение уже нельзя бы было довести до конца, могла бы начаться паника и замешательство. Поэтому, потрясенные до глубины души, но полные самообладания, мы довели до конца службу и только после окончания богослужения решились огласить это трагическое известие. Если бы не сделали этого мы, ксендзы, а кто-нибудь из находящихся в костеле людей, могла бы начаться опаснейшая паника. И вот с этого места прозвучали слова: *"Ксендза Ежи сегодня нашли в Висле..."*

Дорогие мои, до конца жизни я не забуду, что тогда произошло! В миг многотысячное скопление народа разразилось таким громким плачем, рыданием, криком, что я не знал, что делать. Я бы сам плакал от этой нестерпимой боли и муки, что все же произошло то самое страшное, чего мы все опасались. Но ведь надо было овладеть ситуацией, и поэтому через минуту я воскликнул перед микрофоном: *"Дорогие братья и сестры, опомнитесь! Это правда, что бывают ситуации, когда человек не выдерживает и громко плачет от боли: будь это человек простой или профессор университета, мужчина или женщина — каждый плачет и только зовёт: "Боже! Боже! Боже!" И такая минута наступила сейчас, когда мы узнали, что ксендза Ежи все же замучили до смерти, что он уже не вернется. Но мы верим, что ксендз Ежи уже находится в раю, среди Блаженных".* И новая волна плача и рыданий, так как

люди не могут смириться с тем, что он уже не вернется, что он уже существует в ином свете.

Я продолжаю: *"И Христос так же плакал над смертью своего друга Лазаря, над пророками, которых убивали в Иерусалиме. Никто не удивляется, что и плачем, как взрослые дети, над смертью нашего друга, любимого брата Ежи. Но будем мужественными"*. И тут, мои дорогие, наступает трогательная сцена: эти плачущие люди совершают героический акт... прощения. Три раза все повторяют за священнослужителем: *"И прости нам наши грехи, как и мы прощаем"*. Это был христианский ответ на нехристианский поступок убийц, потом продолжались непрерывные молитвы, пение... После коммюнике, прозвучавшего по телевидению, ещё больше людей стало приходить в костел. Люди молились всю ночь.

На другой день — *31 октября* — около алтаря много ксендзов. Костел переполнен. После проповеди во время вечернего богослужения направляются из ризницы к алтарю — прямо от ксендза Примаса — старички плачущие, родители ксендза Ежи. Отец упал перед алтарем. И опять — общий плач, рыдание людей, которые сочувствовали всем сердцем этим старикам, что они дожили до страшного дня жестокого убийства их любимого сына...»⁶³

Вернемся теперь к рассказу ксендза Антона Левека:

«Со времени смерти Ежи Попелушко прошло уже пять лет, но ежемесячно к могиле Ежи приходят больше ста тысяч человек, а всего тут было больше семи миллионов паломников, среди которых многие государственные деятели из разных стран, в том числе вице-президент США Джордж Буш, премьер Маргарет Тэтчер, многие министры. Был тут и сам Папа Римский, и это стало важным событием. Он подошел к могиле,

встал на колени, целовал землю на могиле Ежи — так хотел он выразить свою любовь и признание этому человеку. Для поляков это имело огромное значение, потому что были и есть такие поляки, которые ничего не хотят знать, в ус не дуют, а знают только то, что в половине восьмого вечера смотрят новости. А у некоторых в голове была каша, они не знали, кто такой Попелушко: хороший он или нет... Но теперь, когда здесь побывал Папа Римский, им трудно верить газетам, что это был преступник и враг народа.

И конечно, после мученической смерти Попелушко, после его канонизации люди приходят к церкви, к христианству, к вере, потому что поняли, как борются священники за дело народа. Это была такая политическая бомба, которая открыла глаза народу Польши, который быстро понял, кто и кем является на самом деле...

Ежи Попелушко обвиняли в том, что он вмешивается в политику. Но все пророки Ветхого Завета, и Иоанн Креститель, и Сам Иисус Христос тоже вмешивались и за это пошли на смерть. Потому что они называли зло — злом...»

* * *

И вот я тоже стою перед могилой Ежи Попелушко... Всмотриваюсь в многочисленные фотографии ксендза, под звуки органа рассматриваю многочисленные портреты, на которых изображен его романтизированный и богоподобный образ, смотрю на людей, подходящих ежеминутно к могиле и становящихся на колени перед нею, и всё время думаю: как же надо ненавидеть поляков, Польшу, каким надо быть далеким от них, чтобы поднять руку на Костел!

Прогуливаясь по хмурой и унылой Варшаве, вглядываюсь в такие же хмурые и унылые лица прохожих. И всё время

смотрю на цены... Почему-то вспомнились слова Брежнева на XXVI съезде КПСС: *«Социалистическую Польшу в беде не оставим и в обиду не дадим!..»*

И мне стало ужасно стыдно за совершенное незнание нашего единокровного соседа; за жирные каракули, оставленные политическими преступниками на карте Польши; за ложь о «Солидарности»; за преступное молчание о Катыни; за то, что и мы, и они такие бедные...

Сейчас у Польши вновь трудные дни, а значит — поляки вновь идут в костел. Станет ли новая святыня польского народа предвестником нового пути Польши?

Сентябрь 1989

Заключение

Сегодня, по прошествии почти четверти века после поездки в Польшу и незабываемых встреч с героями моей политической молодости, могу признаться, что наибольшее впечатление из всего увиденного и услышанного на меня произвел именно Кароль Модзелевский. И он же из всех моих собеседников оказал на меня наибольшее влияние. Причём даже не мыслями своими, не редкостным даром их ясно и объёмно излагать, а самой своей невообразимо сложной биографией и невероятным, по моим тогдашним представлениям, поступком: будучи с юности вовлеченным в политическую борьбу, немало за это пострадав и достигнув в конце концов на своём пути немислимых высот, особенно после триумфа «Солидарности», Кароль даже на миг не помышлял о профессиональной политической карьере, важных государственных постах и о вершинах власти...

«Знаешь, когда дом горит, а пожарных нет, то люди хватают ведра и бегут тушить огонь. Может быть, благодаря опыту, у меня уже есть квалификация пожарного, но я не хочу быть пожарным, я хочу быть историком».

Сказанное Каролем настолько в своё время поразило меня, так запало в душу, что я затем постоянно возвращался к этой его стройно изложенной аллегории и наконец пришёл к выводу, что политическая борьба романтична, захватывающа и оправдана лишь тогда, когда увлекаться ею строго запрещено,

даже смертельно опасно, когда никто, кроме тебя, не рискует ею заниматься и... только до тех пор и до того рубежа, пока перед тобой на обозримом горизонте не замаячит искуссительница *Власть* — единственная цель этого заманчивого и опасного для человеческой души поприща.

Но тогда встает вопрос: можно ли без стремления к власти и без занятия её вершин осуществить те цели, которые ты декларируешь, когда вступаешь в политическую борьбу?

Опыт Польши и Кароля Модзелевского показывает, что такое возможно. Польша сегодня — это крупная европейская страна с динамично развивающейся экономикой; это демократическое государство парламентского типа, в котором исправно работают демократические процедуры, а все правящие институты подотчетны обществу и своевременно сменяемы.

Но что за те же прошедшие четверть века показал русский политический опыт?

В России так и не сложилось демократическое государство: жестко нейтрализованы демократические процедуры, следовательно, не стало сменяемости власти, как высшей, так и местной; уничтожен на корню полноценный парламент, не создана независимая судебная система — важнейшие и определяющие институты демократического государства. В России парализовано действие Конституции — Основного Закона, на тексте которого клянётся глава государства, — а Конституционному Суду отведена роль декоративного придатка исполнительной власти. В России нет независимой прессы и, кажется, вообще нет свободной журналистики, как нет в ней и социологии: их, после непродолжительной жизни в девяностых, сменил всё тот же советский агитпроп, поддерживающийся теперь современными технологиями и от этого более мобильный,

всепроникающий и пошлый. В России всё еще не решен вопрос собственности, и в самом этом его нерешении заложена опасная мина, готовая взорваться в кризисный момент. Также в современной России — и это уже в XXI веке! — всё ещё открыт пресловутый вопрос о *развитии малого и среднего бизнеса* как основы демократического строя... Словом, в России за прошедшие четверть века так и не произошла трансформация государства: из традиционного авторитарного — в современное демократическое.

Реанимация авторитарного Российского государства на развалинах бывшего СССР имеет свою логику: его утверждение и развитие не статично и может существовать только при ежечасном и всеохватном подавлении прав и свобод своих подданных, неизбежно порождая роковой российский вопрос — «*кто кого?*». Кроме этого, реанимирующееся традиционное Российское государство (пресловутое *вставание с колен*) всегда агрессивно и всегда опасно, в первую очередь для своих соседей. Перманентная борьба с врагами, внутренними и внешними, так называемая «*чрезвычайка*» — среда обитания этого государства, а воспроизводство чрезвычайных ситуаций для своего поддержания — основная задача его правящих институтов. В итоге в России вновь не стало публичной политики. Заниматься ею стало опасно, а значит, это поприще вновь становится заманчивым и вожделенным для... *для кого?* И это ещё один не праздный вопрос, который не вправе игнорировать мыслящие люди.

Опыт Польши едва ли подойдет для России, потому что Россия многонациональна и разнорелигиозна, к тому же безразмерна, неодинаково развита, и, что бы мы ни говорили, как бы на этот счет ни обманывались, — именно в «*сгущённой*

мгле предрассуждений» её народа заключена главная опора многовековой российской деспотии. Это, действительно, метафизическая «*страна стран*» или «*мир миров*», как называл Россию М.Я.Гефтер. И, признаюсь, я не знаю, что с этим делать и есть ли на самом деле у демократической России шанс, в отличие, например, от Грузии или Украины, которые, несмотря на невероятные трудности, стремятся выстоять и спастись. И, похоже, на этот раз никто в целом свете не знает, что делать с Россией...

Но, быть может, это *незнание* и есть спасительный шанс для огромной страны, которая больше всего страдала как раз от тех, кто *знал* и вслед за тем беспощадно действовал, превращая в жизнь свои *знания* с помощью лжи и насилия...

Но вернемся ещё раз к Каролю Модзелевскому.

Всего через пару месяцев после моего пребывания в Польше он приехал в Москву. Впервые после долгого перерыва. Остановился у своего многолетнего друга Булата Шалвовича Окуджавы (1924–1997), с которым они познакомились ещё в первой половине шестидесятых. И я вспоминаю, с каким интересом, пожалуй даже с жадностью, Кароль поглощал информацию о нашей стране, с каким вниманием слушал своих московских собеседников... Я тогда познакомил его с Леном Карпинским, Михаилом Гефтером и Отто Лацисом, и Кароль часами беседовал с ними, задавал бесчисленные вопросы. А потом он отправился в Набережные Челны в гости к своему брату и, конечно, побывал на заседаниях нашего политклуба... Вот как сам Кароль вспоминал о своём приезде в Набережные Челны спустя двадцать два года, и это важно, потому что он замеча-

тельно сформулировал ту роль, которую он и его друзья по «Солидарности» сыграли в свое время для нас.

«Пошли мы в этот клуб к Валерке Писигину. И он мне показал одну папку. В этой папке у него лежали вырезанные ножницами из газет "Правда", "Красная звезда", "Известия" статьи, в которых хулили польскую "Солидарность". И в этих вырезках ручкой были подчеркнуты самые важные бранные тексты. Я посмотрел на это и тогда понял, что этот паренёк — интеллигентный, способный, харизматичный — не мог слушать радио "Свобода", потому что его глушили. Вместо этого он читал "Правду", "Известия" и "Красную звезду" и подчеркивал то, что ему казалось важным. И он это считал *"учебником подрывной работы"*. Тогда я понял, что мы не декларациями, не фразеологией, а просто фактом своего существования отравляли эту империю. Что это был смертоносный яд, который неуклонно проникал прямо в сердце империи посредством ее же печати. Я, конечно, не верил, что это мы империю уничтожили, но поверил в то, что это очень подмывало её основы. Это было действие простого примера — *это можно! Раз поляки это сделали и это есть у них, действует, их еще не раздавили, значит, это и у нас возможно!* Поэтому кремлевские руководители знали, что нас непременно надо раздавить, а не то — само наше существование силой примера явится смертельной угрозой для империи...»⁶⁴

Пожалуй, Кароль прав на все сто, только к упомянутым им советским газетам надо непременно добавить еще и пресловутую книгу Трубникова, да он, скорее всего, о ней забыл. Действительно, не декларации, не программы и не громкие лозунги, а сам факт существования независимого профсоюза и само магическое слово «Солидарность» вдохновляли и окры-

ляли нас, да еще, конечно, звучные имена — Валенса, Куронь, Михник, Модзелевский, Геремек, Мазовецкий, Буюк, Гвязда, Фрасынюк, Вуец... И это, конечно, правда — мы все так думали: *«Поляки смогли — сможем и мы!»*

Вспоминаю, как в кабинете первого заместителя главного редактора журнала «Коммунист» Кароль оживлённо беседовал с Лацисом. И сам спрашивал, и отвечал на вопросы, но больше всё же слушал... Вдруг, посреди разговора, скрипнула дверь. Все смолкли, и мы с Каролом невольно повернулись к двери... В приоткрывшуюся щель просунулась чья-то голова, обвела нас взглядом, подобострастно кивнула Лацису, перевела взгляд на Модзелевского, замерла, затем быстро скрылась,

притворив за собой дверь... Мы вновь повернулись к Лацису для продолжения разговора.

— Хотите знать, кто это был? — спросил, как всегда, невозмутимый Отто Рудольфович и тут же ответил: — это Трубников... Вадим Пантелеймонович собственной персоной.⁶⁵

— Не может быть! — тихо произнес Модзелевский. — Надо его сюда позвать, я же должен хотя бы на него посмотреть!..

С этими словами немного растерявшийся Кароль подбежал к двери и выглянул в длинный коридор.

Увы, автора книги «Крах "Операции Полония"» уже и след простыл...

Январь 2014

Примечания

¹ Поляк по происхождению, ортодоксальный антикоммунист, социолог и политолог Збигнев Бжезинский (*Zbigniew Kazimierz Brzeziński*) являлся и, быть может, является сейчас одним из идеологов американской внешней политики. Его имя было особенно ненавистно в Советском Союзе. Сейчас, когда основные работы Бжезинского переведены и изданы в России, можно убедиться в его интеллектуальной мощи и понять, что ненависть к нему насаждалась не напрасно.

² Во времена *перестройки* Рината пригласили на работу в аппарат ЦК ВЛКСМ, где он, под занавес существования этой организации, даже предпринял безуспешную попытку выдвинуться в её первые секретари. Насколько мне известно, Ринат Исмагилович и по сей день занимается общественной деятельностью, являясь председателем Профсоюза трудящихся-мигрантов.

³ Когда в 1981 году я написал заявление о приеме в КПСС, то, согласно процедуре, меня вызвали на бюро райкома комсомола. Помню, я предстал перед членами бюро с толстым зелёным томом Плеханова под мышкой. После нескольких традиционных вопросов (что такое "демократический централизм"? и т.п.) меня спросили, что это за книга у меня. «Плеханов, Георгий Валентинович», — бойко ответил я. «Почему не Ленин?» — спросила, прищурившись, секретарь по идеологии, на что у меня уже давно был заготовлен ответ: «Ленин считал написанное Плехановым по философии лучшим во всей философии марксизма». Поверив мне (и Ленину!) на слово и для вида посовещавшись,

меня на всякий случай обвинили в эгоцентризме: самостоятельно изучая марксистскую литературу, я высокомерно не делюсь своими познаниями с товарищами. Повинившись, я пообещал исправиться, и лучшей формы для этого, чем дискуссионный кружок (политклуб), кажется, еще не придумано.

⁴ Летом 2013 года А.И.Гельман подарил мне свою книгу «Последнее будущее» (Москва, 2008), составленную из стихов, написанных им в свободной форме. Я всегда считал Александра Исааковича затаившимся, не до конца высказавшимся мудрецом, и вот его необычайные откровения, изложенные в форме верлибра, позволили ему, наконец, и высказаться, и признаться, и задать вопросы, и ответить на некоторые из них... Потрясающая по откровенности и честности книга!

⁵ Первое издание книги В.П.Трубникова «Крах "Операции Полония", 1980—1981. Документальный очерк» было осуществлено в 1983 году издательством Агенства печати «Новости». Книга эта выдержала два издания, а её автор получил в своё время премию Союза журналистов.

⁶ Закон о кооперации в СССР был подписан тогдашним Председателем Президиума Верховного Совета СССР А.А.Громыко 26 мая 1988 года и с того же дня вступил в силу. К тому времени прошел уже почти год, как в стране были созданы первые кооперативы и появились первые свободные предприниматели. Ещё раньше, в 1986 году, в стране появились первые молодежные хозрасчетные объединения, позволявшие заниматься предпринимательством «под контролем и в рамках ВЛКСМ». Этим проявлением «экономического либерализма» вполне воспользовался Политклуб им.Бухарина, научившийся зарабатывать и обращать деньги с помощью учрежденных под его эгидой хозрасчетных молодёжных организаций.

⁷ Л.Г.Онушко написал замечательные мемуары, которые опубликованы в *Архиве русской финансово-банковской революции*, изданном в двух томах в 2006 г. (авт.-составитель Н.Кротов, изд. КБ «Агропромкредит»). Под названием «*Банка с медяками. Записки на полях годовых отчетов*» воспоминания Онушко выложены в интернете и являются важным источником для тех, кто интересуется историей зарождения свободного предпринимательства в современной России, и вообще для историков нового времени.

www.samlib.ru/o/onushko_l_g/banka_s_medyakamidoc.shtml

⁸ Интервью с Каролем Модзелевским записано Татьяной Косиновой 18 мая 2011 года в Варшаве для проекта «Польский миф советских диссидентов». Беседа велась на русском и опубликована на польском языке в кн.: Tatiana Kosinowa. *Polski mit: Polska w oczach sowieckich dysydentów*. Kraków-Warszawa: Instytut Książki — Nowaja Polska, 2012. Мы здесь и далее ссылаемся на сокращенный вариант этой беседы, опубликованный в журнале «Новая Польша» #10 за 2012 г. под заголовком «*Я себя почувствовал не россиянином, а именно русским...*».

www.nowpol.ru/index.php?id=1756

Несколько слов об этом журнале, издающемся с 1999 года. Как заявлено издателями в первом номере, «Новая Польша» — журнал, «рождённый парижской "Культурой", рождённый мыслью Ежи Гедройца, главного редактора этого легендарного польского эмиграционного ежемесячника. Мирное будущее поляков и русских невозможно без устранения взаимных предрассудков — гласила эта мысль, — путь же к их устранению лишь один: взаимное познание.

"Наша история — писал к российским и польским Читателям Ежи Гедройц в последние месяцы жизни — это кровоточащий регистр несправедливости и несведённых счётов. Эти антаго-

низмы углублены взаимным незнанием. Как среди поляков, так и россиян бытуют деформированные представления друг о друге. Высокой целью Вашего журнала будет привлечение людей доброй воли с обеих сторон, для того, чтобы изменить такое положение вещей"».

⁹ Модзелевский, *«Я себя почувствовал не россиянином, а именно русским...»*.

¹⁰ Там же.

¹¹ В Советском дипломатическом словаре о деятельности Зигмунта Модзелевского, кроме прочего, сообщается, что «в качестве руководителя польской внешней политики М. неизменно проводит курс на укрепление сотрудничества с СССР и другими миролюбивыми странами и противодействует всяким попыткам установления гегемонии империалистов США и других стран в Европе и их вмешательству в польские дела. М. сыграл выдающуюся роль в установлении союзных отношений между Польшей и Чехословакией». См. *Дипломатический словарь*. — М.: Государственное издательство политической литературы. А.Я.Вышинский, С. А. Лозовский. 1948.

¹² Помню, меня поразило, что в Варшаве Кароль не подходил к телефону, опасаясь звонка Мазовецкого с предложением войти в правительство каким-нибудь министром. Напомню, что Тадеуш Мазовецкий был первым посткоммунистическим премьер-министром Польши и занимал этот пост с 24 августа 1989 года по 4 января 1991 года.

Он умер как раз в те дни, когда я подготовил первый черновой вариант этой книги, — 28 октября 2013 года. В сообщении о смерти Мазовецкого ИТАР-ТАСС цитирует фразу из его речи перед Сеймом сразу после назначения премьером: *«Мы перечерки-*

ваем прошлое толстой линией и берем на себя ответственность только за то, что мы сделали, чтобы вытащить Польшу из нынешнего сломленного положения».

¹³ В интервью для журнала «Новая Польша» Кароль Модзелевский поведал о любопытном разговоре со своей матерью:

«Был у нас с мамой такой диалог в 1991 году. Я ещё был тогда, на своё несчастье, сенатором, но мой срок уже подходил к концу, потому что каденцию сократили. Я жил во Вроцлаве, но каждую неделю, когда были заседания Сената, приезжал в Варшаву, приходил к маме. Мама моя уже была по-старчески дементная, она не всё понимала. Я ей что-то рассказывал, чтобы занять время. Она на меня так смотрит-смотрит и вдруг говорит: "А партия вам разрешает всё это делать?" Я говорю: "Мама, нет уже партии". Поверила. "Ну, а ГБ вам позволяет всё это делать?" Я говорю: "Мама, нет уже ГБ". — "Что ты говоришь, сынок?! Это совершенно невозможно. Ну, а Советский Союз вам всё это разрешает делать?" Я говорю: "Мама, Советского Союза уже тоже нет". — "Нет Советского Союза? Господи!.. Бедные русские, теперь все будут на них валить, что это их вина была". Неглупо. Хотя мама была уже немножко сумасбродной».

¹⁴ Моя беседа с Владиславом Фрасынюком под заголовком «"Солидарность" — победа или нокаут?» была опубликована в октябре 1989 года в еженедельнике «Собеседник », №43, с.4; беседу с Адамом Михником, озаглавленную «В поисках своего пути», опубликовала «Вечерняя Казань», №288 (3288) от 16 декабря 1989 года; разговор с Яцеком Куроном был напечатан во Франции: *Kuron le Polonais Face a Pissiguine le Russe: Jusqu'ou Liberaliser? // Politis le Citoyen (France), 1989, №85, Du 21 décembre — 3 janvier, p.66–69.* Беседа с Каролем Модзелевским была опубликована только в октябре 1991 года: В.Писигин. "Ре-

волюции обходятся дороже, чем мирные реформы". *Беседа с сенатором Каролем Модзелевским* // Российские вести. — 1991. — №22. — Октябрь. — С.11. Возможно, что эти материалы были перепечатаны и другими периодическими изданиями.

Один экземпляр самиздатской книги «*Политические беседы*» я передал К.Модзелевскому во время нашей последней встречи, кажется, в 2005 году. Все магнитные плёнки с записью моих бесед в Варшаве и Вроцлаве оцифрованы, переведены в формат CD и хранятся в моём архиве.

¹⁵ *Военное положение в Польше* длилось полтора года и было отменено 22 июля 1983 г. Спустя тридцать лет нелишне вспомнить, что скрывается за этим сухим созвучием — *Stan wojenny w Polsce*. Приводим текст с форума сайта Революционной конфедерации анархистов-синдикалистов (РКАС): www.rkas.org.ua. Перевод с польского Алексея Миллера.

Заявление Государственного совета от 13 декабря 1981 г.

Руководствуясь необходимостью усиленной защиты важнейших интересов государства и граждан, с целью создания условий для эффективной охраны общественного порядка и восстановления нарушенной общественной дисциплины, а также имея в виду обеспечение нормального функционирования власти и государственной администрации, действуя на основании ст. 33 Пар.2 Конституции ПНР — Государственный совет ввел военное положение.

В связи с этим сообщаем, что на время действия военного положения:

1) запрещены организация и проведение любого рода собраний, шествий и манифестаций, а также организация и проведение художественных, развлекательных и спортивных мероприятий без предварительного получения разрешения соответствующего местного органа государственной администрации;

2) запрещено распространение любых изданий, публикаций и информации любым способом, публичное исполнение художественных произ-

ведений и использование каких бы то ни было полиграфических устройств без предварительного разрешения соответствующих органов;

3) приостанавливается право работников на организацию и проведение любых забастовок и акций протеста;

4) лица, пребывающие в общественных местах, обязаны иметь при себе удостоверение личности, а для школьников после 13 лет — школьное удостоверение или временное удостоверение личности...

5) запрещено заниматься туризмом и водным спортом на морских водах...

Определенные органы государственной администрации и предприятия народного хозяйства, выполняющие функции, особенно важные для обороноспособности и безопасности государства, подлежат милитаризации, что означает наложение на работающих здесь лиц особых обязанностей, о которых они будут проинформированы руководством...

Соответствующие органы государственной и военной власти могут обязать граждан выполнять определенные личные и имущественные услуги для защиты государства.

Во время военного положения... уполномоченные органы государственной администрации могут также:

1) ввести ограничения свободы передвижения жителей в определенное время и в определенных местах;

2) обязать граждан получать предварительное разрешение.... на перемену места пребывания на срок больший, чем 48 часов, и обязать сразу отмечаться в новом месте;

3) приостановить деятельность объединений, профсоюзов, общественных организаций...

4) ввести цензуру почтовых отправлений, телекоммуникаций и контроль над телефонными разговорами;

5) обязать владельцев радиоустройств сдать их на хранение;

6) обязать владельцев всех видов оружия и взрывных материалов сдать их в установленных местах;

7) запретить проведение фото-, кино- и телесъемок определенных объектов и местностей...

8) прервать или ограничить работу средств связи...

9) прервать или ограничить работу средств транспорта;

10) закрыть или ограничить передвижение граждан и товаров через КПП на границах.

Во время действия военного положения лица, нарушающие введенные ограничения и правила, подлежат усиленной ответственности за преступления и нарушения в чрезвычайном порядке.

Лица старше 17 лет, в отношении которых существуют обоснованные подозрения, что, оставаясь на свободе, они будут вести деятельность, угрожающую безопасности государства, могут быть интернированы на время действия военного положения — на основании решения воеводского коменданта милиции.

В отношении лиц, находящихся на воинской службе и в милитаризованных частях за преступления, совершенные в связи с этой службой, устанавливается ответственность перед военным трибуналом по законам военного времени.

...Все граждане призываются к безусловному соблюдению запретов, предписаний и ограничений и выполнению других обязанностей, а также к подчинению всем распоряжениям уполномоченных властей, изданным с целью обеспечить покой и общественный порядок и укрепить общественную дисциплину.

Каково?!

И вслед за этими нешуточными командами, скрепленными глаголами *закрывать, прервать, обязать, приостановить, запретить и т.д.*, — высокопарная риторика «спасителя» и «защитника» Ярузельского:

«Мы хотим Великой Польши — великой своими достижениями, культурой, формами общественной жизни, местом в Европе. Единственный путь к этому — социализм, принимаемый обществом, постоянно обогащаемый жизнью. Такую Польшу мы будем строить. Такую Польшу мы будем защищать».

¹⁶ *Владислав Фрасынюк* (Władysław Frasyniuk, 25 ноября 1954, Вроцлав) — польский политик, предприниматель, депутат Сей-

ма 1991—2001, бывший председатель Унии свободы и Демократической партии. В 1974 окончил учёбу в автомобильном техникуме и до 1980 года работал водителем грузовиков. С 1993 года — один из основателей и председатель фирмы «Фрахт». С 1980 года активный член профсоюза «Солидарность», с июля 1981 года председатель региона Нижней Силезии, в 1981—1982 — руководитель тайного забастовочного комитета региона Нижней Силезии. В 1982–1986 годах был многократно арестован за оппозиционную деятельность, освобождён по амнистии. В 1989 году участник переговоров Круглого стола. В 1991—2001 годах депутат Сейма от Демократической унии и Унии свободы. Один из основателей и председатель Гражданского движения Демократическая акция (Ruch Obywatelski Akcja Demokratyczna).

С 1991 года член и заместитель председателя Демократической унии, с 1994 года член Унии свободы, в 2001—2005 годах — её председатель. В 2005 году был инициатором превращения Унии свободы в Демократическую партию (Partia Demokratyczna).

В 2009 году покинул Демократическую партию и стал членом комитета поддержки Анджея Олеховского в качестве кандидата на президентских выборах 2010 года.

Владислав Фрасынюк известен своими не соответствующими католической традиции взглядами в сфере этики, в связи с этим он не имеет поддержки католической иерархии. *(Владислав Фрасынюк. По материалам из Википедии.)*

¹⁷ *Польский политический кризис 1968 года* был спровоцирован «закручиванием гаек» со стороны терявшего власть 1-го секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулки при поддержке правого крыла ПОРП (премьер-министр Юзеф Циранкевич, министр внутренних дел Мечислав Мочар и др.). Чтобы продемонстрировать лояльность Советскому Союзу (в противовес соседней

Чехословакии, где набирала обороты Пражская весна), с санкции Гомулки стали ухудшаться отношения с Израилем, и в то же время внутри Польши началась цензура польской классики, которая традиционно была направлена против Российской империи. В результате запрета спектакля по пьесе Адама Мицкевича «Дзяды» (Dziady) в марте 1968 года возникли студенческие волнения. Мочар обвинил в разжигании данных волнений «сионистов». События 1967—1968 годов сопровождалась направляемой правительством антисемитской кампанией, в ходе которой польские евреи были объявлены Гомулкой «пятой колонной» израильского сионизма; после них усилилась эмиграция евреев из Польши, которую покинуло около 20 тысяч человек. Данные события, однако, лишь ненадолго отсрочили падение Гомулки и серьёзно снизили его авторитет. Вскоре он был вынужден уступить власть Эдварду Гереку. *(Политический кризис в Польше. 1968. По материалам из Википедии.)*

Волнения в Польше в 1970—1971 гг. 12 декабря 1970 года под предлогом «общего курса на замораживание платы и ограничения потребления как средства преодоления трудностей экономического рода» было объявлено о повышении закупочных цен на продовольствие, промтовары и строительные материалы, в среднем на 30 процентов.

Первыми о своей забастовке объявили судовой Гданьска и Гдыни, 14 декабря 1970 года. К ним присоединились предприятия Эльблонга, Слупска, Щецина. В некоторых случаях забастовки вылились в массовые беспорядки. В Гданьске и Щецине нападениям подверглись местные партийные комитеты, серьёзно пострадало 220 магазинов и 19 общественных зданий.

Первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка, сочтя забастовки контрреволюцией, отдал приказ о силовом подавлении забастовок. 17 декабря 1970 года на Гданьской судовой имел

ни Владимира Ленина произошло столкновение военнослужащих с рабочими, в то же время произошло ещё несколько стычек. В результате ожесточённых схваток погибли сорок один рабочий, два сотрудника милиции и один солдат. 1164 человека, в том числе около шестисот военных и сотрудников милиции, получили ранения различной степени тяжести.

18 декабря 1970 г. у Гомулки случился сердечный приступ, после чего он был смещён со своего поста. Новым первым секретарём ЦК ПОРП стал партийный работник из Силезии Эдвард Герек.

В январе 1971 г. в стране началась вторая волна массовых забастовок. Она началась на судовой верфи имени Варского в Щецине, на сей раз к ней присоединились текстильные предприятия в Лодзи. Герек прибыл в Щецин и 24 января в течение девяти часов вёл переговоры с бастующими рабочими.

«Беседовал с рабочими как равный с равными, упирая на свои рабочие корни и сущность, обрисовал свое видение ситуации и путей выхода из нее, и встреча завершилась на вопрос Герек "Поможете?" скандированием "Поможем!"».

На следующий день Герек встретился с бастующими рабочими верфи имени Ленина. Среди рабочих, с которыми он вёл переговоры, был и будущий основатель профсоюза «Солидарность» Лех Валенса.

Основным итогом волнений стало решение ЦК ПОРП об отмене повышения цен и об их стабилизации сроком на два года. Были увеличены оклады низкооплачиваемым профессиям. Руководители забастовок были впоследствии устранены с работы либо же переведены на повышение. Общая сумма средств, затраченных на повышение зарплат и стабилизацию цен, составила порядка 60 миллиардов злотых. В ходе волнений, по официальным данным, погибли 44 человека, более чем 1160 получили ранения.

После волнений диссидент Яцек Куронь выдвинул ставший знаменитым лозунг — «*Не жгите комитеты, а создавайте свои!*». Волнения спровоцировали рост либеральных рабочих движений, впоследствии те, кто принимал участие в забастовках декабря 1970 года — января 1971 года, составили костяк движения «Солидарность».

В 1996 году начался судебный процесс над бывшим первым секретарём ЦК ПОРП, в 1970 году — министром обороны Польши Войцехом Ярузельским. Среди инкриминированных ему преступлений было и силовое подавление декабрьских волнений 1970 года в Польше. Совместно с ним на скамье подсудимых оказались его бывший заместитель генерал Тадеуш Тучапский, а также командиры воинских частей, принимавших участие в расстрелах бастующих. Процесс неоднократно прерывался и возобновлялся, но решение так и не было принято.

Ежегодно в Польше проходят траурные мероприятия по погибшим в декабре 1970 года. (*Волнения в Польше 1970—1971. По материалам из Википедии.*)

¹⁸ Владислав Гомулка (Władysław Gomułka, 1905–1982), дважды занимал высший партийный пост в Польше. Он был Генеральным секретарем Польской рабочей партии в 1943—1948 годах, затем подвергся опале, но в 1956 году был восстановлен в партии и в октябре того же года стал её Первым секретарем. На этом посту Гомулка продержался до декабря 1970 года, когда на пленуме ЦК ПОРП был смещён и заменён Эдвардом Герекком (Edward Gierek, 1913—2001).

¹⁹ Фрасынюк имеет в виду события, вошедшие в историю Польши и всей Восточной Европы как *Познанский июнь*.

Познанский июнь или *Познанские протесты 1956 года* (польск. Poznański Czerwiec; также известно как Познанское восстание 1956 года) — первое из нескольких крупных выступ-

лений против коммунистического правительства Польской Народной Республики.

Демонстрации рабочих, требующих улучшения условий работы, начались 28 июня 1956 года в Познани на заводе имени Сталина (теперь имени Х. Цегельского) и были подавлены. Многотысячная толпа собралась в центре города, рядом со зданием тайной полиции Министерства общественной безопасности. Сперва мероприятие проходило организовано, затем события вышли из-под контроля, и в центре города начались массовые беспорядки, вызванные, по некоторым данным, стычками между сотрудниками силовых ведомств и демонстрантами. Рабочие разгромили здание городского комитета ПОРП и штурмом взяли тюрьму, освободив политических заключённых. В конфликте погибло, по разным данным, от 57 до 74 человек, среди них — тринадцатилетний мальчик Ромек Стшалковский (Romek Strzałkowski), ранено около 500 (включая военных).

Судили виновных и сочтённых таковыми осенью. Сперва было арестовано 323 человека, под суд пошло 154, в зале суда появилось 37, в основном по обвинениям в уголовно наказуемых делах. В итоге двое были освобождены, четверо получили условные сроки, 23 человека — от двух до шести лет, но всех, кроме виновных в убийстве полицейского, вскоре выпустили.

События в городе Познань в значительной степени вдохновили молодых венгров, которые 23 октября начали венгерскую революцию.

21 июня 2006 года, на 50-летний юбилей событий, Польский сейм объявил 28 июня государственным праздником в Польше под названием «День памяти Познанского июня 1956 года».

19 июня 2010 года, в 54-ю годовщину июньских событий, в Познани возле Окружной прокуратуры на улице Станислава Геймовского был открыт памятник адвокатам, защищавшим на

процессе участников июньских событий в Познани. (*Познанский июнь. По материалам из Википедии.*)

²⁰ Шестнадцатимесячный период легального существования Независимого самоуправяемого профсоюза «Солидарность» (Niezależny Samorządny Związek Zawodowy «Solidarność»), о котором говорит Фрасынюк, длился с момента официального образования профсоюза в сентябре 1980 года до введения в Польше военного положения 13 декабря 1981 года, когда деятельность профсоюза «Солидарность» была запрещена, а его активисты арестованы и осуждены.

²¹ Эти мысли о «правовом государстве» стройно изложены оттого, что часто мною проговаривались. Таковой в те годы была наша концепция, наш взгляд на государство как совокупность правящих институтов и на борьбу с ним, в центр которой мы, как законченные марксисты (в нашем, разумеется, понимании), ставили экономику, а точнее — вопрос собственности и её контроль. По прошествии более четверти века, глядя на произошедшие внутривнутриполитические события в России и чудные метаморфозы, связанные с её государственностью, с властью и её персонами, а также глядя на нынешнюю оппозицию, могу сказать, что мне и сегодня нечем особенно возразить на эти наши самодельные «младомарксистские» откровения.

²² «*Политизация экономики*» или «*политическое обоснование (обслуживание) этой экономики*» — не что иное, как обеспечение политической защиты новых форм собственности и прежде всего кооперации как главной опоры нарождающейся демократии. Это и их представительство в органах исполнительной и законодательной власти, и обеспечение юридической и правовой поддержки, налаживание связи с передовыми экономистами и социологами, взаимодействие с наукой, культурой, прес-

сой и так далее... То есть в своей тогдашней деятельности мы себя видели (и таковыми себя считали) этаким «политическим эквивалентом» свободного предпринимательства.

²³ Мне, конечно, всё это *«было знакомо»*, но далеко не в такой степени, как Фрасынюку и его коллегам из «Солидарности», которые уже расстались с иллюзиями, коих я был полон. На самом деле Владислав говорит о тех самых факторах, которые в конце концов уничтожили кооперативное движение в СССР и в России. Окончательную точку в этом уничтожении поставила гиперинфляция и подчеркнуто равнодушное отношение реформаторов к нуждам малого и среднего бизнеса. (*«Никаких эксклюзивов!»* — так ответило государство в лице тогдашнего министра экономики Нечаева лидеру кооперативного движения академику В.А.Тихонову в одной из телепередач, когда этот уважаемый политик и ученый попросил молодых реформаторов о государственной поддержке кооперации.) Поставив точку на развитии кооперации, малого и среднего бизнеса вообще, они, по сути, уже тогда, в начале девяностых, поставили точку в развитии демократии в России.

Сейчас вот читаю в *Википедии* статью об этом самом Нечаеве и диву даюсь: *«А.А.Нечаев — известный общественный деятель, вносящий значительный вклад в формирование предложений по экономической политике, в демократическое движение и в развитие предпринимательства в России»*.

²⁴ Люди есть люди... В том числе и кооператоры. Свободными и независимыми они в одночасье не становятся. Помню, где-то в начале 1991 года на один из очередных съездов кооператоров приехал Валентин Павлов, будущий гэкачепист, только-только назначенный премьер-министром. Взойдя на сцену и усевшись в президиум, он, по сути, сорвал мирное течение высокого мероприятия, так как к нему, без всякого смущения и стеснения,

выстроилась длинная и шумная очередь просителей. И Павлов, прямо из президиума, «решал вопросы»... Никому не пришло в голову выставить его вон, хотя репутация у этого финансового деятеля среди кооператоров была самая низкая.

²⁵ Мы в своей деятельности огромное значение придавали развитию кооперативных банков, считая их главной «ёмкостью» для хранения и обращения независимого (негосударственного) капитала. Но это убеждение базировалось на совершенном незнании нами, прежде всего мной, природы финансовой системы вообще и роли, отводящейся в ней банкам, в частности.

²⁶ Зачатки какого-то прообраза рабочего самоуправления на КамАЗе в то время действительно были, прежде всего, кажется, на Литейном заводе. Возникли даже намерения рабочих коллективов взять этот завод в аренду... Но все эти невинные и спровоцированные свыше «ростки демократии» были в одночасье нейтрализованы общим акционированием КамАЗа, которое было подготовлено и проведено, как мне позже поведали, с помощью специалистов из Института экономической политики, возглавляемого всё тем же Егором Гайдаром... Хорошо бы во всём этом «покопаться» какому-нибудь историку-казуисту, знающему экономику и финансы.

²⁷ Как в Польше, так и у нас и, наверное, повсюду все *перестройки* с неперменным экономическим либерализмом возникали от одного и того же — от неспособности государства обеспечивать собственное воспроизводство. Публицист и философ Лен Вячеславович Карпинский (1929—1995) добавлял к этому ещё *неспособность государства выплачивать подконтрольному (огосударствленному) населению минимум средств (пайку) за соучастие в процессе бюрократического присвоения.*

²⁸ Фрасынюк со знанием дела говорит о глубинном противоречии между наёмным работником (рабочим) и свободным предпринимателем. Противоречии, которое в 1989 году уже было очевидно в Польше и еще только заявляло о себе в Советском Союзе. В то время в рамках молодого кооперативного движения иногда поднимались вопросы о создании собственных профсоюзов, против чего резко отрицательно выступала подавляющая часть кооператоров, особенно лидеры движения. Они небезосновательно полагали, что свободным предпринимателям профсоюзы не нужны, в то время как организованный внутри того или иного кооператива профсоюз тотчас войдет в противоречие с предпринимателями и парализует бизнес.

В то же время рабочие и их активисты даже передовых предприятий очень негативно относились к кооператорам и вообще к предпринимателям, тем более к их представителям. Так, в декабре 1988 года я был среди «десанта» популярнейшего еженедельника «Московские новости», который прибыл в Ленинград для встречи с рабочими завода им.Кирова. Встреча эта, как важное политическое мероприятие, транслировалась по телевидению. Зал был набит битком. Главный редактор Егор Яковлев привёз известных *«прорабов перестройки»*, среди которых были экономисты Гавриил Попов, Николай Шмелёв, писатели Борис Можаяев, Юрий Карякин, публицисты Лен Карпинский и так далее... Я был представлен как руководитель крупной кооперативной структуры и собирался о чем-то говорить. К моему ужасу, первые же мои слова утонули в гуле общего недовольства и в бурных рукоплесканиях, которыми рабочие не дали мне произнести даже несколько слов. Их отношение ко мне как к представителю новых форм хозяйствования было крайне негативным. Они искренне не понимали, как вообще я мог оказаться среди столь уважаемых и почитаемых ими деятелей *перестройки и гласности?!*

²⁹ *Союз польских харцеров* (Związek Harcerstwa Polskiego, ZHP) — польская национальная скаутская/пионерская организация.

Первые группы польских скаутов возникли в 1910 году во Львове, который тогда входил в состав австрийской Галиции. С самого начала польское скаутское движение, как и весь скаутинг вообще, носило милитаризованный характер. Подростков учили пользоваться оружием, ориентироваться на местности, методам разведки, не забывая о постоянной кооперации и строгих правилах поведения, господствующих в команде...

Различные харцерские группы в 1918 году объединились в единую организацию — *Союз польских харцеров*. В межвоенный период польское харцерство превратилось в мощное молодежное движение. Перед Второй мировой оно насчитывало 200 тыс. человек.

С падением Польши в сентябре 1939 года харцерские организации были запрещены немецкими оккупационными властями, многие активисты арестованы и казнены. Массовые аресты скаутов были проведены и на территории, оккупированной СССР. Однако уже 27 сентября 1939 года, накануне падения Варшавы, на собрании харцерских инструкторов в Варшаве было постановлено создать подпольную харцерскую организацию, которая бы действовала в условиях как немецкой, так и советской оккупаций. Организация получила название «*Серые шеренги*», её возглавил 24-летний харцмистр Флориан Марциняк ("Новак"), а после его ареста и казни немцами в начале 1944 года — харцмистром стал Станислав Броневский ("Орша").

«*Серые шеренги*» в свою очередь делились на три организации по возрастам: «Zawisza» для младшего, «B.S.» (Bojowe Szkoły, «боевые школы») для среднего и «G.S.» (Grupy Szturmowe, Штурмовые группы) — для старшего, то есть для молодых людей уже призывного возраста (верхняя возрастная

граница организации была тогда выше, чем впоследствии). Младшие харцеры использовались для разведки и наблюдения за немцами, передачи корреспонденции и т. д. Харцеры среднего возраста участвовали в акциях «малого саботажа» (организация «Wawer») — писали на стенах антинемецкие лозунги (в том числе акция «работай медленно»), вывешивали польские флаги, распространяли листовки, срывали демонстрацию немецких фильмов, а также обучались боевому делу на специальных курсах. Непосредственно в боевых акциях участвовали «штурмовые группы». Все харцеры, находившиеся в Варшаве в момент начала Варшавского восстания 1944 года, приняли в нем активное участие...

После освобождения Польши советскими войсками в 1945 году *Союз польских харцеров* был восстановлен. Однако ПОРП старалась поставить его под свой контроль. В результате в 1950 году СПХ был включен в структуру *Союза польской молодежи* и приближен по своим принципам и символике к пионерскому движению. В 1956 году СПХ был восстановлен под прежним названием, уже как организация, построенная на социалистических принципах... Во главе Главного совета друзей СПХ стоял министр национальной обороны ПНР. В 1977 союз имел свыше 2,7 млн членов, в том числе 100 тыс. инструкторов.

После распада советского блока и падения власти ПОРП в Польше, численность харцеров резко сократилась, от союза откололись несколько новых харцерских организаций. В настоящее время СПХ имеет около 100 тыс. членов, продолжая оставаться крупной молодёжной организацией. *(По материалам из Википедии.)* См. сайт Союза польских харцеров: www.zhp.pl

³⁰ *Яцек Куронь* (Jacek Kuronь, 3 марта 1934, Львов — 17 июня 2004, Варшава) — польский диссидент и государственный деятель, выдающийся представитель оппозиции властям ПНР.

С 1949 активно участвовал в деятельности прокоммунистического Польского союза молодёжи (ПСМ). С 1952 был штатным инструктором харцерской организации и вступил в Польскую объединённую рабочую партию (ПОРП). В ноябре 1953 исключен из ПСМ и ПОРП за критику идеологической концепции ПСМ. Окончил исторический факультет Варшавского университета (1957). Деятель независимого студенческого движения в 1960-х годах. За «Открытое письмо к партии» (1965; совместно с Каролем Модзелевским), критиковавшее бюрократизм и классовый характер режима в Польской Народной Республике с позиций демократического социализма и антиавторитарного марксизма, был приговорен к 3 годам заключения (освобождён в 1967). В марте 1968 за организацию студенческих забастовок приговорён к трём с половиной годам заключения.

В сентябре 1976 года стал одним из учредителей Комитета защиты рабочих (Komitet Obrony Robotników), переименованного в 1977 в Комитет социальной самозащиты KOR (KSS KOR; Komitet Samoobrony Społecznej KOR); участник нелегальной печати и подпольной системы политического самообразования.

Имея в виду волнения 1970 года, когда рабочие разгромили и сожгли несколько помещений коммунистических парткомов, Яцек Куронь выдвинул ставший знаменитым лозунг: «Не жгите комитеты, а создавайте свои».

Он стал одним из авторов стратегии деятельности независимого профсоюза «Солидарность» (1980). С введением военного положения 13 декабря 1981 года — интернирован, в 1982 арестован по обвинению в попытке изменения государственного строя. Освобожден по амнистии в 1984 г.

Участник «Круглого стола» в 1989 году, приведшего к частично свободным выборам и победе на них «Солидарности». Депутат Сейма (1989—2001); министр труда и социальной по-

литики в 1989—1990 гг., а также в 1992–1993 гг. На президентских выборах 1995 года выдвигалась его кандидатура.

Под конец жизни Куронь критически оценивал результаты рыночных преобразований в Польше и Восточной Европе. В интервью 2001 года он заявил следующее: *«Я хотел создать демократию, но не продумал, каким образом. И вот доказательство: я думал, что капитализм может реформировать сам себя, всё необходимое, например самоуправление рабочих... Вот доказательство моей слепоты... Единственное, о чём я сожалею, — это о своём участии в правительстве. Моё правительство помогло людям принять капитализм».*

В последней своей речи в апреле 2004 он обратился к альтерглобалистам, протестовавшим против Всемирного экономического форума в Варшаве, со словами: *«Это вам, мои дорогие друзья, предстоит совершить то, на что не способны нынешние политические элиты: создать новое понимание общественного сотрудничества, внедрить идеалы свободы, равенства и социальной справедливости».*

Похоронен на кладбище Воинское Повонзки. *(Яцек Куронь. По материалам из Википедии.)*

³¹ К сожалению, я не записал детали этой памятной для меня встречи, обстановку в квартире Куроня, не отметил ни точное место, ни даже время, когда встреча началась и когда закончилась... Помню только, что квартира Яцека Куроня находилась неподалеку от костела св.Станислава Костки, где служил и возле которого похоронен ксёндз Ежи Попелушко. Встреча, включая сам разговор с Куронем, продолжалась час с лишним. Такой представительный состав собрался, конечно, не для встречи со мной: на квартире Яцека Куроня было запланировано какое-то важное мероприятие, потому что в соседних комнатах находились еще какие-то люди, причем одеты они были очень цивильно, в отличие от хозяина квартиры, который был в домаш-

них тапочках... Помню, я привез из Москвы специально для Куроня бутылку армянского коньяка, к чему очень ревностно отнёсся Кароль Модзелевский. *«Откуда ты догадался, что Яцек страшный любитель коньяка?.. Но я ни за что не позволю ему выпить эту бутылку одному»*, — сказал Кароль и тут же поведал историю о том, как органы безопасности однажды обнаружили и арестовали Куроня. *«Они нашли (или им кто-то донёс) в одном из мусорных ящиков картонную коробку из-под дорогого французского коньяка и сразу поняли, что где-то рядом должен находиться Яцек: знали о его пристрастиях. Они прочесали квартал и действительно вскоре обнаружили жилище Куроня»*.

Добавлю, что бутылку привезённого мною армянского коньяка выпили как раз во время нашего разговора. Возможно, оттого он и получился таким весёлым.

³² Збигнев Буяк, — родился в 1954 году. Будучи рабочим тракторного завода «Урсус», входил в Комитет защиты рабочих (КОР). В августе 1980 г. организовал забастовку на своем заводе, а в 26 лет возглавил региональную организацию профсоюза «Солидарность». Прославился тем, что, после введения в декабре 1981 г. военного положения в стране, дольше других подпольщиков скрывался от польских органов безопасности. Сразу после смены в Польше политического режима был избран депутатом Сейма. Защитил диплом магистра на факультете политических наук Варшавского университета. В 1999 г. был назначен начальником Главного таможенного управления Польши.

³³ Куронь оставил важные воспоминания о польских реформах, составившие книгу *«Siedmiolatka, czyli kto ukradł Polskę?»* («Семилетка, или Кто украл Польшу?»), главы из которой переведены на русский и опубликованы в журнале «Иностранная литература», 1998, №10. Касается Куронь и упомянутого лозунга *«Президент — ваш, премьер — наш!»*:

«Заседания “Круглого стола” завершились в апреле, а выборы были назначены на июнь. Кто бы смог за два месяца достучаться до людей с новыми символами? Кто бы без прежних символов сумел организовать, не имея собственной прессы и располагая лишь ограниченным доступом на радио и телевидение? Поэтому каждый из нас сфотографировался с Валенсой; плакаты с этими снимками — у всех на груди значки “Солидарности” — сыграли огромную роль в предвыборной кампании: мы победили, хотя теоретически победить не могли.

Однако не все из сидевших по нашу сторону “Круглого стола” разделили с нами победу. Тадеуш Мазовецкий своей кандидатуры не выставил, поскольку считал, что нам не следует идти на выборы блоком, что нужно сразу разделиться и участвовать в выборах отдельными политическими партиями, а не всем профсоюзом.

Раскол углубился, когда наши избиратели переложили на нас ответственность за все происходящее в Польше. Когда на базаре, на улице, в магазине меня начали обвинять в том, что в магазинах ничего нет, я понял, что, раз люди меня выбрали, значит, я для них — власть. И, как представитель власти, должен отвечать за пустые полки и бездействующие фабрики. А значит, власть нужно взять.

И мы с Михником придумали лозунг: “Ваш президент, наш премьер”; с этой идеей Адам поехал к Валенсе. Лех рассуждал примерно так же, хотя, по большому счету, мечтал стать президентом. Прямо он, правда, об этом не говорил, но его выдавали некоторые оговорки, жесты, выражение лица. Ему казалось, что можно получить и правительство, и президентство. Тогда, разумеется, об этом не могло быть и речи: ПОРП по-прежнему контролировала всю администрацию (и прежде всего армию, полицию и средства массовой информации), а Польша была лишь островком зарождающейся нормальной государственно-

сти внутри подчиненных Москве Варшавского пакта и СЭВа (*Совет экономической взаимопомощи — В.П.*). Так или иначе, Лех поддержал идею Михника опубликовать в “Газете Выборчей” статью “Ваш президент, наш премьер”...

Мазовецкий стал премьером, хотя за несколько дней до своего назначения опубликовал пространное эссе, доказывающее, что “Солидарность” ни в коем случае не должна брать власть». (*Перевод с польского К.Старосельской.*)

³⁴ «*Общественный капитал*» — сейчас уже не вспомню, откуда мы с моими друзьями-соратниками из Политклуба им.Бухарина вытащили эту дефиницию: то ли вычитали у молодого Маркса, коим были увлечены, то ли сами придумали как альтернативу *капиталу государственному*. Идею об *общественном капитале* мы развивали в статьях и рефератах, которые затем рассылали своим единомышленникам. Нам виделся *общественный капитал* как некая база будущей Советской демократии, опираясь на которую молодое гражданское общество сможет противостоять вековой системе *государственного монополизма* в России, а со временем (нам казалось, что скоро!) сможет принудить государство считаться с собой.

Общественный капитал, по нашим представлениям, мог быть сформирован теми негосударственными формами собственности, которые только-только зарождались в СССР, — прежде всего кооперацией. При этом растущие словно грибы после дождя кооперативные банки мы рассматривали как «ёмкости для накопления и обращения *общественного капитала*». Мы даже всерьез выступали за создание собственной, не зависимой от государственной, финансовой системы со своими расчетно-кассовыми центрами и так далее...

В то время, а речь идет о конце восьмидесятых, любой законный капитал, который не контролировался государством, мы готовы были признать *общественным*. Накопление, обра-

щение и умножение *общественного капитала* признавалось нами как важнейший элемент мирного и гармоничного перехода к рыночной экономике... Ну а сегодня, наверное, любой просвещенный школьник смог бы задать вопрос: *а воровской обшак, хранящийся в каком-нибудь частном банке, — это тоже "общественный капитал"*? И даже не знаю, что бы мы, тогдашние, на это ответили. И вообще, чего в наших поисках было больше: наивности, невежества или просто глупости?

По прошествии четверти века можно было бы сознаться в последнем, если бы только не иметь перед собой опыт тех, кого принято считать «умными».

³⁵ Уже в наши дни я узнал, что незадолго до своей смерти Яцек Куронь очень критично относился к своей тогдашней деятельности, сожалел о том, что входил в правительство, признавался в собственной политической слепоте, разочаровывался в реформах... Эти признания не умаляют, но лишь возвышают выдающегося польского реформатора, ибо только высокой натуре свойственно винить себя во всех неудачах своего народа. Ну кто сейчас знает, **как** было бы действовать правильно и **какое** решение было в те бурные дни единственно верным? Ни у нас, ни в Польше, ни в целом мире никто не знал и не мог знать, как сложится жизнь после демонтажа тоталитарных коммунистических режимов, потому что ни одно общество ещё не решало задачи разгосударствления (деэтатизации) такого масштаба.

³⁶ Никакой письменный слог не передаст этот общий смех в конце нашей беседы, к счастью запечатленный на магнитофонной плёнке и потому сохранившийся. И этот смех — одно из самых ярких воспоминаний моего пребывания в Польше. Кроме прочего, смеялись ещё и оттого, что Куронь и Модзелевский спорили в те дни между собой, причём на ту же тему, о чём я, конечно, понятия не имел, но о чём хорошо знали присутство-

вавшие Буяк и Вуец, а особенно Михник. Невесть откуда взявшийся, я невольно высказывал Куроню аргументы своего переводчика — Кароля Модзелевского, который в переводах, видимо, кое-что добавлял от себя, используя меня как ещё один довод в свою пользу, что их особенно веселило... Как бы я хотел, чтобы хоть кто-нибудь из поляков когда-нибудь услышал этот не поддающийся описанию детский смех своих героев, ведших в те дни, казалось бы, тонущую страну к свободе!

³⁷ *Лешек Колаковский* (Leszek Kołakowski, 23 октября 1927, Радом — 17 июля 2009, Оксфорд) — польский философ.

Отец — педагог и публицист, в 1943 году расстрелян гестапо.

В 1945 году Лешек Колаковский поступил в Лодзинский университет, а в 1947 году вступил в Польскую рабочую партию. В 1950 году подписал открытое письмо с осуждением философа Владислава Татаркевича за нападки на «социалистическое строительство в Польше» и «деморализацию» студентов. В одной из статей того времени Колаковский осудил религиозные убеждения, утверждая между прочим, что «автор мнимой автобиографии, за которую выдают Священное Писание, не очень-то расторопный». В 1953 году защитил диссертацию по философии Спинозы в Варшавском университете, в котором впоследствии преподавал историю философии с 1959 по 1968 год.

Будучи в 1951—54 годах сотрудником Института подготовки научных кадров при ЦК ПОРП, совершил поездку в СССР, где, по его утверждению, увидев «реальный социализм», изменил свои просталинские взгляды. Однако нельзя не учитывать и того фактора, что как раз в это время в СССР и в других соцстранах происходили существенные политические перемены, выражавшиеся в пришествии к власти Хрущёва, в отстранении сторонников политики, проводимой Сталиным, и в постепенном отказе от выработанных им направлений во внешней и во внутренней политике. Новое советское руководство стало по-

ощрять антисталинские тенденции как в СССР, так и во всех других странах соцлагеря. После этого в 1957 году в варшавском журнале «Nowa Kultura» появилась четырёхчастная статья с критикой как советского строя, образовавшегося при Сталине, так и политики Владислава Гомулки, которого Колаковский упрекал в слишком осторожном и медленном отмежевании от сталинщины.

В 1957 году стал главным редактором журнала «Studia Filozoficzne». В 1959 году возглавил кафедру истории современной философии в Варшавском университете. В 1966 году после лекции, на которой подвёл итоги десятилетия, был исключён из рядов ПОРП и лишён кафедры.

В 1968 году после мартовских студенческих протестов (начавшихся в Варшавском университете) Колаковскому запретили преподавать. Тогда он эмигрировал в США и в том же году стал приглашённым профессором (*visiting professor*) факультета философии Университета МакГилла в Монреале, а в следующем году переместился в Калифорнийский университет в Беркли.

В 1970 году его утвердили старшим научным сотрудником (*senior research fellow*) Колледжа Всех святых (All Souls College) Оксфордского университета (с 2004 года он стал почётным сотрудником Колледжа). В 1974 году Лешек Колаковский был приглашён и часть года проработал в Йельском университете, а с 1981 по 1994 год был профессором-совместителем в Комитете по общественной мысли и на факультете философии Университета Чикаго.

С 1977 по 1980 год являлся официальным представителем за рубежом «Комитета защиты рабочих».

После 1989 года активно участвовал в общественной жизни Польши, выступая по радио и на телевидении, сотрудничая с «Gazeta Wyborcza» Адама Михника.

Скончался 17 июля 2009 года в Оксфорде. Похоронен 29 июля в Варшаве на кладбище Воинское Повонзки. *(Лешек Колаковский. По материалам из Википедии.)*

³⁸ *Адам Михник* (Adam Michnik), родился 17 октября 1946 года в Варшаве, польский общественный деятель, диссидент, журналист, один из наиболее активных представителей политической оппозиции 1968—1989 годов. Главный редактор «Газеты Выбóрчей».

Родился в еврейской семье, сын коммуниста (деятеля Коммунистической партии Западной Украины), а впоследствии оппозиционера Осии Шехтера и историка Хелены Михник. С ранних лет активный участник харцерского движения.

В 1961—1962 годах входил в известный дискуссионный «Клуб кривого колеса» (Klubu Krzywego Koła), через который прошли многие представители будущей политической оппозиции, в 1962 году основал собственный неформальный Клуб искателей противоречий. В 1964 году поступил на исторический факультет Варшавского университета, неоднократно подвергался взысканиям, в 1968 году, в период острого политического кризиса, был арестован и приговорен к трем годам тюремного заключения, освобожден по амнистии в 1969 году (студенческие демонстрации протеста против исключения Михника из Варшавского университета дали начало мартовским волнениям 1968 года, которые были подавлены властями, что переросло в кампанию государственного антисемитизма, повлекшую за собой массовую эмиграцию евреев из страны). Начал публиковаться как журналист (под псевдонимами). Получил «волчий билет» и не мог продолжать учёбу, однако в 1975 году закончил экстерном исторический факультет в Университете им. Адама Мицкевича (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza) в Познани.

Числился личным секретарем известного поэта Антония Слонимского (Antoni Słonimski, 1895—1976). В 1976 — 1977 го-

дах жил в Париже. Вернувшись, примкнул к только что созданному оппозицией *Комитету защиты рабочих*, выступил одним из организаторов подпольного университета гуманитарных и социальных наук («передвижной университет» — давняя традиция польских оппозиционеров с начала 1880-х годов), был редактором ряда оппозиционных печатных изданий — «Информационный бюллетень», «Критика», одним из руководителей подпольного издательства.

В 1980—1989 годах — советник мазовшецкого отделения движения «Солидарность». Интернирован после введения военного положения в декабре 1981 года и находился в заключении до 1984 года. В 1985 году арестован вновь, осуждён на три года тюрьмы, в следующем году освобожден по амнистии.

С 1988 года — член неформального координационного комитета, который возглавил Лех Валенса, член *Комитета граждан*, в 1989 году — участник серии собеседований правительства и оппозиции («Круглого стола») о проведении свободных выборов; в 1989—1991 годах — депутат новоизбранного Сейма. В 1989 году создал ежедневную «Газету Выбóрчу», стал главным редактором этого популярного и авторитетного издания, в котором выступил оппонентом Валенсы, поддержал программу шоковой терапии Лешека Бальцеровича. В 2002 году Михник опубликовал разоблачительные материалы о коррупции в высших органах власти Польши, чем спровоцировал крупный политический скандал («дело Рывина»).

Член Союза польских писателей, Совета по международным отношениям (США). Почётный доктор Миннесотского и Мичиганского университетов, Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке, почётный профессор Киево-Могилянской академии. Лауреат премии «За свободу» французского ПЕН-клуба (1988), премии Союза европейских журналистов (1995), международной премии Эразмус (Нидерланды, 2001), Кавалер

французского Ордена Почётного легиона, офицер венгерского ордена Заслуг, командор ордена За заслуги перед ФРГ, чилийского ордена Бернардо О'Хиггинса и многих других наград в разных странах. По списку британской газеты *Financial Times* (май 2006), один из 20-ти наиболее влиятельных журналистов мира. 12 ноября 2012 года Адаму Михнику присвоено звание почётного доктора Клайпедского университета.

В 2000-х годах печатается за рубежом («Шпигель», «Монд», «Вашингтон Пост»), читает лекции в Принстонском университете. Активно поддержал Оранжевую революцию на Украине. С 2004 года по болезни отошёл от непосредственного руководства «Газетой Выборчей», 8 мая 2007 года, по сообщениям прессы, намеревался сложить с себя полномочия главного редактора. *(Адам Михник. По материалам из Википедии.)*

³⁹ Речь о статье Елены Иллеш. *В бывшем городе Брежнев* // Советская культура. –1988. –7 июня. –С.6.

⁴⁰ Признаюсь, что и познания об этом Модзелевского меня удивили.

⁴¹ В своей книге *«Семилетка, или Кто украл Польшу?»* Яцек Куронь даёт характеристику первому посткоммунистическому премьеру Польши: *«Мазовецкий — человек рефлексирующий. Прежде чем принять решение, он говорит “посмотрим”, “подумаем”, “утро вечера мудренее”. Рассказывались анекдоты о том, как Мазовецкий каждую проблему обдумывает, взвешивает, рассматривает с разных сторон».* См.: «Иностранная литература». –1999. –№10.

⁴² Михник назвал популярнейших в своё время экономистов-публицистов В.И.Селюнина (1927—1994), Н.П.Шмелёва и Г.Х.Попова, чьи увлекательные статьи и очерки читались и перечитывались во время *перестройки* всеми мыслящими людьми.

ми в СССР. Кроме того, что эти экономисты печатались в *толстых журналах*, они в то время активно выступали с лекциями. Эти лекции были настолько популярными и массовыми, что их стали называть «*концертами*», во что сегодня трудно поверить. К ним также следует добавить Абела Аганбегяна, Андрея Нуйкина, Татьяну Карягину, Геннадия Лисичкина, Анатолия Стреляного, Юрия Черниченко (1929—2010), Ларису Пияшеву, Игоря Клямкина и других, кто по-настоящему пробуждал и будоражил общественное сознание. И хотя некоторые «профессиональные ученые» высокомерно относились к деятельности упомянутых публицистов, роль публицистики, и не только экономической, во времена горбачевской *перестройки* трудно переоценить. Она была флагманом перемен в СССР, и, как видим, за ней следили и к ней прислушивались в Польше.

Когда я правил черновик книги, из Москвы пришла печальная новость: 6 января умер Николай Петрович Шмелёв. Автор знаменитой статьи «Авансы и долги» в своё время очень поддерживал кооперативное движение, всячески приветствовал наше стремление соединить новую кооперацию с мыслящей интеллигенцией. В 1992 году мы входили с ним в Президентский консультативный совет, откуда нас изящно выставили. Потом какое-то время мы поддерживали добрые отношения. Затем он стал директором Института Европы, а я исчез из политики и общественной жизни вообще... Очень грустно, что Николая Петровича больше нет среди живых. Но он, безусловно, остаётся среди «*живых мёртвых*» (выражение М.Я.Гефтера).

⁴³ Михник упоминает нашумевший очерк публициста Игоря Клямкина «*Какая улица ведет к храму?*», опубликованный в журнале «Новый мир». –1987. –№ 11. –С.150–188.

⁴⁴ Модзелевский имеет в виду известные события 1956 года, названные *Познанским июнем*.

⁴⁵ Милован Джилас (Milovan Djilas, 1911—1995), югославский политический деятель, автор книги «Новый класс», посвященной критике коммунизма. Родился в селе Подбишче возле города Колашина в Черногории 12 июня 1911. Изучал литературу и право в Белградском университете, вступил в компартию Югославии в 1932, в том же году за организацию демонстраций был заключен в тюрьму, где находился до 1935. Встретился с Тито в 1937 и был среди его соратников во время Второй мировой войны. В 1953 Джилас стал одним из лидеров Югославии вместе с Тито, Эдвардом Карделем и Александром Ранковичем. Когда Югославия вступила в конфликт с СССР в 1948, Джиласу поручили как ответственному за идеологическую работу доказать подлинность коммунизма в версии Тито, а не Сталина. Анализ режима в Югославии привел Джиласа к критике коррупции и высокомерия партийного руководства.

В 1954 его сместили со всех постов, исключили из партии, а в 1955 он был условно осужден. В декабре 1956 Джиласа заключили в тюрьму на три года за поддержку венгерского восстания. Рукопись книги «Новый класс» (The New Class), которую он написал в тюрьме, тайно вывезли из Югославии и опубликовали в Нью-Йорке в 1957. После этого его судили повторно и приговорили к семи годам заключения. В книге подвергались критике основы коммунистической теории Ленина и Маркса, осуществление которой привело, по мнению Джиласа, к формированию нового элитарного класса. Джилас был досрочно освобожден из заключения в январе 1961.

Публикация отрывков из его новой книги «Разговоры со Сталиным» (Conversations with Stalin) привела к новому аресту, следствию и заключению в мае 1962. Джилас был амнистирован в 1966 и получил от правительства пенсию как организатор партизанского движения во время Второй мировой войны (хотя боевые награды ему не возвратили), однако ему было запреще-

но публиковать что-либо на территории Югославии и высказываться в прессе и на радио в течение пяти лет. Тем не менее Джилас немедленно принялся за литературную работу. В 1970—1986 его лишили права выезжать за пределы Югославии. В 1982 году он выступал в защиту польской «Солидарности», а в 1990-х годах — против политики С.Милошевича.

Умер Джилас в Белграде (Сербия) 20 апреля 1995. Среди книг, опубликованных им с 1966, — «Несовершенное общество» (The Unperfect Society: Beyond the New Class, 1969), «Записки революционера» (Memoir of a Revolutionary, 1973), «Тито: история, рассказанная его соратником» (Tito: The Story from Inside, 1980). (Статья из Энциклопедии Кольера.)

⁴⁶ В интервью Т.Косиновой Модзелевский делится своими взглядами в то время: «Когда мы с Куронем писали свои глупости в 1965 году, мы считали, что никакая советская интервенция нам не угрожает. Революционный процесс — международный по своей сути, и Польша — никакой не островок, и наш союзник — советские люди, простые рабочие. Они пойдут вместе с нами против советских танков, где сидят советские танкисты, которые, конечно, тоже перейдут на правильную сторону». К.Модзелевский, «Я себя почувствовал не россиянином, а именно русским...».

⁴⁷ Модзелевский, безусловно, прав: в 1989 году ещё очень многие, принявшие горбачевскую *перестройку* и жаждущие перемен советские люди, в том числе и интеллектуалы, думали так, как они с Куронем думали ещё в 1965 году, и могли бы считаться *ревизионистами*. Однако всего через два года, после августа 1991 года и ГКЧП, от всей этой иллюзии не останется и следа: все *ревизионисты* в одночасье станут *неверующими*. Правда, на смену одним иллюзиям тотчас придут другие.

⁴⁸ Полное название этого ставшего впоследствии знаменитым послания к членам партии таково: «*Listu otwartego do członków POP PZPR i do członków uczelnianej organizacji ZMS przy Uniwersytecie Warszawskim*». В своё время текст этого обращения был услышан и в СССР. Вот что написала известная поэтесса и правозащитница Наталья Горбаневская в своей статье «Памяти Яцека Куроня», опубликованной в 7-м и 8-м номерах журнала «Новая Польша» за 2004 год:

«Когда-то имя Яцека Куроня было для меня легендой. Еще в середине 60-х я услышала по западному радио изложение "Открытого письма к партии" Яцека Куроня и Кароля Модзелевского (позже мне удалось и прочесть его). Письмо, написанное с левокоммунистических позиций, поражало своей крайне резкой критикой режима ПНР и власти Польской объединенной рабочей партии. Ну а левацкие позиции никого не смущали: сколько мы видели и в нашей стране людей, становившихся антисоветчиками через поиски "истинного марксизма" или "неизвращенного ленинизма". И Яцек, и Кароль оказались тогда в тюрьме, но к марту 68-го, к тому времени, когда в Польше развернулись бурные студенческие волнения, оба они были на свободе, и Яцек стал одним из лидеров студенческих протестов».

См. www.nowpol.ru/index.php?id=257

Пока я редактировал книгу, не стало и самой Натальи Евгеньевны. Она скончалась 29 ноября 2013 года в Париже в возрасте семидесяти семи лет. В одном из комментариев кто-то написал: «Горькая новость. Уходят ЛУЧШИЕ, САМЫЕ ДОСТОЙНЫЕ ЛЮДИ. Очень грустно. Светлая память Человеку и Гражданину Наталье Горбаневской». Что к этому добавишь?

⁴⁹ Действительно, в книге «Крах "Операции Полония"» ложь о КОРе нашла своё концентрированное воплощение.

«В отличие от "Польского независимого соглашения" (ПНС), по поводу которого до сих пор западные средства массовой информации хранят гробовое молчание, учреждение в сентябре 1976 г. "Комитета защиты рабочих" (КОР), к которому вскоре прибавилось второе название — "Комитет общественной самообороны" (КОС), получило самое широкое публичности. И немудрено: ведь, помимо всех прочих функций, КОС–КОР предписывалось служить прикрытием для ПНС. Момент для объявления о создании КОС–КОР выбирался весьма тщательно. Вначале было решено провести "генеральную репетицию", используя готовившееся правительством Польской Народной Республики (об этом было широко известно) решение о повышении цен на некоторые продукты питания с компенсацией для значительной части трудящихся в виде увеличения зарплаты. Партийные организации, органы народной власти, профсоюзы перед принятием этих мер, в тот момент необходимых для восстановления равновесия на рынке, не разъяснили трудящимся, в силу каких объективных трудностей такие меры экономически неизбежны. Этим умело воспользовались контрреволюционеры. Будущие лидеры КОС–КОР Куронь, Модзелевский и Михник, исподволь направляя недовольство рабочих в нужное им русло, взяли курс на выборочные забастовки. В качестве испытательного полигона ими были избраны предприятия воеводского центра на востоке страны — Радома и Варшавский тракторный завод "Урсус". Старания контрреволюционеров завершились определёнными успехами: в июне 1976 г. и в Радоме и в Варшаве прошли забастовки дезориентированных рабочих.

К сентябрю, когда было объявлено об учреждении КОС–КОР, пропагандистское обеспечение его появления, к которому приложили руку средства массовой информации Запада, сработало неплохо. В дополнение к финансовому зонтику, который был, конечно, основным защитным средством, обеспечивающим

свободу действий антисоциалистической оппозиции, стратеги "операции Полония" попытались создать КОС–КОР ореол "свободной организации трудящихся". Имена и фотографии косковцев замелькали на страницах западных изданий.

В состав КОР в качестве членов-учредителей вошли 34 антисоциалистических деятеля, среди которых настоящих рабочих, как говорится "от станка", не было. *"Крестным отцом комитета,*— как писала в апреле 1983 г. "Жолнеж Вольности", — *был Модзелевский, несмотря на то что сам оставался в тени находившихся на первом плане Куроня и Михника"*.

Куронь наконец осуществил давно лелеемую мечту, обретя на Западе славу "вождя" движения за "обновление Польши", а Михник выступил в роли его "исполнительного директора". Именно в этом качестве он выезжал вскоре после создания КОР в Париж, где договорился с представителями ЦРУ и журнала "Культура" о совместных пропагандистских акциях и о столь необходимой финансовой и технической помощи. Заметим, кстати, что некоторым чинам католической церкви, хотя они и поддерживали явно и тайно антисоциалистическую оппозицию, претили откровенные контакты предводителей КОС–КОР с американской разведкой и её "крышей"— парижской "Культурой". Вышиньский призывал паству осторожнее относиться к тем, кто, как он выразился, "стреляет из-за парижского забора". По сценарию "операции Полония" КОС–КОР не предназначалась роль "рабочего объединения" (для этого планировалось создать "свободные профсоюзы"). Он должен был стать главной политической организацией польской контрреволюции, её полуправильным штабом, так сказать, *alter ego* сверхсекретного дирижёра — "Польского независимого соглашения".

КОС–КОР был задуман как объединение, способное вобрать всех, кто был готов выступить против существующего строя. На первом этапе развития контрреволюционного процесса, со-

гласно планам операции, не важно было, какой именно хотят видеть будущую Польшу члены КОС-КОР; главной "объединяющей идеей" становилось одно — ненависть к реальному социализму. В Вашингтоне были уверены, что Польша, если удастся "отбросить" в ней социализм, будет такой, какой он пожелает её видеть. Польская пресса в своё время насчитывала внутри КОС-КОР минимум семь ориентаций: анархизм, троцкизм, ревизионизм, реформизм, клерикализм, буржуазный либерализм и даже сионизм. Этот разношёрстный идеологически, но единый по главным политическим целям конгломерат должен был стать, во-первых, центром, от которого со временем отпочкуются "специализированные" подпольные организации, работающие в разных социальных слоях и с разными профессиональными группами, и, во-вторых, "политической школой" для подготовки руководящих кадров различных партий в "будущей плюралистической Польше".

В связи с появлением КОР и терпимым отношением к этому польских властей на Западе росли радужные надежды. "С точки зрения... видимых проявлений либерализма,— с нескрываемым удовлетворением писал в 1976 г. известный американский политолог Р.Ремингтон,— можно сказать, что Польша не является теперь проблемой, ибо в ней все идёт настолько хорошо, как этого можно только желать".

Получая с Запада по тайным каналам щедрую финансовую поддержку, КОР уже в первый год своего существования смог позволить себе израсходовать на различного рода "акции" кругленькую сумму — 3 миллиона 250 тысяч злотых.

Итак, с сентября 1976 г. в ПНР начала активно функционировать формально незаконная, а фактически полуоткрытая политическая организация, на деятельность которой власти смотрели сквозь пальцы...»

⁵⁰ *Польские протесты июня 1976 года* — волна забастовок и протестных действий, произошедших в конце июня 1976 года в ПНР. Были спровоцированы объявлением правительством Петра Ярошевича резкого повышения цен на некоторые товары широкого потребления.

Уже во время VII съезда ПОРП в декабре 1975 года Эдвард Герек, отдавая себе отчет в тревожном состоянии экономики, вызванном чрезмерным потреблением кредитных средств, сказал: «...проблема структуры цен на основные товары требует ... дальнейшего анализа...»

Это было скрытым указанием на будущее повышение цен. Власти ПНР медлили с ним, потому что хотели подготовить обывателей к грядущим переменам и постепенно развернули в этом направлении деятельность пропагандистского аппарата. Последний должен был представить повышение цен как неизбежный шаг, вызванный главным образом ростом цен на мировых рынках. С начала июня 1976 года в местной и национальной прессе появились материалы об уровне безработицы в Европе и Северной Америке, продовольственном кризисе и подорожании продовольствия в мире. Временами появлялась также курьёзная информация — как, например, статья в *Trybuna Ludu* о том, что Исландия справляется с продовольственной проблемой благодаря введению рыбной диеты. После этого, наконец, ЦК ПОРП (KZ PZPR) принял окончательное решение о повышении цен.

Непосредственной причиной забастовок стало выступление премьер-министра П.Ярошевича, переданное в прямом эфире радио и телевидения 24 июня 1976 года. В этом выступлении о повышениях говорилось не прямо, а косвенно, в соответствии с предшествующими рекомендациями ЦК. Повышение должно было достигнуть 70 %. В комментариях прессы к распечатанному выступлению повышения назывались «последовательной

реализацией декабрьской политики» или «продолжением прогрессивного развития, начатого в начале 70-х годов».

Объявленные повышения цен были вызваны тогдашним состоянием экономики, ухудшившимся вследствие многих факторов. Производительность труда была низкой, несмотря на усилия по ее повышению. В то же время польское общество привыкло к росту уровня жизни, являвшемуся следствием роста зарплат при фиксированных ценах.

Коммунистические власти с самого начала готовились к возможным массовым выступлениям народа, недовольного драконовскими повышениями цен. Об этом свидетельствует создание учебно-тренировочного штаба «Лето 76» (Lato 76), во главе которого стал глава МВД и Службы безопасности Богуслав Стахура (Bogusław Stachura). При управлениях гражданской милиции началось создание специальных следственных групп, основной целью которых было наблюдение за потенциальными организаторами беспорядков. Был введен ускоренный порядок рассмотрения соответствующих дел судебными органами страны, заранее приготовлены свободные места в камерах предварительного заключения.

23 июня 1976, в канун выступления Ярошевича, были приведены в боевую готовность воинские части МВД, и началась главная фаза операции «Лето 76».

24 июня — передача в прямом эфире выступления П.Ярошевича и объявление повышения цен.

25 июня — содержание речи появляется в прессе. Начинают бастовать 97 предприятий, в том числе — в Радоме, Урсусе и Плоцке. Правительство ПНР скрывает от общественного мнения факты протестного взрыва, называя их, «*мелкими, хулиганскими выходками*». Несмотря на это, оно быстро отступило от исполнения обещаний о повышениях, в страхе перед расширением протестов на всю страну, и предложило «*широкие общест-*

венные консультации на тему повышений цен и трудностей в снабжении». Параллельно этому было произведено быстрое и жестокое подавление забастовок, что не мешало их по-прежнему называть *хулиганскими выходками*. В Радоме было разграблено и разрушено более 100 магазинов. В Урсусе разобрали пути международной железнодорожной линии. Отделения милиции были умышленно не снабжены огнестрельным оружием: согласно предписаниям Герека, использование милиции против рабочих рассматривалось как крайность. В результате получилось так, что правительство медлило с введением в действие моторизованных частей милиции (ZOMO) в Радоме до момента, когда был подожен воеводский комитет (обком) ПОРП и грабёж магазинов стал свершившимся фактом.

26–30 июня — радомские события: расширение забастовок на все госпредприятия в Радоме в ответ на жестокое подавление и аресты организаторов первых забастовок. Местные власти объявили военное положение и временно закрывали все предприятия. В результате на улицы вышли взбунтовавшиеся толпы жителей города, всего несколько десятков тысяч человек, которые, в частности, совершили поджог здания воеводского комитета ПОРП. Город остался полностью усмирённым с помощью многочисленных отрядов моторизованной милиции при помощи слезоточивого газа и водных пушек. Масштаб арестов достиг значительных размеров. Арестованных подвергли пыткам — например, «тропинке здоровья» (*ścieżka zdrowia*), когда арестанта проводили через строй милиционеров, бивших его палками. Параллельно этому по всей стране набирала мощь официальная пропагандистская кампания, в ходе которой она упорно называла протестующее население города хулиганскими и подстрекателями, организовавшимися «спонтанно» главным образом против действий «радомских смутьянов».

Согласно докладу, подготовленному МВД по поручению Политбюро, на территории 12 воеводств бастовало 112 предприятий, в забастовках приняло участие более 80 тысяч человек, в том числе 20 800 в Радоме и 14 200 в Урсусе.

В Радоме, Урсусе и Плоцке: многочисленные аресты, увольнения с работы, «волчьи билеты» (неофициальные запреты на прием на работу) работников, подозреваемых в активном участии в грабежах. Размер материальных убытков в Радоме достиг 150 миллионов злотых;

июль 1976 — введение продовольственных карточек на сахар;

18 августа 1976 — вероятно, после избиения в Службе безопасности (SB) умер Роман Котляж, духовный лидер радомских рабочих; активизация оппозиционных настроений:

«Письмо 14-ти» (List 14) — официальный протест представителей юридического сообщества против усмирений беспорядков, произведенных с нарушением права (инициатор — Ян Ольшевский);

23 сентября — основание Комитета защиты рабочих (KDR), который организовал юридическую помощь для арестованных рабочих и их семей, а впоследствии расширил свою деятельность: организовывал подпольные издательства, дискуссионные встречи, «Рабочий университет» и т.д. (инициаторы: Антоний Мацеревич, Яцек Куронь, Ян Юзеф Липский, с апреля 1977 — Адам Михник);

25 марта 1977 — создание «Движения по защите прав человека и гражданина» (Ruch Obrony Praw Człowieka i Obywatela, ROPCiO);

1 августа 1977 — город Урсус вошел в Варшаву в качестве микрорайона в составе дзельницы Охота (Варшава).

Э.Герек сразу же после получения информации о жестоких расправах над протестующими потребовал прекращения использования «тропинок здоровья» и других подобных методов.

Правительство ПНР вскоре отступило от повышения цен, введя пропорциональные повышению компенсации зарплат, что подстегнуло инфляцию и ускорило наступление серьезных экономических проблем.

Э.Герек, после того как ближе ознакомился с порядком действий прокурорских и судебных властей и удостоверился в том, что многие приговоры могут быть смягчены, запустил процесс амнистии. *(Польские протесты июня 1976 года. По материалам из Википедии.)*

⁵¹ Вот каким представлялся Анджей Гвязда автору книги «Крах "Операции Полония"»: «В ноябре 1976 г. Гвязда примкнул к КОР. Тогда же он направил в сейм и одновременно на Запад письмо, в котором потребовал легализовать эту организацию. После подписания декларации о создании "комиссии свободных профсоюзов побережья", действовавшей тогда только на территории Гданьска, именно он оперативно передал ее в Мюнхен на радиостанцию "Свободная Европа", с которой с этого момента тесно сотрудничал по нелегальным каналам. Усиленно занимался распространением коровской литературы. Будучи введен, как подчёркивала позже газета "Жолнеж Вольности", в "первый круг святая святых" КОС-КОР, Гвязда всегда был сторонником самых крайних мер. После августа 1980 г. стал одним из руководителей фракции "радикалов" (или, как их ещё называли, "фундаменталистов"), стремившихся незамедлительно покончить с социализмом в стране, поднять тотчас же "антикоммунистическое восстание" без какого-либо учёта обстановки. Почти всех в КОС-КОР и руководстве "Солидарности" подозревал в "пособничестве" коммунистам. Вожаки КОС-КОР умело использовали крайний экстремизм Гвязды, сделав его замести-

телем председателя "Солидарности", чтобы преодолеть свойственную Валенсе нерешительность и мягкотелость».

⁵² *Гданьские соглашения* между польским правительством и руководителями забастовочного движения во главе с Лехом Валенсой были подписаны 31 августа 1980 года на гданьской судостроительной верфи. По этому соглашению власти признали право рабочих на забастовки и создание независимых профсоюзов. Они согласились на смягчение цензуры и широкое обсуждение экономической политики. В свою очередь лидеры оппозиции признали руководящую роль ПОРП в стране и все международные обязательства Польши.

Польские власти и не думали, а по некоторым пунктам и не могли выполнить свою часть обязательств. Они были вынуждены подписать Гданьские соглашения, рассчитывая выждать время, о чем и поведал Модзелевскому в частном разговоре высокопоставленный партийный функционер. Но эти соглашения, по своей сути всё же компромиссные, дали шанс оппозиции: они открыли путь к формированию нового общепольского движения — независимого профсоюза «Солидарность», который вскоре объединил десять из тридцати семи миллионов населения страны. С этого момента в Польше появилось легальное общественно-политическое движение со своим общенациональным лидером, которое в конце концов смело коммунистический строй. Вслед за Польшей он рухнул во всей Восточной Европе, а затем и в своей цитадели — в Советском Союзе.

⁵³ В интервью для «Новой Польши» Модзелевский рассказывает о научной конференции, проведенной в 1997 году и посвященной польскому кризису 1980—1982 годов, его внутренним и внешним аспектам. Кроме историков, на конференцию были приглашены и участники событий: представители «Солидарности» и польского правительства, а также представители США и

бывшего Советского Союза. Последний представляли высшие генералы войск Варшавского договора. «Солидарность» на этой конференции представляли Кароль Модзелевский и Збигнев Буяк. Валенса от участия отказался. Как сообщает Модзелевский, «конференция проходила в Яхранке под Варшавой, в таком доме отдыха... Конференция была тайной: СМИ не допустили, журналисты не знали, что люди приехали. Это было странно, но удалось. Это было требование советских участников». И далее Модзелевский приводит информацию, прозвучавшую на этой конференции:

«В 1980 году, за год до военного положения, на границах Польши поставили в полном фронтовом составе 14 советских дивизий на востоке, две чехословацкие на юге и полторы (одна в полном составе, другая в кадровом составе) восточнонемецкие на западе — всего 18 дивизий. Был день и час вторжения уже установлен. И была карта, которую послали в польский Генеральный штаб, со стрелками, как эти войска пройдут и где они остановятся. Мол, вы нам не мешайте, пожалуйста. Они должны были окружить главные польские города и промышленные центры. Потом при их присутствии, а в случае неизбежности при их вмешательстве, мог произойти внутренний переворот, смена правительства на более жесткое, и введение военного положения под советскими штыками. Такой был замысел.

Про это говорили на конференции и американцы, и поляки. У американцев была информация от полковника Куклинского, это был агент ЦРУ в польском Генеральном штабе. Кроме того, у них были данные космической разведки и аэроснимки — они это все знали. Они рассказывали, как два их президента — ещё управляющий страной, но проигравший на выборах Картер и избранный, но ещё не управлявший Рейган, — вместе они позвонили Брежневу. То есть, по-видимому, его советнику, потому что Брежнев тогда уже не очень соображал, и сказали, что вве-

дение в исполнение этого плана и передвижение около семисот тысяч человек на 800 км на Запад меняют соотношение сил в Европе. И для того чтобы восстановить баланс сил, они будут вынуждены в Западной Европе, уже не помню сколько, разместить дополнительно ракет "Першинг" и "Круз". Этих ракет Кремль очень боялся, потому что создание ответного оружия стоило бы очень дорого. И тогда передумали, план не ввели в исполнение и не вошли». Модзелевский, *«Я себя почувствовал не россиянином, а именно русским...»*.

⁵⁴ Вопрос о введении в Польше военного положения 13 декабря 1981 г. и о роли в этой силовой акции В. Ярузельского задавался всеми участниками тех событий, политологами и историками и будет ещё не раз задаваться. Ответы на него и по сей день — самые разные. Но вот важное свидетельство, которым Кароль Модзелевский поделился во всё том же интервью для «Новой Польши», которое мы не раз цитируем как важный источник.

Модзелевский поведал, как сразу по окончании конференции, о которой мы говорили в предыдущем примечании, влиятельная тележурналистка, прознав о закулисной мероприятии, куда не допустили представителей СМИ, пригласила на свою телепередачу В.Ярузельского и К.Модзелевского. Саму передачу Кароль не комментировал, считая её неудавшейся, зато подробно пересказал, что было после, и это, на мой взгляд, очень важная информация. Слово Каролю Модзелевскому:

«После передачи Ярузельский обратился ко мне: "Господин профессор, вы на машине приехали?" Я говорю: "Нет у меня машины, господин генерал". Он говорит: "Ну, тогда приглашаю вас в мою". Я говорю: "Ну, что вы, господин генерал, наверное, вы живете в другом квартале, не там, где я". Тут он, конечно, заметил популизм в моих ответах, улыбнулся и сказал: "Вы сидели в моей тюрьме, там, наверное, не было удобно. В моей машине удобнее, вот увидите". Я сел к нему в машину. Как у бывшего

президента республики у него, кроме пенсии, есть секретариат и два телохранителя. Один был водителем, другой возле водителя сидел, а мы вдвоём сзади. Они отвезли меня домой. По пути мы с Ярузельским разговаривали. И он рассказал мне такую историю.

Военное положение было подготовлено уже к концу октября 1981-го, в ноябре уже было готово. Кроме одного. Был план, но не было даты и решения вводить его. Мол, за два или три дня до военного положения было совещание в генеральном штабе. "И, вы знаете, вставали один за другим генералы и полковники, командующие дивизиями и большими объединениями и говорили: "Товарищ генерал, так больше нельзя. Кадровый состав на грани психической выдержки. Если мы сейчас не введем военное положение, то мы проиграем это дело". И он добавил: "Вы знаете, я долго был министром обороны". Я это знал, он стал министром обороны в апреле 1968 года, мне это напоминать не надо было. "Это всё были мои люди, я их возводил на должности. И я впервые подумал, что они могут пойти за другим".

Я думаю, что суть дела в этом. Кремлевское руководство справедливо считало, что положение в Польше создает серьезную угрозу для империи. Они знали, да и Ярузельский знал, что если он будет сопротивляться Кремлю в вопросе о военном положении, если он захочет увильнуть от этого, продолжать игру на время, то против него будет не только Кремль, но и польская армия, польская госбезопасность, польская партия. У Ярузельского, конечно, была очень солидная позиция в армии. Но его уберут. Возьмут другого и сделают то же. Разница в том, что Каня не хотел этого делать и пошел в отставку, а Ярузельский предпочел сделать это сам.

Впрочем, я, конечно, верил тогда, в 1981-м, что нам удастся пройти между Сциллой и Харибдой. Потому что это была моя обязанность — верить в это. Но это была вера не реалистичная.

Потому что появление мощного фактора во внутренней польской жизни, который был способен свести на "нет" каждое правительственное намерение, подорвало основы режима. И хотя режим, в смысле схемы решений, не изменился, но он стал бессильным. Но вся жизнь страны руководилась не рынком, а приказом, поэтому ведение хозяйства напрямую зависело от диктатуры: бессильный режим не сумел бы справиться с каждым вопросом. Так что диктатура формально существовала, а реально была бессильной. Провал экономики, который с недели на неделю становился все глубже и неизбежно вел к вспышкам и общественным взрывам. И тогда это могло бы кончиться и внутренним конфликтом, и советским вмешательством. Так что, я думаю, на деле избежать силового исхода было невозможно». Модзелевский, *«Я себя почувствовал не россиянином, а именно русским...»*.

⁵⁵ *«Круглый стол»* — переговоры между властями Польской Народной Республики и польской оппозицией, которые проходили в Варшаве с 6 февраля по 4 апреля 1989 года в здании Совета Министров ПНР. С правительственной стороны переговоры возглавлял генерал Чеслав Кищак, с оппозиционной — лидер «Солидарности» Лех Валенса. Было достигнуто соглашение о глубоких политических и экономических изменениях, в результате которых Польша перешла к демократии и рыночной экономике, возникла Третья Речь Посполитая.

Решения: создание Сената Польши; квотированные выборы в Сейм, в которых 65% мест гарантировалось ПОРП и союзным с ней партиям и организациям; создание поста Президента Польши; легализация «Солидарности»; предоставление оппозиции доступа к СМИ (еженедельная получасовая программа на телевидении, восстановление "Вестника солидарности").

⁵⁶ Хотя совещание руководителей профсоюза в Радоме и было законспирированным, власти смогли подслушать, записать на пленку и затем опубликовали отрывки из дискуссии как свидетельство подрывной деятельности «врагов Польши».

⁵⁷ Здесь уместно обратиться к книге математика, философа и публициста Абрама Ильича Фета (1924—2007) «Польская революция», написанной в Советском Союзе и изданной в Лондоне в 1985 году (Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1985). Книгу эту, конечно, ни я, ни мои товарищи из политклуба никогда не читали и даже не слышали о ней. Так вот, двенадцатая глава книги так и называется — «*Их последний бой*». См. modernproblems.org.ru/hisrory/188-polish-revolution.html#content

⁵⁸ Яцек Куронь и Кароль Модзелевский так вместе и прошли по жизни, борясь, рискуя, страдая, но все же являясь редкими счастливыми, потому что увидели плоды своей борьбы — свободную, независимую, демократическую Польшу, вернувшуюся в семью европейских народов. Увы, 17 июня 2004 года этот тандем распался: Яцек Куронь умер. И на его похоронах прощальное слово произнес Кароль Модзелевский. Кажется, это самые лучшие и самые верные слова о знаменитом польском бунтаре, так что приведем их и мы:

«<...> Не станем себя обманывать: Польша без Яцека Куроня будет слабее. Слабее, хуже. Нам труднее будет противостоять различным опасностям. Одновременно я отдаю себе отчет в том, что не все разделяют такое мнение.

Многим людям Яцек мешал. Нет в Польше недостатка и в таких людях, которые считают, что они-то наверняка знают, как твердой рукой следует ввести надлежащий социальный порядок, как твердой рукой обеспечить соблюдение твердых правил рынка. Если позаимствовать определение у Войцеха Млынарского, то это "либералы сильной руки". Им Яцек заведомо

мешал. Потому что он был бунтарь, притом безумно неудобный бунтарь. За свою разнообразную и богатую жизнь он дважды побывал в политической партии — и ни в одну не вменялся. Он приложил руку к построению двух разных общественных порядков — и против обоих бунтовал. Он категорически взбунтовался против коммунистического порядка, но мыслью своей бунтовал и против того, что строил вместе с друзьями в своей зрелости. А поскольку он был одним из отцов-основателей свободной Польши, постольку его бунтарская мысль оказывалась неудобной. Ибо когда некто по имени Яцек Куронь критиковал социальные итоги польских преобразований либо войну в Ираке и наше в ней участие, то на него невозможно было навесить ярлык демагога — и это было неудобство.

Он умер. Больше таких неудобств не будет. Можно почтить его памятником, можно восхвалить его заслуги, воздать честь его памяти. И всё будет спокойно, никто, обладающий таким авторитетом, не будет сеять сомнений, колебаний, не будет подстрекать людей к бунту. Это и есть та опасность, которая грозит Польше. Когда бунтарская мысль утихнет, Польша станет слабее и хуже будет защищаться от различных опасностей, которым мы обязаны противостоять <...>

<...> О нём часто говорят, что он пытался достичь безнадежного. То есть пытался согласовать требования экономической рациональности с социальным чувством. В этом что-то есть. Но почерпнутые из пропагандистских лозунгов слова о "единственном пути" затрудняют достижение истины. Можно сказать, что благодаря им язык мыслям лжёт. Не так ведь обстоит дело, что существует одна-единственная экономическая рациональность. И это Яцек тоже сознавал. В экономике, как во всякой общественной деятельности, сталкиваются разные ценности, разные интересы и разнообразные соображения. Сегодня верх взял подход, согласно которому в хозяйственном процессе тру-

довой человек — это затрата. Затрата, которую нужно предельно сократить. Может, даже до нуля. И чем больше удастся его сократить, тем больше экономический успех.

Яцек представлял противоположный подход. Он считал, что такая экономическая модернизация, которая толкает половину Польши на дно, оставляет половину Польши за бортом, — это не успех, а поражение. Потому что мера экономического успеха — плоды, которые он приносит обычным людям.

Это не значит, что Яцек пытался свой подход навязать другим. Он хорошо помнил опыт коммунизма, в котором сам участвовал, и знал, что подход, который захватит всё поле, а остальные столкнет в сторону, — будь то даже его собственный подход — обратится в наихудшее зло. Поэтому Яцек был таким ни на кого не похожим революционером, целью которого было не уничтожить противника, а достичь компромисса.

В политическом споре он всегда искал соображений оппонента. Он искал какие-то общие ценности с теми, кто думал иначе, нежели он, и представлял другие интересы. Он старался влезть в шкуру противника, старался понять его соображения и старался как-то эти противоречащие друг другу соображения согласовать. Можно сказать, что с этой точки зрения важнейшим его проектом для новой Польши был "Пакт о предприятии". Это должен был быть список принципов, определенное правило социальной и экономической жизни, опирающееся на общественное взаимопонимание.

Можно полагать, что это мечтания. Но я не думаю, что это мечтания, — это было и остается реальной идеей, как уберечь демократию и рыночную экономику от тяжелых потрясений, как уберечь Польшу от глубокого раскола, вызванного крупным социальным конфликтом. И если мы растеряем это наследие Яцека, великого революционера и одновременно человека ком-

промисса, то заведомо будем слабы, заведомо будем хуже, и нам будет труднее противостоять опасностям<...>».

⁵⁹ Иоанн Павел Второй — до интронизации Кáроль Юзеф Войты́ла (*Karol Józef Wojtyła*) — избран предстоятелем Римско-католической церкви 16 октября 1978 года.

⁶⁰ «Не имея возможности отстранить его от пастырской деятельности, посредством давления на его руководителей, коммунисты начали запугивать Отца Ежи. Его квартира была взломана дважды, за ним постоянно следили, его автомобиль пытались несколько раз разбить, устраивали странные аварии. В сентябре 1983 года прокурор Анна Яцковская (*Anna Jackowska*) возбудила дело в отношении ксендза Ежи Попелушко, и в декабре того же года ему было предъявлено обвинение в злоупотреблении свободой совести и религии в ущерб Польской Народной Республике.

За первую половину 1984 года он был один раз арестован и тринадцать раз (!) подвергнут допросу. Под влиянием службы безопасности и пропаганды активизировалась пресса, и начались нападки на священника со стороны СМИ. Пресс-конференции, проводимые пресс-секретарем правительства Ежи Урбаном, часто выглядели как инструкция по борьбе с восставшими священниками. В связи с растущей напряженностью, многие старались содействовать переезду ксендза Ежи в Рим. Однако он отказался от обучения там: *"Я не могу оставить этих людей, я не могу предать их. Уехать сейчас означало бы отступить от позиции церкви, которой доверяют. Я пережил тяжелые времена с ними и брошу их сейчас? ...Что предложит им Церковь? — мою измену, мою отставку?"*» См. сайт www.popieluszko.yolasite.com

Мы привели выдержку из биографического очерка о Ежи Попелушко, размещённого на сайте, созданном студентами фа-

культета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена в Санкт-Петербурге — участниками научно-практической группы под руководством доцента Сергея Наумова. Это первая интернет-страница на русском языке, посвященная ксендзу Ежи Попелушко. Цель «проекта Попелушко», как она сформулирована авторами, — сбор информации и создание единого многоформатного русскоязычного ресурса, позволяющего обмен историческим и культурным опытом между Россией и Польшей.

⁶¹ Этот бывший пресс-секретарь Ярузельского сделал успешную карьеру и при новой власти, став издателем и главным редактором еженедельника «*Nie*», в котором регулярно печатал свои фельетоны, высмеивая новые польские власти и Костёл, только теперь уже как оппозиционер. Он благополучно доживает свой век, раздает интервью, в том числе и на русском. В одном из них Урбан признаётся: *«Когда я пишу, я оказываю влияние на образ мышления определенного круга людей. Влияние это не поддается измерению. Мой еженедельник «NIE» ломал разные табу и придавал смелости всей прессе и телевидению. Это мое косвенное влияние. Иногда я оказываю влияние на действия властей, вызывая скандалы...»* См. ответы Ежи Урбана на вопросы читателей сайта ИноСМИ.ru, март-апрель 2005 г.
www.inosmi.ru/online/20050325/218360.html

⁶² «9 октября 1984 года после служения Святой Мессы в приходе Святых Польских братьев мучеников в Быдгоще по пути в Варшаву ксендз Попелушко и Вальдемар Хростовский, водитель автомобиля "Фольксваген Гольф", были похищены в Горске тремя сотрудниками службы безопасности (Гжегож Пиотровский, Лешек Пенкала и Вальдемар Хмелевский), один из которых — Хмелевский — переодет в форму сотрудника дорожной милиции. Сотрудники действовали по приказу независимой

группы "Д" 4 департамента МВД ПНР, отвечавшего за работу со священнослужителями и церковью. Тут нить обрывается. Никто не знает, что произошло на самом деле с ксендзом Попелушко. 21 октября была сформирована специальная группа в МВД по расследованию похищения (теоретически никто еще не знал о смерти священника).

В состав группы вошли опытные сотрудники 4 департамента МВД (глава отдела Зенон Платек и его заместитель Адам Петрушка). Исходя из политического решения 24 октября 1984 года, сотрудники службы безопасности были арестованы, а спустя три дня были оглашены их имена. А еще через три дня, 30 октября, тело ксендза Ежи Попелушко было поднято из водохранилища недалеко от Влоцлавка. В полицейском протоколе это записано следующим образом: "В 17:00 с помощью водолазов началось поднятие на поверхность мужского тела. Жертва — сообщает Кшиштоф Манько, один из водолазов, — была одета в рясу и сброшена с плотины с мешком камней". (*Chinciński, T., Na tropach prowokacji, "Biuletyn IPN" 2004, no. 10, p. 38.*)

Тело было изуродовано настолько, что его трудно было опознать. Что же стало причиной подобной жестокости? Историк Яцек Т. Журек утверждает, что это был способ запугать тех, кто не желает примириться с властью. Один из сотрудников службы безопасности раздавил язык ксендза Ежи со словами: "*Не будет больше таякать*". Может быть, это, скорее, символ — убить священника, который проповедовал правду, сродни убийству самой правды. Мы никогда не узнаем, кто отдавал приказы и что бы выяснилось, если бы было проведено надлежащее расследование.

Перевоз тела из Белостока (место вскрытия) к могиле около церкви Святого Станислава Костки в Варшаве превратился в способ проявления веры и единства. Церемония похорон про-

водилась 3 ноября, а Святая Месса проходила в полной тишине. Речи не были предоставлены никому.

За день до похорон группа службы безопасности была распущена. Внутреннее бюро расследований МВД принялось за это дело. Очевидно, что ничего не изменилось в процессе расследования, и результаты были вполне ожидаемыми. Ничего не было ясно. Суд над предполагаемыми преступниками тоже шел без изменений. Он продлился с 27 декабря 1984 по 2 февраля 1985 года в областном суде в Торуни в присутствии "общественности", которая состояла из членов службы безопасности и прокоммунистических журналистов. В результате судебного разбирательства подсудимые были приговорены к лишению свободы: Г. Пиотровский, А. Петрушка (на 25 лет каждый), Л. Пенкала (на 15 лет) и В.Хмелевский (на 14 лет). Все осужденные были освобождены из тюрьмы досрочно. Пенкала вышел через 5 лет, Хмелевский через 8, Петрушка через 10 и Пиотровский через 16 лет в 2001 году.

Парадоксально, но сам судебный процесс преподносился как дело по незначительным нарушениям. Казалось, что в суде на самом деле был ответчиком ксендз Ежи Попелушко и католическая церковь в Польше. Позже Войцех Ярузельский (в беседе с Эрихом Хонеккером) назвал церковь горбом, от которого нельзя избавиться». См. сайт www.popieluszko.yolasite.com

⁶³ Антон Левек. *Новая святыня польского народа. У могилы Ежи Попелушко: факты, события, перспективы.* Варшава, 1986.

⁶⁴ Модзелевский, «Я себя почувствовал не россиянином, а именно русским...», www.novpol.ru/index.php?id=1756

⁶⁵ В то время Трубников входил в редколлегия «Коммуниста».

Содержание

Предисловие	5
Беседа первая. Владислав Фрасынюк	35
Беседа вторая. Яцек Куронь	52
Беседа третья. Адам Михник	66
Беседа четвертая. Кароль Модзелевский	79
Ксендз Ежи Попелушко и судьба Польши	105
Заключение	115
Примечания	121